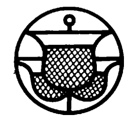
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СИ СЯ

А.П. ТЕРЕНТЬЕВ-КАТАНСКИЙ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СИ СЯ А.П. ТЕРЕНТЬЕВ-КАТАНСКИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Серия основана в 1969 году

"Наука"

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.П. ТЕРЕНТЬЕВ-КАТАНСКИЙ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СИ СЯ

По данным тангутской лексики
и иконографическому материалу

Москва
Издательская фирма "Восточная литература"
1993

ББК 63.3 (5 Кит) 4–7
Т35

Ответственный редактор

Л.Н.Меньшиков

Автор рисунка на переплете

Т.В.Горб

Редактор издательства

Т.М.Швецова

Терентьев-Катанский А.П.

Т35 Материальная культура Си Ся: По данным тангутской лексики и иконографическому материалу. – М.: Наука. Издательская фирма "Восточная литература", 1993. – 235 с.: ил.(Культура народов Востока).
ISBN 5-02-017252-9

В книге предпринята попытка воссоздания материальной культуры одного из древних государств Центральной Азии – государства тангутов Си Ся (IX–XIII вв.). Основное внимание уделяется описанию одежды, оружия, утвари, продуктов питания и архитектуры. Кроме китайских источников автор использовал оригинальный тангутский материал – иероглифические словари и памятники изобразительного искусства. Книга представляет интерес как для историков культуры и этнографов, так и для широких кругов читателей.

Т $\frac{0503000000-110}{013(02)-93}$ 45-92 ББК 63.3 (5 Кит) 4–7

ISBN 5-02-017252-9

ВСТУПЛЕНИЕ

История и язык исчезнувшего семь веков назад с карты Центральной Азии народа тангутов, образовавшего в X в. новой эры государство Си Ся, являются сейчас объектами интенсивного изучения. Составлены словари тангутского языка, позволяющие читать дошедшие до нас древние тексты, написан ряд работ по грамматике, истории, памятникам искусства, обнаруженным в развалинах Хара-хото — единственного города тангутов, подвергшегося тщательному археологическому обследованию (другие недавно открытые городища обследованы хуже) [Козлов, Кычанов, 1965; Лубо-Лесниченко]. Однако материальная культура тангутов до сего времени освещалась мало: некоторое внимание уделил данному вопросу известный советский тангутовед Е.И.Кычанов в главе III своего капитального труда "Очерки истории тангутского государства", базируясь главным образом на китайских источниках.

Цель данного исследования — ввести в научный обиход новые сведения о материальной культуре тангутов.

Поскольку планомерных и тщательных археологических изысканий на территории государства тангутов не производилось, материалом для изучения тангутской палеоэтнографии могут служить главным образом данные иконографии (иконы, картины, книжная иллюстрация в обнаруженных памятниках тангутской литературы) и названия предметов одежды, оружия, утвари, сохранившиеся в дошедших до нас тангутских энциклопедиях и словарях. В тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН СССР* есть еще сборники од (Танг. 26, инв. № 876 и Танг. 29, инв. № 4448); календари (Танг. 40, инв. № 5282; Танг. 41, инв. № 5868, Танг. 43, инв. № 7385, Танг. 44, инв. № 8085); таблицы титулов и должностей (Танг. 45, инв. № 4170, 4170[б], 4170[в], 4794, 5921); медицинский трактат (Танг. 53, 807[с]) и большое количество сборников законов. Но эти сочинения пока введены в научный обиход лишь частично.

Ценнейшим пособием для историка культуры являются также книги и книжные иллюстрации. С историей книги тесно связано любое направление научной, общественной или эстетической деятельности [Луппов, с. 4].

Возникшая как результат синтеза материальной и ду-

---

* С декабря 1991 г. Рукописный фонд Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук.

1-3 280

ховной культуры народа книга не может не отражать уровень развития культуры. Данные же словарей, прямо называющих конкретные предметы одежды и утвари, и книжная иллюстрация, изображающая эти предметы, могут значительно расширить наши представления о быте и образе жизни вымершего народа.

Представляется целесообразным в качестве материала для сравнения привлечь данные о культуре народов, сопредельных с государством Си Ся, в тех аспектах, в которых их материальная культура взаимосвязана.

Географическое положение Центральной Азии на древних караванных путях способствовало возникновению международных контактов, благодаря которым культура данных областей обрела синкретический характер. Тангутская империя возникла не на пустом месте. Окруженная другими народами Центральной Азии и Дальнего Востока — китайцами, уйгурами, киданями, тибетцами, — она не только впитала в себя традиции этих культур, порой уходящих корнями в глубокую древность (вплоть до древнего Ирана и эллинистических государств), но и сама оказывала влияние на менее развитые и более молодые в историческом отношении народы, в частности на монголов [Кычанов, 1968, с. 323—330]. То, что представлено в тангутских текстах лишь как название, могло сохраниться в изобразительном искусстве и в быту упомянутых выше народов. Поэтому при написании данной работы использованы источники (главным образом китайские) и памятники изобразительного искусства, обнаруженные европейскими экспедициями в этом районе. Следует оговориться, что археология Тибета — страны, населенной народом, в антропологическом и языковом отношении наиболее близким к тангутам, — пока исследована крайне слабо. Между тем именно в этой стране в силу ее географической и длительной политической изоляции могли сохраниться вплоть до наших дней элементы культуры, свойственные древним и средневековым народам Центральной Азии, в частности тангутам. Кажется возможным использовать сведения о Тибете, содержащиеся в работах путешественников XIX—XX вв., в частности А.Уодделя и Г.Ц.Цыбикова.

Одним из важных элементов материальной культуры любого народа является одежда. Изучение ее истории важно для историка и этнографа, во-первых, потому, что национальный костюм является показателем этнической принадлежности, а также отражает специфику культуры и художественный вкус народа, во-вторых, различие в формах одежды тесно связано с приспособлением ее к трудовым процессам и, в-третьих, одежда, как правило, отражает социальные различия и социально-экономическое неравенство в данном обществе.

До недавнего времени число работ по истории костюма народов Востока было относительно невелико. Среди

трудов по данному вопросу можно прежде всего упомянуть книгу Ф.Готтенрота "История внешней культуры", изданную на русском языке в переводе С.Л.Клячко издательством товарищества М.О.Вольф в 1911 г. Интересующие нас народы Центральной Азии и Дальнего Востока объединены автором в первом томе книги под заведомо неверным названием – "Татары" [Готтенрот, с. 176–201, табл. 100–116]. В эту группу наряду с тюрко-монгольскими племенами Ф.Готтенрот включил китайцев, тибетцев, дунган и даже... народы Юго-Восточной Азии (!). Не вдаваясь в подробности текста, можно остановиться на качестве иллюстраций. Изображены персонажи в костюмах только периода господства Маньчжурской династии. Несмотря на очевидное стремление художника следовать образцам китайской живописи, рисунки содержат много грубых ошибок: например, на таблице 101 фигуры 9–11, названные в пояснениях к рисункам "дворцовыми чиновниками", представляют собой изображения людей неизвестной нации и эпохи, в костюмах, в которых лишь при большом усилии можно проследить элементы одежды XVI в. В то же время все окружающие их персонажи одеты в костюмы маньчжурской эпохи, хотя и сильно искаженные художниками. В целом рисунки производят впечатление "китайщины", столь популярной в начале века.

На табл. 108 (рис. 49) иллюстратор рядом со средствами передвижения XIX–XX вв. помещает боевую колесницу, явно взятую с рисунка XVI в. и относящуюся, вероятно, к еще более древнему времени. Воин, находящийся в ней, одет в доспехи, близкие к китайскому защитному вооружению IX–XII вв., но сам рисунок сильно искажен и европеизирован.

Тем не менее ценность данной книги трудно отрицать. Ф.Готтенрот собрал в своем труде почти все, что было известно о странах Востока европейцам того времени. Нельзя ставить ему в вину незнание материалов, которые стали известны позднее. К тому же сам характер книги, рассчитанной скорее на широкого читателя, чем на специалиста, не позволяет требовать большего. Что же касается истории одежды греко-римского мира и народов Ближнего Востока – египтян, ассиро-вавилонян, мидян, персов, парфян, то в этом отношении книга Ф.Готтенрота является неоценимым пособием – немецкими ориенталистами и историками культуры античности эти народы были изучены в то время если не со столь исчерпывающей полнотой, как сейчас, то, во всяком случае, достаточно, чтобы дать о них верное представление.

В 1923 г. появилась работа Макса Тильке, посвященная восточному костюму [Тильке]. Это сочинение подготовлено более квалифицированно, но и здесь особое внимание обращено на народы классической древности, Ближнего Востока и особенно Африки – немецкая африканисти-

1-4 280

ка занимала в то время одно из ведущих мест. Материал по истории костюма народов Центральной Азии, собранный в книге Тильке, также использован при написании данной работы.

После 1923 г. довольно долго не появлялось работ, освещающих собственно историю восточного костюма, особенно в интересующем нас регионе. Об одежде и других сторонах материальной культуры тангутов есть сообщения в статье Е.И.Кычанова "Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов" и в исследовании "Очерки истории тангутского государства", где материальной культуре Си Ся посвящены некоторые разделы главы III (с. 67–78, 92–98, 115–131). Вопросы материальной культуры косвенно затрагиваются и в недавно вышедшем капитальном труде "Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание", изданном Е.И.Кычановым [Кодекс].

Поскольку китайцы оказали значительное влияние на культуру тангутов, в частности на костюм, в данной работе представляется целесообразным использовать монографию Л.П. и В.Л.Сычевых "Китайский костюм (символика, история, трактовка в литературе и искусстве)", в которой авторы подробно и квалифицированно, хотя и несколько односторонне (чрезмерный уклон в символику), осветили проблемы, связанные с китайской одеждой; о центральноазиатском же костюме почти ничего не говорится.

Основной материал для написания данной работы, как было сказано выше, дали тангутские энциклопедии и толковые словари, обнаруженные экспедицией П.К.Козлова в "мертвом" городе Хара-хото. Большая часть найденных там книг – перевод на тангутский язык частей буддийского канона и немногочисленные светские сочинения типа законов и таблиц чинов – малопригодна для этой цели.

Н.А.Невский, по праву считающийся основоположником русского тангутоведения, использовал для составления своего тангуто-русского словаря значительную часть ныне хранящихся в тангутской коллекции ЛО ИВАН словарей, например "Чжан-чжун-чжу". Этот материал он дополнил самостоятельной расшифровкой тангутских слов и целых выражений, сделанной им в процессе чтения тангутских текстов. Благодаря этому словарь Н.А.Невского, изданный в 1960 г. в двухтомном собрании его сочинений "Тангутская филология", вполне можно рассматривать как источник.

Вышедшее в свет в 1969 г. факсимильное издание и перевод словарей "Море письмен" и "Море письмен, смешанные категории" значительно дополнили материал, содержащийся в словаре Н.А.Невского.

Словарь "Чжан-чжун-чжу", к которому прибегал для написания своей книги Н.А.Невский, использован им почти полностью. В данной работе этот словарь цитируется

только в тех случаях, когда речь идет о знаках и выражениях, по какой-либо причине пропущенных Н.А.Невским.

Эрик Гринстед, английский тангутовед, работающий в настоящее время в Копенгагене, выпустил в свет книгу с двумя словарями, где он выявляет значение некоторых тангутских знаков, оставшихся до сих пор нерасшифрованными, и уточняет значение уже известных [Гринстед]. Этот труд также привлекался при написании данной работы.

Е.И.Кычановым был введен в научный обиход оригинальный памятник литературы Си Ся "Вновь собранные драгоценные парные изречения". К переводу этой книги приложено факсимильное воспроизведение текста. Перевод Е.И.Кычанова важен тем, что встречающиеся в нем названия предметов тангутского быта в зависимости от контекста фразы получают новое значение, подчас не уловленное в упомянутых выше словарях. Сами изречения дают представление о том, как использовался данный предмет в той или иной конкретной ситуации, что еще полнее раскрывает значение соответствующего термина.

* * *

Все тангутские слова и выражения, используемые в предлагаемой вниманию читателей работе, — отдельные иероглифы, биномы, сочетания из большого количества знаков и целые фразы — объединены в Тангутский иероглифический словарь-указатель, разбитый на тематические разделы. Внутри разделов слова расположены по графическому принципу, схема которого разработана для издания словарей "Море письмен" и "Море письмен, смешанные категории" профессором В.С.Колоколовым. Суть данной системы близка к той, которая была введена в научный обиход В.П.Васильевым и О.О.Розенбергом, — за исходную точку берется нижний или нижний правый элемент знака. Тангутский иероглифический словарь-указатель (в дальнейшем ТИУ) помещен в конце работы.

Представляется необходимым сказать несколько слов об анализе использованных иероглифов. В словаре "Море письмен" мы видим попытку объяснить знак, исходя из значения других, близких по начертанию знаков. В большинстве случаев этот способ довольно точно определяет смысл анализируемого знака. Но иногда толкования "Моря письмен" представляются нам бессмысленными, если не курьезными. Так, знак со значением "название особенно красивого" поясняется таким образом: левая часть знака "птица", правая часть знака "стригущий лишай" (!). Данный знак гораздо уместнее было бы истолковать, исходя из общей графемы , присущей и предыдущему и последующему знаку, звучащим так же, как поясняемый иероглиф.

Существует также способ графического анализа, основанный на семантической нагрузке отдельных элементов тангутского знака. Е.И.Кычанов в своих статьях "Новые словари в тангутской коллекции ЛО ИВАН" [Кычанов, 1961] и "К изучению структуры тангутской письменности" [Кычанов, 1964] приводит списки таких, имеющих самостоятельный смысл, графем.

Хотя, по мнению автора данной работы, второй способ структурного анализа можно считать более правильным, основанным на исследовании значения знака и исходящим из смысла составляющих его элементов, первый способ, как употреблявшийся самими тангутами, также должен быть в поле зрения читателя. Поэтому автор счел целесообразным анализировать каждый знак так, как это делают составители "Моря письмен", а также на основе значения составляющих его элементов. Графическому анализу по методу "Моря письмен" подвергнуты все тангутские иероглифы, входящие в ТИУ. Помещенные в квадратных скобках китайские знаки представляют собой китайскую транскрипцию тангутских идеографов. Встречающиеся в работе китайские слова даны в Китайском иероглифическом указателе (КИУ).

Конечно, письменные материалы по этнографии тангутов ограничиваются в данной работе в основном терминами, содержащимися в упомянутых выше словарях. Дальнейшая роспись оригинальных текстов, без сомнения, расширит охват слов и выражений, относящихся к затронутой теме.

Собственно тангутская археология — наука сравнительно молодая. Результаты раскопок тангутских городов и гробниц собраны в книге Чэнь Бинъина "Си Ся вэньу яньцзю" [Чэнь Бинъин], а также в книге Ши Цзиньбо [Ши Цзиньбо]. Эти книги, содержащие обильный иллюстративный материал, пополняют наши знания о материальной культуре тангутов.

Глава первая

ОДЕЖДА

Во всех трудах по истории костюма, как правило, нет единой схемы описания одежды. Каждый автор уделяет наибольшее внимание тому, что считает особенно важным. Мы предлагаем следующую схему*:

1. Материалы для изготовления одежды
2. Мужская одежда
3. Женская одежда
4. Детская одежда
5. Головные уборы
6. Обувь
7. Некоторые специфические формы одежды (одежда духовенства и императора)
8. Предметы роскоши (украшения, косметика)
9. Мелкие предметы туалета
10. Прически.

1. Материалы для изготовления одежды

Описание одежды тангутов представляется целесообразным начать со знакомства с материалами, из которых она изготовлялась, т.е. с тканями.

О выделке тангутами различных сортов материи сохранились сведения у китайских авторов. Есть сообщение о том, что тангуты платили дань Чингис-хану шерстяными изделиями — сукном, коврами и т.д. [Ши Цзиньбо, с. 166]. Шелковые материи тангуты получали не только путем обмена, но и изготовляли сами. Императорское правительство учредило в Си Ся даже особую палату, ведающую шелководством и производством шелка [там же]. В развалинах одного из тангутских городов китайские археологи в числе прочих предметов нашли обломки ткацкого станка [Чэнь Бинъин, с. 103].

В словарях тангутов сохранилось большое количество названий различных сортов тканей. Среди детерминативов, зафиксированных в работах по истории тангутской пись-

---

* Автор данной работы выражает благодарность сотруднику Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая Российской академии наук А.М.Решетову за помощь, оказанную при составлении описания этой схемы.

менности, выделен один, сопровождающий знаки, обозначающие разновидности тканей (ТИУ, № 3; [Кычанов, 1964, с. 127—128]). Большая часть названий тканей, встречающихся в тангутских письменных памятниках, сопровождается этим детерминативом.

Дорогие ткани

Шестой раздел дошедшего до нас ксилографического экземпляра словаря "Цзы цза" обозначен иероглифом с детерминативом "материя", переводимым как "тафта", "тонкий шелк" (ТИУ, № 21). Видимо, это вообще "шелковая ткань". Поскольку в данном разделе помещены названия не только шелковых, но и более грубых тканей, можно предположить, что знак, обозначающий название раздела, мог в некоторых случаях переводиться как "материя", т.е. как общий термин. Стоящий под детерминативом элемент, являющийся элементарным знаком "насекомое", "пресмыкающееся" [Кычанов, 1964, с. 127—128], показывает, что тангуты стремились отразить в иероглифе "шелк" мысль о нем как о материи, добывавшейся с помощью шелковичных червей. Перед нами типичная идеограмма, по-видимому без попыток передать звучание слова. Еще один знак, переводимый как "шелк-сырец", "шелковая нить" (ТИУ № 23), трактуется Н.А.Невским в его словаре как соединение элемента знака "волос" с детерминативом "насекомое" (последний дан в сокращенном виде). Поскольку большая часть знака "волос" графически близка нижней части детерминатива "насекомое", то, возможно, в данном случае мы имеем дело не с упрощением детерминатива, а с лигатурой.

Оба эти знака свидетельствуют о знакомстве тангутов с шелководством, заимствованным ими от китайцев. То, что это отражено в иероглифике, дает основания предполагать, что шелководство было известно тангутам уже при Юаньхао (1032—1048), ко времени правления которого относят изобретение тангутского письма.

Сохранился еще один знак, обозначающий шелк (ТИУ, № 2). Судя по толкованию Э.Гринстеда, это парча.

Особо выделен тангутами привозной китайский шелк, обозначающийся особым знаком (ТИУ, № 24). Последнее обстоятельство показывает, что два упоминавшихся выше знака относятся к местным сортам шелка. Это еще раз подтверждает то, что у тангутов существовало развитое шелководство. Сам знак, по-видимому, тоже идеограмма или, во всяком случае, заключает в себе идею изобразительности, так как второй его элемент как будто возник из образа какого-то ползающего животного (червь?). Ср. его с детерминативом "дракон", очень на него похожим [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 136].

Тангутские письменные памятники изобилуют упоминаниями о шелковых тканях и близких к ним дорогих сортах материи. Из последних чаще всего встречаются знаки, переводимые как "газ, креп". Два знака, имеющие этот смысл, даны под детерминативом "материя". Первый из них имеет две разнописи (ТИУ, № 10, 11), если только точка внутри одного из них не является дефектом печати в словаре "Цзы цза", в котором данный знак помещен. Во втором (ТИУ, № 15) под детерминативом дан элемент, похожий на элементарный знак "нить". В биноме, содержащемся в VI разделе "Цзы цза" (ТИУ, № 58), данный знак фигурирует вместе со знаком "шелк", "тафта" (ТИУ, № 21), что как будто указывает на принадлежность данного сорта материи к шелковым. Хотя первый знак бинома в ксилографе почти уничтожен лакуной, по его остаткам и по контексту нетрудно восстановить его первоначальный вид. Зафиксированы названия и для кисеи (ТИУ, № 6, второе значение — шелк; ТИУ, № 27).

Бином, переводимый как "шелковая материя, атлас" (ТИУ, № 56), встречается в словаре Н.А.Невского и в "Цзы цза". В последнем источнике второй знак бинома в ксилографе уничтожен лакуной, но, вероятно, здесь имеет место сочетание, данное у Н.А.Невского. Графика первого знака (ТИУ, № 18) близка к начертанию знака, переводимого как "камка" (ТИУ, № 20). Может быть, здесь имеет место разнопись.

Знак, обозначающий, по-видимому, разновидность тонкой шерстяной материи (ТИУ, № 8), встречается в "Цзы цза" в двух биномах (ТИУ, № 52, 57). В первом биноме он выступает вместе со знаком "креп, газ" (или, точнее, с его разнописью, см. ТИУ, № 11), во втором — со знаком "тафта, шелк" (ТИУ, № 21). В обоих биномах интересующий нас знак является вторым.

Разновидность тонкой тафты или шелка обозначает, по-видимому, и бином, помещенный в VI разделе "Цзы цза" (ТИУ, № 59). Его первый знак "тафта, шелк" (ТИУ, № 21) поясняется иероглифом, переводимым Н.А.Невским как "тонкий, легкий" и с некоторыми графическими изменениями помещенным в "Море письмен" со значением "тонкий, легкий, слабый". Однако в данном случае речь идет не о чем-то вроде газа, а именно о тонком шелке, так как для газа имеются свои специальные знаки (ТИУ, № 7, 10).

Встречается упоминание и о грубой шелковой материи. Н.А.Невский указывает на то, что это название представляет собой заимствование из китайского языка. Об этом говорит и транскрипция, данная им. Знак встречается в биноме ("Цзы цза") в сочетании с неоднократно упоминавшимся знаком "тафта, шелк" (ТИУ, № 60). Как отдельный знак он обозначает также грубую шерстяную материю или одежду из шелка и конопли (ТИУ, № 44). Знак "конопля, трава, из которой ткут грубую ткань" (ТИУ, № 30), обо-

значающий, вероятно, сырье для изготовления упомянутой материи, имеет другое начертание.

Какую-то тонкую ткань обозначает один из биномов в "Цзы цза" (раздел VI, ТИУ, № 64). Первый знак этого бинома переводится как "уток", второй – как "тонкий, мелкий; название "небольшого и нетолстого, подрастающего". Ни в первом, ни во втором знаке нет элементов, указывающих на то, что эта ткань была шелковой.

Особый сорт шелковой материи упоминается в "Цзы цза", где он обозначен биномом (ТИУ, № 51). Знаки, составляющие данный бином, не отмечены ни в одном из известных нам тангутских словарей, кроме книги Э.Гринстеда [Гринстед]. Однако анализ графики может дать приблизительное представление, о чем идет речь. В обоих знаках присутствует элемент (или детерминатив?) "насекомое" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.], что (как явствует из анализа знаков, обозначающих сорта материй), как правило, указывает на то, что данная ткань – шелковая. Во втором знаке можно отметить элемент "красный" [Кычанов, 1964, с. 130–131, табл.]. Начальный элемент первого знака содержит в себе графему, присутствующую в детерминативе, указывающем на действия с использованием огня [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.].

Большая часть обоих знаков – если отбросить начальные элементы – совершенно одинакова. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что бином обозначает шелковую материю огненно-красного цвета. Э.Гринстед приводит в своей книге первый знак данного бинома, переводя его словом "парча" (ТИУ, № 2). Таким образом, можно предположить, что речь идет о красной парче. Второй знак, как было сказано выше, имеющий в качестве детерминатива знак "красный", в остальной части совершенно идентичен первому. Известное сходство с первым знаком (детерминатив и верхний элемент основной части) обнаруживает одиночный знак "шелк" (ТИУ, № 1). Еще один окрашенный вид шелка обозначает иероглиф, переводимый как "желтый шелк" (ТИУ, № 14).

Образцов материи, добытых из развалин Хара-хото, сравнительно немного. Чаще всего шелковая материя встречается в качестве материала для обложек книг. Известны синие, зеленые, красные, желтые и коричневые шелковые обложки. Встречаются также белый и черный шелк, но значительно реже. Большинство дошедших до нас образцов – это шелковые ткани для переплетов книг.

Известны три знака и один бином, переводимые как "парча" (ТИУ, № 2, 17, 19, 66). Один из них (ТИУ, № 19), переводимый также как "шелковая материя с цветами, с узорами, название пестрого, разноцветного, с разного рода цветами", встречается в "Цзы цза" в разделе VIII "Женская одежда", в биноме, обозначающем "просторное узорчатое платье" (ТИУ, № 155), и в биноме, упоминаемом у

Н.А.Невского и переводимом как "разноцветный ковер" (ТИУ, № 62). Отсюда можно сделать вывод, что данный знак мог обозначать вообще узорчатую плотную материю. В разделе VII "Цзы цза", где помещены названия мужской одежды, знак не встречается вовсе. По-видимому, этот сорт ткани шел только на женские платья. Впрочем, как будет сказано ниже, тангуты, за исключением членов императорского дома и придворной аристократии, редко употребляли разноцветную материю для мужской одежды. Согласно графическому анализу знака в "Море письмен", данный знак состоит из детерминатива "материя" и части знака "красный". Зафиксирован и материал, необходимый для изготовления парчи, — золотая нитка (ТИУ, № 61). Второй знак (ТИУ, № 17) встречается только в словаре Н.А.Невского, безотносительно к мужскому или женскому костюму.

Непонятным является один из знаков, также обозначающий материю (ТИУ, № 9). В "Цзы цза" он встречается в биноме в разделе VI (ТИУ, № 55). Под детерминативом "материя" в данном знаке фигурирует элемент, являющийся во многих знаках детерминативом "дерево" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127–128, табл., с. 136], и очень часто встречающаяся в тангутской иероглифике графема, пока не имеющая определенного толкования. Идет ли здесь речь о шелке ("дерево" может служить указанием на шелковицу) или о материи из растительных волокон, сказать трудно. Второй знак бинома переводится как "ветвь", "протяженный". Может быть, здесь речь идет о шелковой нити.

Также малопонятным является знак, дословно переводимый как "связывать, стягивать" (ТИУ, № 13). В биноме, встречающемся в "Цзы цза", он фигурирует рядом со знаком "веревка", "связывать" (ТИУ, № 53). Создается впечатление, что здесь речь идет скорее о производственном процессе — прядении, вязке, — чем о сорте ткани. Впрочем, данный бином может обозначать какое-то вязаное полотнище.

Безусловно, ценная, богато украшенная материя обозначена и отдельным знаком (ТИУ, № 5) и биномом в "Цзы цза" (ТИУ, № 63). Сам знак, хотя и фигурирует в словаре Н.А.Невского, отдельного перевода не имеет. Бином переводится двумя китайскими знаками — "пройти насквозь", "нанизывать" и "раковина", "сокровище". Может быть, речь идет о материи, вышитой бисером.

Ткань *кэсы*, появившаяся в Китае при династии Сун, обозначена в памятниках тангутской письменности и отдельным знаком (ТИУ, № 12), и биномом (ТИУ, № 54). *Кэсы* представляет собой широкое (более 3,2 м — 10 чи) полотнище, на котором вытканы изображения видов, сцен, животных. Чаще всего фон этих изображений белый, синий или зеленоватый (хотя встречаются и другие расцветки).

В Тангутском фонде ЛО ИВАН есть книжный переплет, сшитый из кусков материи типа парчи или *кэсы* (Танг. 349, инв. № 333). В Хара-хото обнаружена икона Зеленой Тары, вытканная способом *кэсы* [Лубо-Лесниченко, с. 31].

Вероятно, ту же ткань *кэсы* обозначают знаки "вышитая ткань" (ТИУ, № 16; возможно, разнопись ТИУ, № 12) и "пестрый шелк, цветная материя" (ТИУ, № 26). Но это может быть и парча. Близки по смыслу к ним и два знака, переводимые как "вышивка" (ТИУ, № 22, 28).

Цветным сортам дорогих материй в источниках противопоставлен "простой, без узоров шелк" (ТИУ, № 25).

Образцы узорных дорогих тканей известны в Центральной Азии с весьма отдаленных времен. Вероятно, они берут начало из Парфии и Ирана (китайский костюм долгое время отличался скромностью орнамента, за исключением церемониальных костюмов императора и знати). Парфяне, очевидно, наследуя еще более ранние культурные традиции, носили разноцветные верхние кафтаны на белой подкладке и узорчатые плащи [Готтенрот, с. 111]. Сасаниды, следуя во многом парфянской моде, также употребляли орнаментированные ткани, в противоположность гладким, одноцветным материям, из которых изготовлялась одежда древних персов [там же, с. 133].

Излюбленные орнаменты эпохи Сасанидов — звезды, растительные мотивы, изображения фантастических животных [там же]. Это сближает персидские ткани с *кэсы* если не по технике изготовления, то по тематике.

Богато орнаментированные ткани использовались и иранизированными культурами Центральной Азии, памятники которых обнаружены в Кизиле, Крише и Кумтуре.

Стенные росписи Кизила поражают чрезвычайным богатством и разнообразием орнаментов. Мы видим узорную оторочку одноцветных кафтанов, состоящую из крестов и фигур, похожих на квадратные скобки (светлый рисунок по темному фону [АГ, рис. 415]); ромбический и растительный орнамент одежды при узорной оторочке ворота и запáха пол (мужской кафтан темного цвета со светлым орнаментом по темной оторочке [Лекок, 1928, табл. 30]); орнаменты одежды в виде пересекающихся полос при светлой оторочке ворота [АГ, рис. 334]; орнаменты одежды в виде розеток и фигур, напоминающих знаки мастей современных игральных карт — пики и трефы (светлые по темному и темные по светлому фону при простой темной и орнаментированной оторочке [Лекок, 1928, табл. 11; Габен, 1973, табл. 64, № 156]). Последний орнамент характерен и для византийских тканей [Байе, рис. 53]. Сама символика карточных фигур, где эти орнаменты использовались в качестве знаков мастей, по-видимому, как-то связана с культурой Центральной Азии, так как карты, по мнению весьма компетентных исследователей, были изобретены в Китае и получили дальнейшее разви-

тие в процессе движения на Запад [Картер, с. 183–193].

Фрески, обнаруженные в Крише, донесли до наших дней изображение кафтана с орнаментом в виде светлых кружков по темному полю, с темной оторочкой, украшенной таким же орнаментом и светлыми полосами, оторочкой рукавов, украшенной пересекающимися линиями. Этот наряд дополнен епанчой или короткой шубой, наброшенной на плечи изображенного персонажа, подбитой мехом и украшенной орнаментом в виде ромбов с кружками внутри [АГ, рис. 427].

Близкие к позднеиранским кафтаны знати на фресках Кумтуры украшены сложным орнаментом в виде больших розеток с ромбами или косыми крестами внутри, иногда окруженных каймой. В одном случае между розетками помещены крестообразные фигуры, похожие на стилизованный растительный орнамент [АГ, рис. 53; Лекок, 1928, табл. 26].

Ткани с орнаментом, по-видимому, являлись предметом торговли, которую оседлое население Центральной Азии вело с кочевниками. На росписях Ходжо и Безеклика [АГ, рис. 567; Лекок, 1913, табл. 22] мы видим последних в роли донаторов. На них кафтаны (одежда, характерная для кочевых племен), покрытые материей со сложным растительным рисунком или украшенной кругами.

На одной из фресок Шорчука (Шикшин), более китаизированного, нежели описанные выше местности, изображен сановник в длинном халате, сшитом из ткани, украшенной большими стилизованными изображениями чашечек цветов [АГ, рис. 464].

На стенных росписях Идикут-шари, столицы государства уйгуров, одежды сановников, слуг и музыкантов покрыты самым разнообразным орнаментом — от пересекающихся линий и ромбов до растительных мотивов [АГ, рис. 664–666].

Даже одежды буддийских монахов, как мы увидим ниже, строго регламентированные, иногда шились из узорчатых тканей. На одной из росписей Карашара мы видим монахов в желтых с красным растительным орнаментом облачениях [Стейн, т. IV, табл. CXXIV].

О китайских материях интересующего нас периода написано множество работ. Китайцы усиленно экспортировали в Си Ся шелковые ткани, парчу, тюль, предметы одежды [Кычанов, 1968, с. 97]. В Китай и Центральную Азию попадала персидская и византийская парча [Шефер, с.270].

Тангуты, государство которых, расположенное на стыке древних караванных путей, не могло не подвергнуться влиянию самых различных культур Востока, издавна познакомились с иноземными цветными тканями. Еще до Юаньхао (1032–1048 гг. н.э.), считающегося первым тангутским императором, знать начала одеваться в шелка [СШ, цз.485, с. 13[а]]. Позднее один из преемников Юаньхао просил при-

слать ему китайское одеяние [Бичурин, 1833, с. 56]. Попытки бороться со стремлением знати к роскоши ни к чему не привели. Введенный при дворе китайский этикет предусматривал и одежду китайского образца.

Об одежде знати можно судить по персонажам, составляющим свиту богов и Будды на тангутских иконах, а также изображениям высших чиновников.

Анализ тангутских идеографов показывает, что тангуты, первоначально приобретавшие дорогие материи у соседних народов, впоследствии сами развили шелководство и наладили производство шелковых тканей.

Не только знать, но и простой народ пользовались дорогими материями. Источники упоминают об обычае погребения покончивших с собой влюбленных, которым родители не позволили соединить свои судьбы. Тела умерших в таких случаях заворачивали в узорный шелк, а сверху обматывали войлоком [Кычанов, 1959, с. 113].

Чжурчжэни, империя которых возникла в 1115 г., т.е. позже тангутской, имели постоянные связи как с тангутами, так и с другими государствами Центральной Азии и Дальнего Востока. Богато орнаментированные ткани были известны и им. На хранящейся в Государственном Эрмитаже гравюре "Четыре красавицы", найденной в Хара-хото и отпечатанной чжурчжэньским мастером Цзи из Пинъяня, женские персонажи одеты в богато расшитые платья китайского типа [Рудова, с. 45].

Монголы, широко использовавшие достижения культур покоренных народов, в том числе и тангутов, также употребляли для своих одежд орнаментированные ткани. На одной из фресок Безеклика, по-видимому поздней, изображена женская фигура с лицом ярко выраженного монгольского типа, в одежде, чрезвычайно напоминающей одежду монгольских женщин на иранских миниатюрах [ПК, табл. между с. 32–33, 80–81; Рубрук, рис. на стр.99, табл. между с. 120–121, 160–161]. Относится ли это изображение к периоду до образования монгольского государства или сама фреска уже монгольского периода, сказать пока трудно. На женщине – платье из материи с орнаментом в виде концентрических кругов и головной убор, покрытый орнаментированной тканью.

На китайских рисунках и иранских миниатюрах, изображающих знатных монголов, платья из узорчатой ткани – главным образом на женщинах. Для мужчин более характерны одноцветные халаты, изредка украшенные легкой вышивкой.

Простые ткани

Наряду с названиями дорогих шелковых материй тангутские источники сохранили немало идеографов, обозначающих различные сорта более простых тканей.

На ранних этапах своей истории тангуты занимались главным образом скотоводством (хотя существовало и земледелие, о котором см. ниже). Скотоводство продолжало играть важную роль и после того, как значительная часть населения тангутского государства осела на земле. Неудивительно поэтому, что сырье для изготовления многих тангутских тканей составляли продукты скотоводства.

Один из дошедших до наших дней тангутских идеографов переводится как "меховая одежда" (ТИУ, № 42, 104). Данный знак снабжен детерминативом "кожа" [Кычанов, 1964, с. 130–131]. Это показывает, что в данном случае мы, по-видимому, имеем дело с одеждой типа нагольного тулупа, сделанной из кожи и меха животного, — одеждой, употребляемой до недавнего времени многими народами Центральной Азии, в частности скотоводческими племенами Тибета и Монголии.

Наиболее распространенной тканью, изготовлявшейся кочевниками-скотоводами, была грубая шерстяная материя. Выражение, обозначающее эту ткань, встречается в тангутских словарях в виде четырех одиночных знаков (ТИУ, № 37–39, 48) и бинома (ТИУ, № 122). В состав одного одиночного знака (ТИУ, № 39) входят элементы "копытное животное" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.] и "нить" [там же; 1961, с. 242]. Анализ знака наглядно свидетельствует о способе изготовления интересующей нас ткани. Бином, в который входит данный знак, помещен в "Цзы цза", в разделе VII "Мужская одежда" и обозначает грубую шерстяную одежду, рубашку. Сохранился знак, обозначающий изготовление этой ткани и одежды из нее (ТИУ, № 43).

Восемь знаков обозначают войлок — также распространенное изделие скотоводов (ТИУ, № 36, 31, 40, 41, 46, 47, 49, 50). В один из знаков включен элемент "копытное животное" (ТИУ, № 31). Два знака (ТИУ, № 46 и 47), по-видимому, являются разнописью одного и того же знака. Нахождение их в биномах, значащихся в VII разделе "Цзы цза" "Мужская одежда" (ТИУ, № 137, 138), показывает, что кочевники-тангуты носили одежду и из этого материала, грубого и неудобного, но легко изготовляемого.

Наряду с тканями, изготовлявшимися из сырья, поставляемого скотоводами, тангутам были известны и другие материи дешевых сортов. Два знака, обнаруженные в тангутских источниках, переводятся как "холст" (ТИУ, № 32, 45).

Один из упомянутых выше знаков (ТИУ, № 45) входит в бином, который можно перевести как "тонкий холст" (ТИУ, № 65). Второй знак бинома, встречающийся самостоятельно, означает "газ, флер" (ТИУ, № 7). По-видимому, сочетание обоих знаков соответствует какому-то особому сорту нешелковой материи, очень тонкой по фактуре.

Название хлопка (ТИУ, № 33), зафиксированное в ис-

точниках, свидетельствует об изготовлении хлопчатых тканей.

Как особую разновидность грубых тканей следует отметить ковровую. Два термина для понятия "ковер" (ТИУ, № 34, 35), очевидно, являются двумя разнописями одного знака.

Данные китайских источников подтверждают результаты, которые мы получаем на основе перевода и анализа знаков, обозначающих дешевые сорта материи. Юаньхао, будучи еще наследником престола, выступая против роскоши, которая, по его мнению, развращающе влияла на тангутскую знать, говорил: "Носить шкуры и шерсть... — вот что соответствует характеру фаней" (т.е. тибето-тангутских племен) [СШ, цз. 485, с. 12б]. Многие дешевые ткани, изготовлявшиеся тангутами, находили сбыт за границей: "Основные продукты производства государства Си Ся — ... войлоки, шерстяные ткани, ковры — не полностью использовались в своей стране. Необходимо было излишки этих продуктов обменивать с другими странами на продукты их производства" [ССШШ, цз. 20, с.4а]. Даже после падения тангутской империи искусство изготовления шерстяных тканей продолжало существовать в областях, некогда входивших в империю Си Ся. Марко Поло писал: "В области Егрегайа (Алашань) ткут лучшее в мире сукно из верблюжей шерсти" [Марко Поло, с. 94].

2. Мужская одежда

Из общих терминов, обозначающих одежду, в тангутских письменных памятниках зафиксировано два единичных знака (ТИУ, № 67, 68) и два бинома (ТИУ, № 69, 70). Один знак (ТИУ, № 67) полностью входит в состав идеографа "меховая одежда" (ТИУ, № 42, 104), оформлённого в данном сочетании детерминативом "кожа".

Второй знак (ТИУ, № 68) включает в себя элемент "копытное животное" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.], что как будто указывает на то, что большая часть тангутской одежды делалась из шерстяных тканей (ср. знаки ТИУ, № 31, 39). Одно из значений данного идеографа "дорожить, любить" показывает, что одежда составляла предмет гордости владельца, являясь, несомненно, также показателем социальной принадлежности.

Биномы включают упомянутые одиночные знаки. Один состоит из знака "одежда" (ТИУ, № 67) и служебного слова (ТИУ, № 69). По-видимому, это сочетание можно дословно перевести как "то, что одевают". В другом биноме (ТИУ, № 70) мы встречаем оба знака, обозначающих "одежда" (ТИУ, № 67, 68). Вероятно, этот бином представляет собой общее обозначение понятия "одежда".

Отдельно стоит бином "надевать одежду" (ТИУ, № 71). Его первый знак — один из одиночных знаков, обозначающих одежду вообще (ТИУ, № 68). Второй представляет собой знак "одежда" (ТИУ, № 67), снабженный сверху элементом, значение которого пока не определено — горизонтальная линия с двумя точками или крючкообразной графемой.

Мужская одежда в тангутских письменных источниках представлена многочисленными терминами. В "Цзы цза" ей посвящен целый раздел (VII). Его название (ТИУ, № 114) включает знак, переводимый как "мужчина", "муж", "благородный муж", "молодец", "мастер", "достойный, уважаемый человек".

Зафиксировано два единичных знака (ТИУ, № 85, 87) и два бинома (ТИУ, № 120, 133), переводимые как "верхняя одежда". В "Цзы цза" первый знак одного из биномов (ТИУ, № 133) сильно испорчен складкой, образовавшейся при реставрации. Но все же при внимательном рассмотрении в нем можно увидеть сходство с идеографом "верх", "внешний", "наружный", "находящийся вне", название "не низкого" [Невский, т. I, с. 177; МП, № 764]. Второй знак встречается только в "Цзы цза" в различных сочетаниях (ТИУ, № 117, 119). Скорее всего перед нами — неизвестный знак, соответствующий какой-то части одежды или понятию одежды вообще. Второй бином представляет собой сочетание этих двух единичных знаков.

Одежда кочевников и бедных слоев городского населения могла быть из грубых шерстяных тканей. В тангутских письменных источниках сохранились единичные знаки (ТИУ, № 90) и бином (ТИУ, № 122), обозначающие этот вид одежды. Второй знак и бином переводятся также как "рубашка". Первый знак встречается в словарях как обозначение грубой ткани, сермяги (ТИУ, № 39). Зафиксированы термины для платья из хлопчатой материи (ТИУ, № 111) и холщовой рубашки (ТИУ, № 134).

На фреске из Юйлиньку, места, входящего в комплекс дуньхуанских пещер, один слуга одет в короткий кафтан или рубашку темного цвета. Возможно, что она сделана из грубой шерстяной ткани [СЧЛ, табл. 42].

Знак "меховая одежда" (ТИУ, № 42, 104) уже несколько раз нами упоминался. О ее форме мы можем судить по картине сунского художника Чжао Босу "Возвращение с охоты" [ВСИ, табл. 257]. Изображенный на ней человек — тангут или тибетец — одет в короткий халат или кафтан, подбитый мехом и, по-видимому, крытый тканью. Похожие одежды мы видим и на двух персонажах в свите чжурчжэньской принцессы (Вэньу). Один из биномов (ТИУ, № 125) переводится как "нагольный тулуп". Есть специальный термин и для шубы (ТИУ, № 126).

В памятниках тангутской письменности встречаются

2-3 280

два бинома со значением "одежда из войлока" (ТИУ, № 137, 138). Войлочная одежда неудивительна в стране, где половина населения занималась скотоводством (см. раздел о тканях).

По мнению Ши Цзиньбо, к древнейшим формам одежды дансянов, предков тангутов, относится меховая шуба, крытая грубой шерстяной тканью, и войлочная накидка. Среди изделий, которые осевшие на землю дансянские кочевники обменивали на зерно соседям-земледельцам, были меховые куртки и шубы, нагольные тулупы, меховые и шерстяные ковры [Ши Цзиньбо, с. 202].

По-видимому, короткий кафтан и шаровары, которые мы видим на персонаже на картине Чжао Босу, были издревле присущи многим народам Востока, в хозяйстве которых скотоводство играло не последнюю роль. Древние парфяне носили широкие штаны и кафтаны с разрезом по всей длине или начиная с пояса и до низу. Иногда они были похожи на сорочки, с разрезом на груди, который закрывался с помощью затяжного шнура [Готтенрот, с.111]. Персы эпохи Сасанидов носили очень похожий костюм. Их шаровары обычно были очень широкие, в многочисленных складках. Кафтаны были снабжены узкими рукавами, закрывались на груди и всегда перехватывались поясом; иногда нижняя часть кафтана, начиная от пояса и до низу, была разрезана спереди, иногда разрезы делали и с боков [там же, с. 113].

Народы Восточного Туркестана в значительной мере переняли этот костюм. Стейн опубликовал скульптурный фриз, обнаруженный в Хотане, на котором изображены две мужские фигуры в одежде иранского типа [Стейн, табл.1]. Много персонажей в подобной одежде мы встречаем в росписях Кизила. Часто это — кафтан, сшитый в талию, запахивающийся справа налево, перехваченный поясом [АГ, рис. 332, 337, 338]. Иногда воротник, разрез и полы кафтана украшены узорной каймой [там же].

Во многих случаях мы сталкиваемся с несколько необычным покроем воротника. Его правая часть отгибается в виде треугольной или прямоугольной лопасти [АГ, рис. 334, 336, 415; Лекок, 1928, табл. 11, 30]. Очень похожие одежды мы видим на фресках Кумтуры [АГ, рис. 13, 53; Лекок, 1928, табл. 26]. Разница в том, что здесь кафтаны длиннее, а у некоторых персонажей воротник представляет собой не одну, а две треугольные лопасти, откинутые в обе стороны [АГ, рис. 53].

На одной из росписей Криша изображен человек с бритой головой, в кафтане с расстегнутым воротом (треугольные лопасти), с орнаментированной каймой вдоль разреза и полы (сбоку полы имеются небольшие разрезы), в накинутой на плечи узорной епанче с темным (меховым?) воротником, подбитой чем-то вроде меха горностая [АГ, рис. 427].

На фреске из Ходжо у персонажа в тюрбане – одежда с узкими рукавами, с полосами на предплечьях и у кистей рук (нижняя часть одежды не видна – фигура заслонена другими персонажами [Лекок, 1913, табл. 28]). А.Лекок отмечает сходство между сасанидским и центральноазиатским костюмами, приводя в одном из своих сочинений фотографию сасанидского серебряного блюда [Лекок, 1928, табл. 45]. На нем изображен всадник в кафтане с характерными треугольными отворотами, описанными выше.

На манихейских фресках и миниатюрах также часто встречаются короткие кафтаны с узкими рукавами. На одной из фресок мы видим музыканта с цитрой (или каким-то похожим на нее инструментом) в руках, одетого в короткий кафтан [АГ, рис. 72]. На миниатюре, иллюстрирующей манихейский свиток из Ходжо, изображены три мужские фигуры в кафтанах – красном с кругами, зеленом и белом [Лекок, 1908, табл. 7б] – и фигура в желтом кафтане (голова утрачена) [там же, табл. 8б].

Довольно значительна на фресках Центральной Азии группа персонажей, изображающих, по-видимому, кочевников, пришедших на поклонение святыне. Особенно много их в Безеклике. Они также одеты в короткие кафтаны, но не иранского типа.

На двух росписях мы видим кафтаны, подбитые мехом (вспомним меховую одежду тангутов). Один из них имеет прямой разрез спереди и полосы у предплечий и кистей рук, как у персонажа в тюрбане на фреске из Ходжо. Другой запахивается слева направо. По линии разреза – четыре застежки и полоса меха [АГ, рис. 565, 564].

Три другие росписи из того же района изображают, по-видимому, кафтаны из шерстяной материи или кожи. Один из них имеет разрез спереди и двойную кайму вокруг ворота, разреза и пол. Два других – с разрезами сбоку (у каждого персонажа – по три застежки на разрезе), богато украшенные растительным орнаментом в виде стилизованных ветвей (фигура слева) и цветов – в виде розеток (фигура справа) [АГ, рис. 566, 567].

На одной из фресок Безеклика изображена группа из пяти кочевников в тюрбанах и войлочных шапках, в молитвенных позах. На них – короткие кафтаны без разрезов и узоров [там же, рис. 543].

Три фрески из Безеклика, вероятно, изображают воинов или слуг – во всяком случае, людей, занимающих подчиненное положение. На одной из них – всадник в кафтане без узоров, с узкими рукавами и каймой, идущей по подолу. Две другие фигуры – по-видимому, слуги – также одеты в кафтаны. Один из них с каймой вокруг ворота и узкими рукавами. Разрез не заметен. Кафтан другого персонажа несколько выше колен, с узкими рукавами и каймой, идущей по подолу [АГ, рис. 605, 617, 616].

На фреске, изображающей воина с нимбом вокруг головы, фигурируют два персонажа в коротких кафтанах [АГ, рис. 628]. Один — уже описанного нами типа; другой близок к иранскому; воротник с откинутыми треугольными концами, запахивающийся слева направо. Оба персонажа — воины или слуги. Один держит сокола на руке — может быть, сокольничий, другой целится из лука.

На двух фресках из Кизила опять встречаются изображения людей, одетых в кафтаны. Один из этих людей, держащий в руках чашу, — очевидно, слуга — одет в кафтан с воротником иранского типа, с широкой орнаментированной каймой по месту разреза и подолу [АГ, рис. 266]. На большой фреске, где дана сложная композиция, фигурируют сразу два человека в одинаковых кафтанах в талию, с широкой черно-белой полосой, идущей вдоль разреза [АГ, рис. 282]. На фреске из Сым-сыма (Шорчук?) изображены две фигуры — неясно, мужские или женские, — в длинных кафтанах (или коротких халатах), запахнутых слева направо, с каймой вдоль воротника, разреза и пол [АГ, рис. 472].

В различных районах Восточного Туркестана встречаются изображения кочевников, похожие на персонажи с фресок Кизила. Мы видим короткие кафтаны с разрезом посередине [Лекок, 1913, табл. 19, 22], иногда подбитые мехом [там же, табл. 22], некоторые — запахнутые справа налево [СЮ, табл. 29].

Короткие одежды были свойственны, по-видимому, и китайскому костюму интересующей нас эпохи (или центральноазиатскому варианту китайского костюма). Короткие халаты до колен мы встречаем на многих росписях Дуньхуана (Дх, табл. 17, 18, пещера № 288; табл. 25, пещера № 62). Обычно персонажи, одетые в короткие халаты, носят также прямые узкие штаны и туфли. По-видимому, это — слуги. Большинство этих изображений относится к IV–VI вв. н.э.

Такую же одежду мы встречаем на одной из фресок Дуньхуана [Пеллио, т. V, табл. CCLXXVII], — на погонщике, держащем в руках повод отдыхающего быка, лежащего рядом с повозкой. В данном случае одежда, по-видимому, не из шерсти, а из полотна.

В Безеклике встречаются изображения людей в темных кафтанах в талию, напоминающих описанные выше кафтаны иранского типа, но в китайских чиновничьих шапках [АГ, рис. 544, 613] и персонаж в кафтане с широко распахнутым воротом, похожим на ворот китайских халатов. Судя по кисти и доске для растирания туши, которые изображенный человек держит в руках, это — чиновник [АГ, рис. 512].

На одном из персонажей, фигурирующем в стенных росписях храма к северу от Турфана, несмотря на головной убор китайского типа, надет короткий кафтан с разреза-

ми спереди и с боков и с круглой каймой вокруг воротника [АГ, рис. 473].

Тангутский иконографический материал, хранящийся в хара-хотинской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН, дает нам вполне определенную картину.

Рисунок на обложке рукописи Танг. 334, инв. № 1138 изображает человека верхом на верблюде (следом идет верблюжонок). Несмотря на небрежность и схематичность рисунка (точнее, наброска, сделанного неряшливо и бегло), кое-какие элементы одежды тангута-скотовода в этом изображении угадать можно. Человек одет в кафтан или халат, суживающийся в талии (перехваченный поясом?) и расширяющийся книзу. Голова обнажена. На ногах — тяжелые сапоги (об обуви см. соответствующий раздел).

Костюм слуги, стоящего за троном высокого духовного лица (название "изображение ламы", встречающееся в некоторых работах, условно, так как в те времена ламаизм, в той форме, какую ему придал Цзонхава, еще не существовал), тоже как будто представляет собой короткое одеяние с узкими рукавами — нижняя часть тела изображенного персонажа заслонена троном и фигурой монаха низшего ранга, держащего священный сосуд (Танг. 428, инв. № 3706).

На гравюрах, иллюстрирующих сутры Танг. 320, инв. № 71 и 83, одежды ученика, слушающего наставника, читающего сутру, юноши, пришедшего на поклонение к отшельнику, подмастерья, растирающего краски для художника, раскрашивающего священное изображение, совершенно одинаковы. Это — кафтан или перепоясанная рубаха и широкие штаны. Судя по складке, свидетельствующей о фактуре материи, одежда сшита из мягкой ткани, скорее всего не шерсти, а холста. По фасону ворота и рукавов этот костюм ближе к китайскому, чем к иранскому.

На широко известной гравюре, иллюстрирующей буддийский апокриф, помещенный в начале сутры Suvarnaprabhasa (Танг. 376, инв. № 95), мы видим два вида одежды, близкой к описываемой выше. В сцене, где Чжан Цзюйдао забивает скот, все действующие лица одеты в короткие подпоясанные рубахи и широкие длинные штаны. На ногах у них туфли (об обуви см. ниже). У одного из персонажей верхняя часть туловища обнажена — рубаха спущена с плеч и лежит широкими складками вокруг талии. Эта часть гравюры опубликована Е.И.Кычановым [Кычанов, 1965, с. 119].

На "адских стражах", схвативших Чжан Цзюйдао и конвоирующих на суд его и других грешников, — кафтаны или рубахи с каймой у воротника и штаны китайского типа, заправленные в чулки. На "адском вестнике", провожающем Чжан Цзюйдао из ада, — очень короткая верхняя одежда (скорее рубаха, чем кафтан).

На гравюре, значащейся в Рукописном фонде ЛО ИВАН

как инв. № 8100, земледелец, идущий за плугом, кажется одетым также в короткую рубашку или кафтан из мягкой материи. Нижняя часть фигуры закрыта картушем с надписью. Так же одет земледелец-тангут на одной из росписей Юйлиньку [Чэнь Бинъинь, с. 41].

На членах свиты чжурчжэньской принцессы с картины цзиньского художника Чжана (сохранилась только фамилия — Вэньу), за исключением трех человек в меховой одежде, одеты короткие халаты (или длинные кафтаны) из темной материи, с длинными рукавами. Об их обуви, чрезвычайно своеобразной, будет сказано ниже.

Анализ одежды соседних с тангутами центральноазиатских народов говорит не столько о преемственности, сколько о сходных условиях существования, породивших одинаковые формы костюма. Тем не менее не исключена и известная культурно-этнографическая связь, так как влияние, оказываемое более древними народами на тангутов, несомненно.

В тангутских словарях встречается знак, дословно переводимый как "талия", "поясница", "пазуха", "кошелек", "юбка", "обвязка на середине тела", "пояс", "ремень" (ТИУ, № 96). Значение второго знака в биноме, включающем данный идеограф в качестве первого знака, — "связывать", "привязывать", "веревка", "узы", "оковы", "сковывать", "цепь"; название (того, когда) спутывают "путами" [Невский, т. I, с. 260; МП, № 960]. Вряд ли бином в целом (ТИУ, № 128) обозначает просто пояс. Исходя из значения первого знака, речь идет либо о юбке-"плахте" (о которой в данной работе будет сказано в разделах об одежде высшего чиновничества и императора), либо о распространенном в Центральной Азии, в частности в Тибете и Монголии, обычае низко подвязывать халат, так что передняя пола образует пазуху, служащую карманом. На последнее указывает одно из значений первого знака бинома "пазуха". Зафиксировано два знака, переводимые словом "пазуха" (также "полы исподней одежды" — ТИУ, № 103, 105), и два знака, обозначающие "карман" (ТИУ, № 91, также "кошелек", "мешок" и ТИУ, № 110).

Знак, обозначающий "теплая куртка" (ТИУ, № 89), по-видимому, не относится к шерстяной, меховой и войлочной одежде, которая обозначается специальными знаками. Его графический анализ косвенно говорит о материале для этого вида одежды. Знак стоит под детерминативом "верх". Составные элементы — упоминавшийся выше знак (его переводим как "пазуха") и графема, которую Анна Бернхарди и Эрвин фон Цах определили как "палец" [Кычанов, 1964, с. 129]. Бином, в который входит данный знак, помещен в "Цзы цза" в разделе "Мужская одежда" (ТИУ, № 118). Второй знак его означает "подкладка". Сам бином Н.А.Невский переводит как "куртка (халат) на вате". Из анализа первого знака и из значения второго

можно заключить, что речь идет о чем-то надеваемом сверху (детерминатив "верх"), но имеющем подкладку. Таким образом, перевод Н.А.Невского представляется правильным.

Если судить по иконографическому материалу, собранному в тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН, короткую одежду носили преимущественно низшие слои населения — земледельцы, скотоводы и слуги. Фреска на Юйлиньку, где слуги чиновников изображены в короткой одежде, подтверждает это положение. Для соответствующей категории людей в тангутском обществе существовало два специальных термина, переводимые как "раб, работник, прислуга" (ТИУ, № 72, 73).

Два знака, встречающиеся в тангутских письменных памятниках, переводятся как "штаны" (ТИУ, № 79, 94; КИУ, № 9). В "Цзы цза" в разделе "Мужская одежда" есть бином, который можно перевести как "узкие штаны" (ТИУ, № 127) — второй знак бинома обозначает "узкий, тесный, название неширокого" (МП, № 2245).

В Восточном Туркестане, даже там, где, казалось бы, иранское влияние преобладало, существовало несколько разновидностей штанов. На фресках Кизила в изображениях людей, одетых в кафтаны иранского покроя, мы видим широкие шаровары, заправленные в высокие узкие сапоги [АГ, рис. 336, 338], длинные штаны, похожие на штаны персов эпохи Сасанидов, почти скрывающие голенища сапог (а может быть, носимые с туфлями [Лекок, 1928, табл. 11]), узкие штаны, заправленные в сапоги, узкие штаны с чулками [АГ, рис. 232, 334]. На одной из росписей Кизила фигурируют два персонажа в одинаковых коротких кафтанах, но один — в длинных и широких шароварах (ноги — босые), другой — в узких штанах, украшенных двухцветными широкими полосами и не доходящими до щиколотки (между концами штанов и короткими голенищами сапог — голое тело [АГ, рис. 282]).

Узкие штаны, заправленные в сапоги, мы видим на фресках Кумтуры [АГ, рис. 13, 53; Лекок, 1928, рис. 26]. Подобие широких шаровар (фреска испорчена) с орнаментированными обшлагами фигурирует в росписях Криша [АГ, рис. 427].

Кочевники, изображенные на фресках Безеклика, все одеты в узкие штаны [АГ, рис. 504, 564, 566, 567], иногда узорчатые, заправленные в сапоги.

В том же Безеклике мы видим узкие штаны, заправленные в сапоги, у лиц в одеяниях китайского типа [АГ, рис. 512, 544] и длинные узкие штаны до щиколотки (на ногах туфли) у людей, также одетых по-китайски [АГ, рис. 513, 613].

Всадник в узких штанах, заправленных в сапоги, на одной из фресок Безеклика, может быть, не кочевник, а просто конный воин [АГ, рис. 605]. Впрочем, одежда кон-

ных воинов могла быть заимствована у кочевников, искусных в этом виде боя. По мнению Аннемари фон Габен, уйгуры из Ходжо носили длинные и широкие штаны с башмаками или узкие, заправленные в сапоги [Габен, 1963, с. 172].

Длинные узкие штаны и башмаки мы встречаем и в Дуньхуане [Пеллио, т. 5, табл. CCLXXVII; Дх, табл. 17, 18, пещера 288].

Человек в китайской шапке и коротком костюме на фреске из храма к северу от Турфана одет в широкие шаровары, заправленные в высокие сапоги [АГ, с. 213, рис. 47].

Тангут-кочевник на картине Чжао Босу одет в штаны, напоминающие узкие штаны кочевника из Безеклика.

На гравюрах Танг. 320, инв. № 71 и 83 ученики монахов и подмастерье художника, как было сказано выше, изображены в длинных, до щиколотки, средней ширины штанах из мягкой ткани (судя по складкам).

Персонажи, изображенные на гравюре Танг. 376, инв. № 95, одеты либо в узкие холщовые штаны того же типа, что и у людей на гравюрах Танг. 320, инв. № 71 и 88, либо в широкие штаны, подвязанные под коленями на китайский манер (ноги защищены чулками и башмаками).

Вообще длинные штаны, по-видимому, появились в странах сурового климата, а также под влиянием кочевого образа жизни — такой вид одежды особенно удобен для всадников. В Европе длинные штаны впервые появились, как известно, у галлов (Gallia togata и Gallia braccata римских авторов).

Одежда знатных людей и чиновничества также нашла отражение в тангутских письменных памятниках.

Обращает на себя внимание знак, переводимый как "черные одежды" (ТИУ, № 76). В его состав входит элементарный знак "копытное животное" [Кычанов, 1964, с. 127—128, табл.]. Это как будто указывает на шерсть — материал, из которого делалась подобная одежда. Элемент, выступающий, по-видимому, в качестве детерминатива, — горизонтальная черта с двумя точками или крючкообразным элементом — встречается и в одном из общих терминов, обозначающих "одежда" (ТИУ, № 68). В "Цзы цза", в разделе "Мужская одежда", этот знак выступает в биноме (ТИУ, № 113) в соединении с другим знаком (ТИУ, № 86), переводимым как "длинное одеяние темного цвета для лиц благородного сословия" (МП, № 3170). Знак этот находится под детерминативом "камень" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл.]. Как было сказано выше, этот последний фигурирует в нескольких знаках, обозначающих предметы одежды. Детерминатив вряд ли говорит о материале, например об украшениях из ценных пород камня. Может быть, здесь кроется намек на цвет или фа-

ктуру ткани. Но такое толкование, конечно, натянуто. В целом бином можно перевести, по-видимому, как "темные (или черные) одежды для знатных людей". В "Чжан-чжун-чжу" это же выражение переводится как "грубая шерстяная рубашка".

Это толкование особенно интересно потому, что расходится со сведениями, сообщаемыми китайскими источниками. В "Сун ши" сказано: "... знатные люди должны были носить одежду зеленого, а незнатные — черного цвета" [СШ, цз. 485, с. 13[a]]. Правда, Е.И.Кычанов в одной из своих статей о палеоэтнографии тангутов [Кычанов, 1959, с. 113] замечает, что тангуты всегда предпочитали темную окраску тканей. В этой же статье говорится, что платье военных чиновников, когда они не находились при исполнении своих непосредственных обязанностей, делалось из черной или коричневой ткани с вышитыми на ней узорами в виде шаров [Кычанов, 1959, с. 113].

На цветных изображениях донаторов, помещенных на иконах Хара-хото, хранящихся в Государственном Эрмитаже, подавляющее большинство людей одеты в халаты зеленого цвета. Один раз встречается персонаж в черном халате.

Лишь одна из тангутских пословиц, переведенная Е.И.Кычановым — "Если черное платье наденешь, грязных пятен не будет (заметно)", — включает упомянутый выше бином (ТИУ, № 142).

Донатор с курильницей, по-видимому представитель знати, — на одной из икон, изображающих Авалокитешвару, одет в синюю одежду. Но это единственный описанный случай [Ольденбург, с. 42, икона № 35].

Еще один знак, встречающийся в тангутских словарях (ТИУ, № 88), может быть отнесен к числу идеографов, обозначающих "одежда с поясом, свешивающимся до края, до полы" (МП, № 2742). В "Цзы цза" в разделе "Мужская одежда" данный знак включен в бином (в качестве второго знака; ТИУ, № 139). Первый знак этого бинома встречается в "Море письмен" (МП, № 4282) и переводится как "китайский шелк" (ТИУ, № 24). В целом бином может обозначать одежду из китайского шелка со свешивающимся поясом. Вообще в тангутских источниках зафиксировано несколько названий для пояса (ТИУ, № 75, 93, 97, 98, 99, 107, 108, 109). Из них три обозначают "пояс со свешивающимся концом" (ТИУ, № 98, 107, 108), одно — "узкий пояс" (ТИУ, № 97; дословно "пояс, веревка, шнур") и два — "кожаные пояса" (ТИУ, № 93 — также "пряжка" — и ТИУ, № 99 — также "подпруга"). Есть знак для набедренной подкладки под пояс — принадлежность военных чиновников (ТИУ, № 80).

Иконографический материал подтверждает наличие такой одежды в странах Центральной Азии. Здесь бесспорно китайское влияние. В памятниках китайской живописи ха-

Типы жителей Восточного Туркестана:

Рис. 1. Представители знати (Кумтура)

Рис. 2. Знатные дамы (Кумтура)

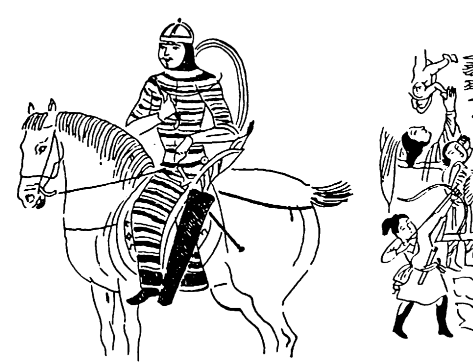

Рис. 3. Конный воин
(Шорчук)

Рис. 4. Знатный воин
(Ходжо)

Рис. 5. Кочевник
(Ходжо)

латы с широкими рукавами встречаются на изображениях чиновников, в частности в сценах с участием "адского судьи" Яньло-вана и его свиты [УДЦ] — сюжет, пользовавшийся большой популярностью и в тангутской религиозной живописи. Халат Яньло-вана в этих сценах — либо без орнаментов, либо с небольшими узорами на плечах.

На одной из фресок Дуньхуана мы видим двух чиновников высшего ранга в халатах с широкими рукавами и гофрированной оборкой снизу. Пояса на них — с широкой, свешивающейся спереди, полосой с бахромой на конце [Пеллио, т. 6, табл. CCCX]. Вообще одежда такого типа на дуньхуанских росписях не редкость [Дх, табл. 37—39, 50, пещеры № 130, 171, 156]. Эти изображения датируются правлением династий Тан (618—907).

Альберт Лекок приводит цветную репродукцию фрески с изображением божеств планетного культа [Лекок, 1922—1928, табл. 17]. Все персонажи, фигурирующие в данной сцене, одеты в халаты китайского типа, с широкими рукавами разных цветов.

Иконографический материал из Юйлиньку подтверждает существование "пояса, свешивающегося до полы" именно у тангутов. На росписи, изображающей знатного тангута и тангутку, первый носит халат с узкими рукавами, подпоясанный поясом, концы которого достигают края платья изображенного персонажа [Дх, табл. 15].

В тангутском государстве представители знати стремились к пышности в одежде. Введенный при дворе китайский этикет предусматривал и придворную одежду китайского образца. Несмотря на борьбу Юаньхао с иноземной роскошью, китайские обычаи прокладывали себе дорогу в среде тангутской аристократии. Ши Цзиньбо считает, что одежда гражданских чиновников Си Ся была в значительной мере заимствована у китайцев [Ши Цзиньбо, с. 203].

Материалы тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН дают богатый материал, подтверждающий этот вывод. На гравюре инв. № 8349, изображающей двор императора, на чиновниках, толпящихся у подножия трона, — халаты с широкими рукавами, иногда с гофрированными оборками снизу. Пояс — большей частью обычного китайского чиновничьего типа, иногда со свешивающимися концами. Халаты — без узоров, но их покрой не оставляет сомнения в том, что они если и не сделаны из китайского шелка, то, во всяком случае, являются прямым заимствованием китайской придворной одежды. Многие из чиновников держат в руках таблички для докладов, что также является частью придворного китайского этикета.

В сцене загробного суда на гравюре Танг. 376, инв. № 95 в халатах китайского покроя с широкими рукавами изображены "адский секретарь", стоящий рядом с Яньлованом со свитком в руках, и Чжан Цзюйдао, возвращающийся на землю. У последнего отчетливо виден пояс со све-

шивающимися концами. В китайское платье облачен и "адский чиновник" в сцене, где демоны ведут Чжан Цзюйдао на суд. Эта одежда — темного цвета.

Божества, стоящие за спиной Будды, и донаторы на гравюре Танг. 165, инв. № 150 (последние, возможно, члены императорской фамилии) облачены в халаты с широкими рукавами китайского типа. Воротники и рукава халатов оторочены черно-белой каймой. Халаты донаторов перехвачены узкими черно-белыми поясами.

На гравюре Танг. 334, инв. № 1319 персонаж в шапке, напоминающей чиновничью, также одет в халат с широкими рукавами, а на человеке в неясном головном уборе — точно такой же халат, подоткнутый у пояса.

На гравюре Танг. 320, инв. № 71 и № 83 халаты китайского покроя встречаются на молящихся перед статуей Будды и у художника, раскрашивающего священное изображение. У последнего есть пояс со свешивающимся концом. На тех же гравюрах придворное платье с широкими рукавами мы видим на персонажах, снявших шапки в знак покорности.

Данный в словарях (в двух вариантах начертания) знак, переводимый как "тонкая одежда без подкладки" (ТИУ, № 101, 102), относится, очевидно, также к платью аристократии из тонкой дорогой материи. Значение детерминатива данного знака не выяснено — верхняя часть его напоминает детерминатив "металл" [Кычанов, 1964, с.127—128, табл., с. 130—131, табл.], но без двух точек сверху. Основная часть знака — та же, что в иероглифе, обозначающем одежду вообще (ТИУ, № 67). Соответствующего иконографического материала не обнаружено (зафиксированное в словарях слово "чиновник" см. в ТИУ, № 74).

В "Цзы цза", в разделе "Мужская одежда", есть бином, возможно имеющий значение "чиновничье (официальное) платье" (ТИУ, № 135). Первый знак его переводится китайским знаком "фа" — "закон, дхарма". Второй знак обозначает одежду вообще (ТИУ, № 68). Можно было бы предположить, что речь идет об одежде духовенства, но для последней имеется специальный термин (ТИУ, № 202). Таким образом, первое предположение представляется правильным.

Труднопереводим бином, обозначающий какое-то одеяние знати (ТИУ, № 140). Дословно сочетание обоих знаков значит "белая перламутровая раковина". Второй знак отдельно можно перевести и как "одежда всадника" (МП, № 488). Возможно, перед нами — описание украшенной драгоценностями одежды знатного всадника: костюм простых всадников, если верить иконографическому материалу (гравюра, инв. №8100), не содержит ничего, что хотя бы отдаленно напоминало перламутровую раковину. Можно предположить также, что речь идет о блестящем вооружении конного воина. В таком случае бином должен быть отнесен в

раздел оружия и доспехов. В "Цзы цза" он стоит в разделе "Мужская одежда"*.

Одежда тангутского чиновничества низших рангов была строго регламентирована законом, введенным Юаньхао. По-видимому, это были длинные халаты с узкими рукавами. Прежде чем приступить к описанию этого вида одежды, существование которого подтверждено иконографическим материалом, представляется целесообразным проследить генезис халата с узкими рукавами на примере центральноазиатских находок.

На фреске из Шикшина (Шорчук) [АГ, рис. 464] мы видим человека в длинном халате, запахнутом слева направо, сшитом из ткани с растительным орнаментом (цветы, стилизованные в виде розеток). Халат перехвачен узким (кожаным?) поясом с металлическим набором и свешивающимися концами. К поясу привешены какие-то плохо различимые предметы (кошелек и кривой нож?). Рукава — узкие.

В росписях Безеклика фигурируют персонажи в китайских головных уборах, но в длинных халатах с узкими рукавами, без поясов [АГ, рис. 604].

На фресках из Идикут-шари представлены узорчатые халаты с узкими рукавами, перехваченные наборными поясами со свешивающимися концами. К поясам привешены непонятные предметы [АГ, рис. 664, 665, 666]. Халаты, по-видимому, запахивались слева направо.

Об одежде уйгуров из Ходжо существует свидетельство Аннемари фон Габен: "Платье чаще длинное, и его полы могли быть заткнуты за пояс, когда случалась необходимость двигаться быстрее; платье запахивалось слева направо, но обычно оно оставалось открытым под подбородком, чтобы показать разноцветную подкладку. Пояс был простой" [Габен, 1963, с. 172].

Иконографический материал, собранный А.Лекоком, дает приблизительно эту же картину. Мы видим длинные халаты с узкими рукавами [Лекок, 1913, табл. 30, 31], иногда с разрезами и широким воротом. Обращает на себя внимание красный халат с желтыми кругами на стрелке. Такого же цвета была форма тангутских военных чиновников [там же, табл. 33].

Об официальном платье тангутских чиновников низшего ранга, введенном Юаньхао, говорит Е.И.Кычанов в своей статье об этнографии тангутов: "Гражданским чиновникам предписывалось носить головную повязку, сапоги с высокими голенищами, халат коричневого или темно-красного цвета" [Кычанов, 1959, с. 113]. Это совпадает с данными Ши Цзиньбо.

В источниках зафиксирован одиночный знак для обо-

* В беседе с автором Е.И.Кычанов сказал, что им найдено еще одно возможное значение данного бинома — чин "интендант".

значения пурпурной одежды (цвет одежды высшего чиновничества — ТИУ, № 100) и фраза "одетому в пурпурные одежды все кланяются" (ТИУ, № 144).

Донатор на иконе Dhṛtaraṣtra, найденной в "знаменитом" субургане, одет в красную одежду [Ольденбург, с. 57, икона № 69]. На другой иконе, найденной там же, изображен человек в красном кафтане с белыми обшлагами и оторочкой ворота [Ольденбург, с. 36, икона № 29].

Гравюра Танг. 286, инв. № 3861 дает изображения чиновников в костюмах, близких к одежде персонажей на фреске из Юйлиньку. Мы видим длинные халаты с узкими рукавами, головные повязки (или шапки), черные узконосые сапоги. Воротники, рукава и полы халатов окаймлены черной полосой. У двух человек, по-видимому дворцовых слуг, стоящих с обнаженными головами за троном императора, длинные халаты с узкими рукавами, запахивающиеся слева направо и перехваченные поясом со свешивающимися концами. Такой же пояс мы видим на одном из чиновников.

Хотя Ши Цзиньбо считает, что на фресках из Юйлиньку изображены только военные чиновники [Ши Цзиньбо, с. 205], сравнение с упомянутой выше гравюрой заставляет пересмотреть это мнение. Персонажи на гравюре четко делятся на военных чиновников, которых отличает военный набедренник и металлический шлем с прорезными узорами, и гражданских, описанных выше. Такие же персонажи без набедренников, в черных шапках или повязках, встречаются рядом с военными на тех же фресках из Юйлиньку. Отсюда можно сделать еще один вывод: одежда гражданских чиновников, на каком-то этапе заимствованная у китайцев, к XII в., к которому относятся гравюра тангутского фонда и фрески из Юйлиньку, приобрела резко выраженный национальный характер. Возможно, впрочем, что высшие сановники двора продолжали носить богатую китайскую одежду.

На гравюре Танг. 219, инв. № 756 изображен чиновник в одежде, почти в точности совпадающей с только что описанной формой гражданского чиновника (правда, рисунок неясен).

По-видимому, халаты чиновников были ближе к тангутской национальной одежде, чем костюмы придворной аристократии. Вероятно, знак, переводимый как "название длиннополой одежды" (ТИУ, № 83), обозначал именно халат. На гравюре инв. № 8100 рядом с землепашцем стоят несколько человек в длинных халатах (рисунок не очень ясен). Надпись в картуше около них можно перевести: "Один пашет — семеро собирают" — нечто вроде русского: "Один с сошкой — семеро с ложкой". Очевидно, здесь своего рода сатира на представителей господствующих классов, о чем говорит одежда "семерых" — длинные халаты. На той же гравюре в группе всадников мы встречаем фи-

гуры с обнаженными головами, в халатах с узкими рукавами, запахнутых слева направо. У одного из всадников можно разглядеть нечто вроде пояса со свешивающимися концами.

На гравюре с "докшитом и драконом", иллюстрирующей многие главы Mahāprajñāparamitā, такой же халат с узкими рукавами, но без пояса можно видеть на фигуре упавшего человека — по-видимому, мужчины, так как женщина рядом одета совсем в другой костюм.

В Дуньхуане обнаружены два изображения людей в описанной выше одежде. На одной из фресок это — чиновники в длинных халатах с узкими рукавами и круглыми воротниками, в шапках или повязках со спускающимися на спину лентами, в узконосых сапогах. Налицо полная параллель с тангутской одеждой. В другом случае это несомненно тангуты (рядом тангутская надпись) в типично тангутских халатах [Пеллио, т. V, табл. CCLXX; т. VI, табл. CCCLVIII].

По свидетельству Е.И.Кычанова [Кычанов, 1959, с. 113], все тангуты носили халаты. Как показывает приведенный выше материал, это относится скорее к зажиточной части населения. Халаты с узкими рукавами, но похожие на китайские (полы, ворот) можно увидеть на гравюрах Танг. 320, инв. № 71 и 93.

Халаты, похожие на китайские, но с узкими рукавами, видны на персонажах, изображенных на рисунках в тексте сочинения секты Чань (Танг. 467, инв. № 2261). На головах этих людей не то китайские шиньоны, обернутые материей, не то небольшие шапочки с отворотами, сидящие на затылке.

На одной из росписей недавно раскопанной гробницы, украшенной деревянными панелями, изображено пять мужских фигур в длинных халатах с узкими рукавами, стоячим воротником и узкими поясами. Халаты — различных цветов: серого, серо-желтого, красного, зеленого и синего. Судя по предметам, которые персонажи держат в руках — блюдо, мешок, чаша — это слуги [Чэнь Бинъин, табл. 9].

На фресках в гробницах киданьских императоров мы видим фигуры в черных и красно-коричневых одеяниях [Тамура, табл. 16] (вспомним цвета одежды знатных тангутов и тангутских гражданских чиновников), с поясами, украшенными золотом. На их халатах — красный стоячий воротник — деталь, встречающаяся на иконах в коллекции Государственного Эрмитажа; халаты — с узкими рукавами. Там же изображены люди, по-видимому чиновники высшего ранга или придворные, в китайских головных уборах и черных халатах с узкими рукавами и красными поясами.

Вооруженные фигуры в тех же гробницах — в халатах с узкими рукавами и стоячими воротниками [Тамура, табл. 21, 23, 27–30, 32, 34, 35, 42–44, 89, 92, 93]. Встреча-

ются зеленые халаты с красными воротниками [Тамура, табл. 32, 44], как у донаторов на тангутских иконах. Этот костюм не кажется странным, так как кидани, наряду с уйгурами, являлись предшественниками и во многих отношениях учителями тангутов.

В тех же гробницах сохранились изображения планетных божеств в китайских одеяниях с длинными рукавами [Тамура, табл. 130, 133]. Но так как у нас нет параллелей с изображениями простых смертных, как это имеет место в тангутской коллекции ЛО ИВАН, можно предположить, что в данном случае перед нами простое заимствование образов богов из китайской иконографии.

На некоторых фресках в Ходжо, на персонажах, напоминающих монголов, также надеты халаты с узкими рукавами [Лекок, 1913, табл. 12, 38].

В развалинах храма к северу от Турфана [Тильке, табл. 14, 17] на фресках, изображающих монголов, мы видим особый тип верхней одежды — неподпоясанный халат с короткими рукавами, из-под которых видны рукава нижней одежды — узкие и длинные, до самых кистей. На костюмах монгольской аристократии, приведенных в книге Макса Тильке, тот же вид одежды: темное верхнее одеяние со вставками из узорчатой ткани, с короткими рукавами, из-под которых видны светлые рукава нижней одежды, и подпоясанный нижний халат с длинными узкими рукавами [Тильке, табл. 15].

Несколько знаков и биномов в тангутских письменных памятниках обозначают нижнее белье. Это, во-первых, знак нижнего белья вообще (ТИУ, № 78). Бином, в который он входит (ТИУ, № 116), имеет то же значение. Второй знак бинома — "внутри, внутренний, подкладка" [Невский, т. 1, с. 333] — как бы подчеркивает смысл всего выражения. Другой бином с тем же значением (ТИУ, № 115) точному толкованию не поддается.

Два знака могут быть переведены как "подштанники" (ТИУ, № 92, 95). Один из них как бы разнопись знака "штаны" (ТИУ, № 94). Значение второго помимо "исподнее, нижнее белье" также "нога, бедро", что подчеркивает справедливость нашего толкования (МП, № 1057).

Бином, встречающийся в "Цзы цза" (ТИУ, № 117) в разделе "Мужская одежда", можно перевести как "нижняя одежда" по аналогии с выражением "верхняя одежда" (ТИУ, № 133). Здесь также встречается знак, возможно обозначающий одежду вообще, но не обнаруженный в словарях. Бином, переводимый Н.А.Невским как "нижняя рубаха, тельник" (ТИУ, № 141), состоит из двух идеографов — "пот" и "охранить, беречь", что наглядно говорит о применении данного вида белья.

Известную трудность в переводе представляет собой один из биномов, помещенный в "Цзы цза" в разделе "Мужская одежда" (ТИУ, № 124). Первый знак его (ТИУ, №92),

3-3 280

уже встречавшийся нам, обозначает "нога", "бедро", "нижнее белье". Второй можно перевести как "плотно закрытый, хорошо запакованный" (МП, № 4139). Возможно, речь в данном случае идет не о нижнем белье, а о полосатых чулках — специфической части тангутского костюма. Чулки и гетры встречаются у народов Центральной Азии нечасто. На фресках из Кизила [АГ, рис. 334] можно видеть подобие длинных гетр из плотного материала (кожи?), с орнаментом в виде кружков. Эти гетры прикрывают простые узконосые туфли.

На одной из росписей Сым-сыма изображены две фигуры в халатах, на ногах которых — полосатые чулки (или обмотки) и легкие туфли [АГ, рис. 472]. Если это именно чулки, то перед нами — наиболее ранний пример употребления одежды, впоследствии ставшей характерной для тангутского национального костюма.

На фреске из Юйлиньку на одном из слуг, составляющих свиту тангутских чиновников, мы видим уже типичные полосатые чулки.

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 полосатые чулки составляют неотъемлемую часть костюма целого ряда персонажей. Мы видим их на ногах одного из демонов, влекущих Чжан Цзюйдао в ад, на ногах стражей, сопровождающих на суд Чжан Цзюйдао и грешников в кангах, на "адском вестнике", провожающем Чжан Цзюйдао из ада на землю.

Подобные же чулки употребляли и чжурчжэни, очевидно перенявшие их от тангутов. Первоначально, если судить по свите, сопровождающей чжурчжэньскую принцессу на упомянутой выше картине, одежда этого вида была им чужда. Чулки, подобные тангутским, можно встретить на ногах воинов, изображенных на гравюре из Пиньяна (см. раздел о доспехах и оружии).

Бином, переводимый как "жилет" (ТИУ, № 136), не подтверждается иконографическим материалом. Тот же бином встречается в "Цзы цза" и в разделе "Женская одежда" (ТИУ, № 158).

В "Цзы цза", в разделе "Мужская одежда", есть ряд биномов, которые трудно перевести. В них входят знаки, либо не встречающиеся в словарях, либо помещенные там без указания значения.

В состав одного из биномов (ТИУ, № 119) входит в качестве первого знака иероглиф, встречающийся в биномах "верхняя одежда" и "нижняя одежда" (ТИУ, № 117 и 133). Как было сказано выше, он обозначает, по-видимому, одежду вообще, но встречается только в "Цзы цза".

Еще один бином (ТИУ, № 121) состоит из знаков, вообще не встречающихся нигде, кроме "Цзы цза". Судя по графическому анализу, первый знак, в состав которого входит элемент (он же детерминатив) "овца", "баран" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 136], речь

идет о чем-то, сделанном из шерсти или меха. Графический анализ второго знака вообще ничего не дает.

Непонятен и бином (ТИУ, № 123), в состав которого в качестве второго знака входит идеограф "маленький" (МП, № 1062). Первый знак находится под известным нам детерминативом — горизонтальная черта с крючкообразным элементом, — встречающимся в нескольких знаках, обозначающих предметы одежды. Под ним стоят элементарные знаки "рука" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл.] и "земля" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127—128, табл.]. Но дать им определенное толкование пока не удается.

По-видимому, кроме шубы тангуты одевали в непогоду еще какую-то одежду, обозначенную в источниках биномом, переводимым выражением "накидка от дождя" (ТИУ, № 130). Судя по тангутской пословице (ТИУ, № 143), ее надевали поверх шубы.

Часть одежды, переводимая как "набрюшник" (ТИУ, № 81, 82), не отражена в памятниках изобразительного искусства. Во всяком случае, это не военный набедренник, так как является принадлежностью евнуха (ТИУ, № 81). Графическое сходство со знаками, обозначающими женское белье, заставляет поместить второй знак и в разделе женской одежды (ТИУ, № 148).

Не отражены в иконографическом материале и такие понятия, как "короткая и просторная одежда без рукавов" (ТИУ, № 84; если только это не подобие одежды персонажей на турфанских фресках или что-то вроде монгольских халатов), "отложной воротник" (ТИУ, № 132) и "шелковое покрывало" (ТИУ, № 131). Этот знак может обозначать и принадлежность женской одежды, и мужской плащ. Иероглиф "бахрома" (ТИУ, № 106; также "завязки, ленты") подтверждается иконографическим материалом — оборкой или бахромой на подолах халатов и на наплечниках доспехов.

3. Женская одежда

О женской одежде в тангутских памятниках письменности и иконографии сохранилось меньше сведений, чем о мужской. Это не кажется странным для страны, где преобладающей религией был буддизм. Достаточно вспомнить полные гнева и презрения слова, обращенные автором одного из религиозно-нравственных сочинений [Невский, т. 1, с. 83—84] к женщинам-мирянкам (по-видимому, обращение написано монахом). Однако, несмотря на суровое пуританство буддийских ревнителей морали, в тангутском обществе еще жили следы почитания женщины — основательницы рода (пережиток добуддийского мировоззрения). Любовью и уважением дышат строки оды, посвященной "матушке Ама", родоначальнице тангутов, имевшей "серебряное

чрево и груди златые" [Невский, т. I, с. 76]. Имена тангутских императриц в качестве редакторов перевода буддийских сутр, хранящихся в тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН, стоят рядом с именами редакторов-императоров.

Памятники тангутской письменности сохранили только одно название, обозначающее женскую одежду вообще. Это бином, представляющий собой название соответствующего раздела в "Цзы цза" (раздел VIII; ТИУ, № 152). Первый знак данного бинома значит "женщина". Второй знак — общий термин для обозначения понятия "одежда" (ТИУ, № 68).

Ряд терминов в памятниках тангутской письменности передает понятие "юбка, подол" (ТИУ, № 147, 150, 156, 159). Во всех знаках с таким значением присутствует элемент "длинный" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 129, 136].

Иконографический материал показывает, как выглядела эта часть женской одежды у народов Центральной Азии. А.Стейн описывает найденную в Иоткане терракотовую штампованную фигуру женщины, сидящей на корточках и держащей ребенка. Женщина одета в отделанную мехом кофту или куртку и гофрированную юбку [Стейн, т. 1, с.102].

На росписях Кумтуры мы видим похожую одежду. Две женские фигуры на одной из фресок одеты в кофты с узкими рукавами, сшитые в талию, и широкие юбки. Разрез и полы кофт отделаны каймами с простым линейным орнаментом, так же как обшлага рукавов. Юбки кажутся гофрированными или сшитыми из отдельных полос, причем полосы простой материи чередуются с полосами орнаментированной. Воротник кофты одной из женских фигур плотно завязан с помощью широких лент, воротник другой имеет откидные треугольные лопасти, как на описанных выше кафтанах иранского типа [Лекок, 1928, рис. 21]. Похожий воротник встречается и на одной из иотканских статуэток [Стейн, т. 1, с. 102]. Длинная юбка с высокой талией, доходящей до подмышек, и кофта с узкими или широкими рукавами составляют костюм женских персонажей на росписях в Дуньхуане. Иногда кофта имеет широко открытый ворот, оставляющий обнаженными шею и верхнюю часть груди — такая "мода", как правило, не поощрялась китайскими традициями [Дх, табл. 40—41, пещера 130; табл.12, пещера 61; табл. 14, пещера 175].

По-видимому, костюм, состоявший из юбки и кофты, был настолько широко распространен, что проник даже в христианское искусство Центральной Азии. На одном из его немногочисленных памятников в Ходжо рядом с фигурой всадника, изображающего, может быть, Георгия-победоносца, мы видим женскую фигуру в длинной широкой юбке и подобии кофты (рисунок неясен).

 Тангутские женские костюмы представлены в книжных

иллюстрациях хара-хотинской коллекции ЛО ИВАН. В широко известной иллюстрации к "Mahāprajñāparamitā-sutra" в сцене с "докшитом и драконом" участвует женщина в коротком верхнем халате (или длинной кофте) поверх широкой юбки. Шея кажется открытой.

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 в сцене болезни Чжан Цзюйдао, кроме двух женщин в платьях с широкими рукавами китайского типа, поддерживающих больного Чжан Цзюйдао, фигурирует еще один персонаж — женщина, стоящая перед ложем больного. Она одета почти так же, как женщина в сцене "с докшитом и драконом", — в длинный верхний халат и юбку. Шея и верхняя часть груди открыты.

На той же гравюре в сцене загробного суда изображена женская фигура в китайском платье с широкими рукавами.

Три выражения, встречающиеся в тангутских письменных памятниках, переводятся как "нагрудник, набрюшник" (ТИУ, № 146, 148, 153). Одно из них представляет собой бином (ТИУ, № 153), составленный из двух предыдущих. В обоих единичных знаках при различных детерминативах(?) фигурируют два общих главных элемента. Один — элементарный знак "длинный" (см. выше). Второй, может быть, является показателем женского рода, так как встречается не только в упомянутых выше знаках, но и в иероглифе "юбка" (вместе с элементом "длинный" — ТИУ, № 147) и в знаке "передник" (ТИУ, № 149) и графически близок к китайскому знаку "нюй" — "женщина". Обращает на себя внимание и элемент (или детерминатив?), встречающийся в знаках "нагрудник, набрюшник" (ТИУ, № 148) и "передник" (ТИУ, № 149) и не поддающийся пока расшифровке.

Тангутский иконографический материал как будто дает ответ на то, как выглядел упомянутый выше предмет одежды. На гравюре Танг. 376, инв. № 95 в сцене болезни Чжан Цзюйдао у женщины, стоящей перед ложем больного, поверх юбки одето нечто вроде военного набедренника. Может быть, это и есть упомянутый выше "набрюшник".

Бином, который выше был истолкован как "юбка" (ТИУ, № 153), в дословном переводе значит "женские штаны". Изображений женщин в штанах, подобных позднекитайским, в тангутской иконографии не зафиксировано. Однако второй знак бинома, отмеченный в разделе "мужская одежда" (ТИУ, № 94, 95), не оставляет сомнения в том, что речь идет именно о панталонах. Тот же бином в ином написании, данный в "Чжан-чжун-чжу" (ТИУ, № 154), снабжен китайским переводом "женские штаны". Неясно, имеется ли в виду верхняя или нижняя одежда, — в "Цзы цза" в соответствующем разделе не сказано ни слова о женском нижнем белье.

Прежде чем приступать к выяснению вопроса о том, отражено ли данное понятие в тангутской иконографии, сле-

дует остановиться на близком к нему биноме, переводимом Н.А.Невским как "жилет". Этот знак относится, по-видимому, как к мужской, так и к женской одежде.

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 в сцене, где "адский служитель" конвоирует грешные души, мы видим фигуру полуодетой женщины. Плечи и руки ее обнажены, так же как и ноги до колен. Грудь и живот прикрыты чем-то вроде короткого набрюшника или жилета. Женщина одета в подобие короткой юбки. Но складки и завязки под коленями, аналогичные завязкам на мужских китайских штанах, показывают, что в данном случае мы имеем дело именно со штанами. Между "жилетом" и штанами проходит пояс, завязанный спереди узлом. Таким образом, перед нами — иконографическое подтверждение упоминавшегося выше бинома и единственное пока изображение нижнего белья женщины, о котором, как было сказано выше, в письменных источниках почти ничего не сообщается.

Знак "передник", графический анализ которого дан выше, не подтверждается данными иконографии. Однако и до сего дня одной из существенных принадлежностей одежды тибетских женщин является длинный передник, украшенный разноцветными горизонтальными полосами. Можно предположить, что тангуты, родственные тибетцам, также употребляли этот предмет одежды.

В "Цзы цза", в разделе "Женская одежда", встречается малопонятный бином (ТИУ, № 159). Его первый знак переводится как "подол, край платья, одежды" (ТИУ, № 150). Второй имеет значение "зад, тыл, конец, тыльная часть, предел, находящийся за" (МП, № 1343). Может быть, речь идет о чем-то вроде шлейфа.

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 у женщины, стоящей перед заклинателем или врачом, из-под верхнего халата свешивается и волочится по земле кусок гофрированной материи. Может быть, это и есть "шлейф", о котором говорится в "Цзы цза".

Непонятным является и другой бином, отнесенный в "Цзы цза" к тому же разделу (ТИУ, № 157). Его первый знак значит "до, перед, тому назад" (МП, № 3779). Второй знак переводится как "название руки" (от пальцев до плеча) (МП, № 1957). Это значение показывает, что в данном случае речь вряд ли идет о запястье, как могло бы показаться с первого взгляда. Скорее перед нами название рукава.

О рукавах платьев тангутских женщин достаточно сказано выше. В большинстве случаев это были узкие длинные рукава, напоминающие рукава мужских халатов.

Не зафиксирован в письменных источниках, но зато отражен во многих памятниках изобразительного искусства особый тип платья тангутских женщин, возможно происшедший от одежды кочевников или, что менее вероятно, оказавший влияние на женскую одежду более поздних кочевых племен Центральной Азии.

На гравюре Танг. 386, инв. № 5877 женщина, находящаяся рядом с монахом перед престолом Будды, одета в двойной длинный халат. Короткие рукава верхнего халата позволяют видеть длинные рукава нижней одежды, доходящие до кистей. Воротник — с темной каймой, широкий, позволяющий видеть нижнюю одежду. Через плечи переброшен шарф.

Похожий костюм мы видим на гравюре инв. № 8100. Группа всадников в левой части гравюры, по-видимому, изображает свиту какой-то знатной женщины. Центральная фигура имеет пышный, плохо различимый головной убор (или прическу). Рядом с ней — две женщины с невысокими прическами. За группой женщин и впереди процессии — две мужские фигуры в халатах с узкими рукавами, описанных выше.

На всех трех женщинах — одинаковые двойные халаты. Верхние халаты с короткими рукавами украшены на груди орнаментом в форме круга. Низ одежды мешает видеть стилизованные облака и картуш с надписью.

На упоминавшейся выше картине чжурчжэньская принцесса одета в двойной халат — верхний с короткими рукавами. На плечи ее накинуто своеобразное украшение в виде короткой пелерины, вырезанной фестонами, с квадратной бляхой спереди. Кроме того, на принцессе надеты широкие штаны мужского фасона (элемент одежды кочевников или женского костюма для верховой езды), заправленные в сапоги особого типа, о которых будет сказано ниже.

Женские персонажи в росписях развалин храма к северу от Турфана большей частью одеты в очень похожий костюм — двойной халат (верхний — с короткими рукавами). Воротники и края коротких рукавов верхнего халата украшены одноцветной каймой. Верхний халат имеет широкий вырез воротника, позволяющий видеть нижнюю одежду. Следует отметить отсутствие пояса. Одна из женщин на фресках одета в просторное платье с широкими рукавами [АГ, рис. 476, 477, 480, 506].

Один знак (ТИУ, № 145) и один бином (ТИУ, № 155) в памятниках тангутской письменности переводится как "просторное узорчатое платье". Одиночный знак состоит, помимо детерминатива в виде горизонтальной черты с крючкообразным элементом, из элементарных знаков "копытное животное" и "злаковые культуры" [Кычанов, 1964, с. 127—128, табл.]. Возможно, что речь идет об одежде из смешанного материала (ср. ТИУ, № 44).

Бином, помещенный в "Цзы цза" в разделе "Женская одежда" (ТИУ, № 155), состоит из знака "парча, шелковая одежда с узорами" (ТИУ, № 19) и приведенного выше знака (ТИУ, № 145). На дуньхуанских фресках изображения женщин в узорных одеждах относятся главным образом к VII—IX вв. [Дх, табл. 35—46, пещеры 130, 171, 205, 212].

Памятники тангутской иконографии не сохранили изо-

бражений богато расшитых женских платьев. На цзиньской гравюре "Четыре красавицы" женщины одеты в расшитые одежды китайского типа. Может быть, одежды, о которых идет речь в памятниках тангутской письменности, похожи на упомянутый наряд.

Ши Цзиньбо, базируясь на росписях Дуньхуана, относящихся к тангутской эпохе, считает, что одежда тангутских женщин во многом напоминала китайскую. Он описывает расшитые цветами двойные женские халаты, плиссированные юбки, богатые головные украшения [Ши Цзиньбо, с. 205].

4. Детская одежда

В тангутских словарях зафиксирован только один знак, обозначающий детскую одежду (ТИУ, № 160 — одежда для мальчика). В нем содержится элемент, не имеющий истолкования, но входящий в состав знаков, обозначающих различные сорта тканей и предметы одежды (ТИУ, № 31, 46, 47, 78). Может быть, это — просто одно из написаний детерминатива "ткань".

Иконографический материал стран Центральной Азии дает представление об одежде грудного младенца — шапка (чепчик?) и свивальник [Стейн, т. 1, с. 102] — и одежде ребенка более старшего возраста, похожей на китайскую [Лекок, 1922—1928, табл. 15—16]. Собственно тангутских изображений детской одежды до нас не дошло — по крайней мере, их нет в иллюстрациях к рукописям и ксилографам тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН.

5. Головные уборы

В тангутских словарях зафиксировано пять знаков, переводимых как "головной убор, шапка" (ТИУ, № 164, 166—168, 170). В одном из них (ТИУ, № 166), имеющем детерминатив "человек" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 130—131, табл.], фигурирует элемент "верх" [там же, с. 127—128; табл. на с. 137]. По-видимому, речь идет именно о мужском головном уборе — женский головной убор, как мы увидим ниже, не имеет детерминатива "человек", могущего быть осмысленным и как "мужчина". В другом знаке (ТИУ, № 167) также можно проследить элемент, обозначающий "человек".

Кроме единичных знаков, передающих головной убор вообще, Н.А.Невский зафиксировал бином, также перево-

димый как "головной убор" (ТИУ, № 174). В его состав входит один из единичных знаков, отмеченных выше (ТИУ, № 167), и знак, обозначающий служебную частицу [Невский, т. II, с. 100].

Графическую близость с одним из знаков, переводимых как "шапка" (ТИУ, № 167), обнаруживает знак "носить шапку" (ТИУ, № 162; также фамильный знак). Элементарный знак "человек" стоит в нем слева и, по-видимому, играет роль детерминатива.

В словаре Н.А.Невского помещена фраза, переведенная им как "Черноголовые (простой народ) войлочные шапки носят" (ТИУ, № 180). Здесь мы сталкиваемся с уже знакомым нам знаком "войлок" (ТИУ, № 46). Зафиксирован и бином со значением "войлочная шапка" (ТИУ, № 178). Как выглядели подобные шапки?

Собственно тангутская иконография почти не донесла до нашего времени изображений войлочных шапок, за исключением двух неясных рисунков (см. ниже), но у соседних народов они встречаются в избытке.

Охотничья шапка китайского императора — *гуаньбянь* (КИУ, № 20), известная еще со времени династии Чжоу (1122—247 гг. до н.э.), по форме напоминает войлочные шапки центральноазиатских народов, о которых будет сказано ниже. Хотя источники не указывают материал, из которого была сделана эта шапка, о последнем косвенно позволяет судить ее внешний вид. Это — круглая шапка с небольшими полями и широкой продольной полосой, как бы скрепляющей обе половины шапки по шву (ср. шапки современных киргизов и казахов). Она поддерживалась на голове с помощью тесьмы, пропущенной под подбородком и завязанной узлом с левой стороны. Хотя рисунок *гуаньбянь*, дошедший до нас, вероятно, позднего времени, но он отражает представления китайских художников об охотничьей шапке как о головном уборе из грубой материи, похожей на шапки кочевников.

На фресках Кизила мы видим прежде всего коленопреклоненного донатора или слугу с чашей в руках, одетого в короткий кафтан и узконосые сапоги с высокими голенищами (костюм кочевников). На голове персонажа — шапка с отогнутыми полями, с кантом и продольным швом, похожая на головные уборы современных народов Центральной Азии и Средней Азии [АГ, рис. 226]. Там же обнаружено изображение человека в шапке с отворотами, напоминающей современные войлочные шапки кочевых племен Туркестана [АГ, рис. 54], и фреска, на которой представлено божество в доспехах и шапке, близкой по форме к кочевничьей шапке (форма переходная, от шапки к короне или ламскому головному убору [АГ, рис. 287]). Головной убор, который в точности совпадает с шапкой Vajrapani, мы встречаем и в Крише [АГ, рис. 435].

В Безеклике найдено изображение человека в платье

с широкими рукавами китайского типа и в шапке с широкими отогнутыми полями того же типа, что и на фресках Кизила [АГ, рис. 618], и изображение женского божества в такой же шапке, украшенной сверху и по краям кисточками.

Насколько подобный головной убор получил распространение, можно судить хотя бы по тому, что он проник не только в изображения простых смертных, но и божеств, образы которых, как известно, были строго канонизированы.

Манихейцы Центральной Азии, так же как и буддисты, носили войлочные шапки. Шапку с широкими полями, украшенную кистью или плюмажем (неясно), удерживаемую тесьмой под подбородком, мы видим на манихейской фреске из Безеклика [АГ, рис. 66]. На манихейских миниатюрах, найденных в Ходжо, изображены персонажи в белых шапках с продольным швом. У одной из них поля отогнуты кверху, а верхушка увенчана шариком (из ценной породы камня?) [Лекок, 1908, табл. 7].

В Миране найдено изображение человека в одежде индийского типа *дхоти* (обнаженная верхняя часть тела, широкий шарф, прикрывающий плечи), но в головном уборе, напоминающем одновременно войлочную шапку кочевников и позднейшую ламскую шапку. Это — головной убор с белым верхом и черными полями со светлым кантом, отогнутыми вверх [Стейн, т. IV, табл. XLIII; Габен, 1973, табл.3, № 3]. В Ходжо обнаружены также изображения людей с прической, напоминающей монгольскую, в халатах и небольших шапочках с отвернутыми полями [Лекок, 1913, табл. 12, 38; Габен, 1973, табл. 48, № 120, 121].

На рисунках, реконструирующих костюмы тюркских племен X—XI вв., данных в книге Б.Г.Гафурова (по материалам из Турфана, Пянджикента и Афрасиаба), мы видим маленькую шапочку с отогнутыми полями, как на упомянутом только что изображении из Ходжо, и белый войлочный колпак с широкими полями, кантом и продольным швом — головной убор, о котором столько было сказано выше [Гафуров, табл. между с. 216—217]. Такой же головной убор, но без продольного шва и украшенный остроконечным навершием Аннемари фон Габен указывает в своей книге как употреблявшийся некоторыми обитателями Дуньхуана [Габен, 1973, табл. 45, № 115].

На одной из дуньхуанских фресок в пещере 140[а] в свите, сопровождающей знатного человека, изображены фигуры слуг в коротких кафтанах и небольших круглых шапках, удерживаемых тесьмой [Пеллио, т. V, табл. PLCCCXII]. Эти головные уборы напоминают одну из форм шапки современных тибетцев, названную Г.П.Цыбиковым "тибетской бескозыркой" [Цыбиков, с. 157].

На фресках в гробницах киданьских императоров, описанных Тамура и Кобаяси, мы также встречаем небольшие

черные шапочки, похожие на головные уборы тюрок [Тамура, табл. 35, 89].

В храме, расположенном в горах к северу от Турфана, Альберт Грюнведель открыл росписи позднего времени, изображающие персонажей с монгольскими прическами, одетых в длинные халаты. На их головах — светлые шапки с широкими полями, напоминающие *гуаньбянь*, и войлочные шапки тюрок. Обе шапки увенчаны шариками [АГ, рис. 478; Габен, 1973, табл. 3, № 4].

Аннемари фон Габен считает, что данные персонажи изображают тангутов. Но, как мы увидим из описания собственно тангутских костюмов и причесок, такое предположение представляется весьма сомнительным. Макс Тильке помещает в своей книге рельеф монгольской эпохи, изображающий правителя со слугой. На голове слуги — большая шапка с отворотами, несколько напоминающая войлочный головной убор, описанный выше [Тильке, с. 16, рис. 14]. Рядом помещена прорисовка другого рельефа, изображающего человека в небольшой шапочке, отдаленно напоминающей головные уборы Ходжо [Тильке, с. 16, рис. 15].

Головной убор, представляющий переходную форму от войлочного колпака кочевника к шапке типа ламской, украшает голову знатных монголов на персидской миниатюре 1315 г. [Рубрук, табл. между с. 160—161]. Похожие головные уборы мы видим и на портретах императоров династии Юань [ПК, табл. между с.32—33]. На одном из китайских портретов Хубилай-хана встречается шапочка, напоминающая киданьскую или тюркскую [там же].

Небольшая шапочка, может быть тоже войлочная (рисунок неясен), украшает голову человека на одной из фресок Безеклика [АГ, рис. 17]. В Дуньхуане на фреске, относящейся к правлению династии Северная Вэй (386—535 гг.), есть изображения людей в белых остроконечных шапочках с отворотами, очень напоминающих войлочные шапки тюрков-кочевников [Дх, табл. 17, 18, пещера № 288].

В "Сунши" есть упоминание о том, что тангутский император Юаньхао носил одно время войлочную шляпу [СШ, цз. 485, с. 13[а]]. Это еще раз подчеркивает популярность данного головного убора, который, как явствует из сообщения китайского источника, не стыдится носить даже император.

На одной из тангутских гравюр в числе донаторов есть персонаж, шапка которого напоминает войлочную (Танг. 335, инв. № 965), но рисунок довольно неясен.

На головах слуг, стоящих за троном важного духовного лица на гравюре, значащейся под шифром Танг. 286, инв. № 3861, — нечто вроде белых шапок с черными отворотами и продольным швом (рисунок не слишком четок). Таким образом, войлочные шапки "черноголовых" мало чем

отличались от широко распространенного по всей Центральной Азии головного убора, описанного выше.

В Юйлиньку на фреске тангутского периода мы видим коричневую шапку с отворотами и двумя длинными лентами сзади. По форме она очень близка к войлочным [Дх, табл. 15]. Белую круглую шляпу с полями, по всей видимости войлочную, мы видим на голове представителя монгольской знати на росписи в той же пещере [Дх, табл. 16].

Хотя среди головных уборов простых людей в тангутских источниках не упоминается меховая шапка, которую должны были носить тангутские кочевники, ее существование подтверждается иконографическим материалом. Косвенный намек на возможность употребления подобного головного убора могут содержать упоминавшийся выше идеограф "меховая одежда" (ТИУ, № 104) и бином "теплая шапка" (ТИУ, № 177). Меховую одежду и шапку мы видим на картине сунского художника Чжао Босу "Возвращение с охоты" [ВСИ, табл. 257], изображающей тибетца или тангута. В Кизиле также сохранился фрагмент фрески с головой человека в меховой шапке [АГ, рис. 267]. В свите чжурчжэньской принцессы на картине, уже упоминавшейся в данной работе, мы видим персонажей в мохнатых шапках, напоминающих монгольские малахаи.

В источниках упоминается и другой вид головного убора, употреблявшегося, вероятно, простым народом. Это шляпа, защищающая от дождя (ТИУ, № 165). В состав данного знака входит элемент "трава", как будто указывающий на материал, из которого сделана шляпа. По-видимому, тот же головной убор обозначает бином, переводимый как "летняя шляпа", "шляпа из бамбуковой щепы" [ТИУ, № 176]. Подобие таких шляп мы видим в руках двух фигур, в грубо шаржированной манере нарисованных от руки на полях ксилографического издания "Цзы цза", легшего в качестве одного из источников в основу данной работы.

Особый интерес представляет тангутский идеограф, переводимый как "головная повязка", "тюрбан", "косынка" (ТИУ, № 168). Посмотрим, что говорят об этом источники и иконографический материал.

Головную повязку как отличительный признак приказал носить гражданским чиновникам Юаньхао, проведший при вступлении на престол реформу официальной одежды должностных лиц [Бичурин, 1833, с. 24; Терентьев, 1975, с. 215–224].

Головной убор в виде тюрбана был широко распространен в странах Центральной Азии. В Ходжо на одной из фресок в числе донаторов помещен человек с большим носом и густой седой бородой. Голову его покрывает тюрбан, очень похожий на позднейшую мусульманскую чалму [Лекок, 1913, табл. 28].

 Полную аналогию с описанным головным убором пред-

ставляет повязка или тюрбан на голове персонажа, изображенного на двух вариантах гравюры к одной из сутр, хранящихся в тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН (Танг. 320, инв. № 71, 78, 83). Изображенный человек — старик с большой бородой, в длинном халате, сидящий за столом и держащий в руках развернутый свиток. Перед ним в покорной позе застыл слуга или ученик, подающий ему какой-то предмет (чашку?). Надпись в углу рисунка гласит: "Сутру читают (и) заучивают". Поскольку изображенный персонаж не в одежде духовного лица, можно заключить, что это — либо учитель, либо чиновник почтенного возраста. Может быть, его головной убор — именно та повязка, о которой идет речь в приказе Юаньхао.

Человек, в котором можно было бы признать ту же самую личность, что изображена на только что описанном рисунке, помещен на гравюре, иллюстрирующей тангутский ксилограф под шифром Т-33. Налицо и халат, и борода, и тюрбан, похожий на мусульманскую чалму. Рядом с ним, в числе прочих донаторов, еще две фигуры в тюрбанах.

В "Тангутских законах" (Танг. 56, инв. № 6789) встречается такой пункт: "Чиновники — китайцы на тангутской службе должны носить головные повязки тоуцзин китайского образца" (ст. 884, гл. 12, стр. 22[а]).

В китайских толковых словарях встречается название *путоу* (КИУ, № 18) — повязка, употреблявшаяся в Китае в качестве форменного головного убора чиновников. Постепенно эволюционируя, *путоу* превратилась в шапку с лопастями [Сычевы, с. 59—61].

В странах Центральной Азии шапки типа *путоу* получили широкое распространение. На стенных росписях Безеклика мы встречаем ее несколько раз. Она украшает головы чиновников — один из них с тушечницей и кистью в руках является донатором в свите божества [АГ, рис. 512; Габен, 1973, табл. 188, № 212], трое других стоят в молитвенных позах перед объектом, исчезнувшим вследствие дефекта фрески [АГ, рис. 607], еще двое, вооруженные мечами, сопровождают едущее верхом божество [АГ, рис. 513].

Следует оговориться, что шапки типа *путоу* встречаются на фресках Безеклика не только у чиновников. Персонаж в китайской шапке, стоящий в молитвенной позе перед двумя вооруженными фигурами (докшиты или хранители стран света?), одет в короткий кафтан и высокие черные сапоги, приличествующие скорее воину или слуге, чем чиновнику [АГ, рис. 544]. Три фигуры в таких же шапках в сложной композиции скорее напоминают простых граждан [АГ, рис. 613]. На одной росписи мы видим двух людей в шапках типа *путоу* и длинных халатах — костюм, казалось бы, чиновничий, — занятых ковкой железа [АГ, рис. 604].

Подобие головных уборов типа *путоу* мы встречаем и в росписях гробниц киданьских императоров. В одном случае это повязка [Тамура, табл. 13] с концом, опущен-

Жители Дуньхуана:

Рис. 6. Чиновники

Рис. 7. Знатная дама

ным на плечо, в остальных — изображения настолько испорчены, что трудно отличить повязку от шапки [Тамура, табл. 23, 27–30, 35, 42–44, 89]. На некоторых фресках изображены уже не повязки, а шапки с лопастями.

В тангутской иконографии неоднократно встречаются головные уборы типа *путоу*. На гравюре, значащейся в Рукописном фонде ЛО ИВАН под шифром инв. № 8349, изображено восемь чиновников, окружающих трон императора, на головах которых определенно *путоу*. Их халаты с широкими рукавами — китайского типа. Усы и небольшие бородки также сближают их с изображениями китайских чиновников.

В гравюрах под шифром Танг. 320, инв. № 71 и 83 опять-таки фигурируют шапки типа *путоу* — в сцене, где супружеская пара молится перед статуей Будды, и на голове художника, раскрашивающего священное изображение.

На гравюре к ксилографу Танг. 376, инв. № 95 подавляющее большинство изображенных персонажей имеет на головах различные формы повязок и шапок китайского типа. То, что гравюра иллюстрирует легенду о Чжан Цзюйдао, взятую из китайской буддийской апскрифической литературы, особенно подчеркивает реальность изображения, так как в одежде героев встречаются и чисто тангутские эле-

менты — например, повязка на голове слуги и полосатые чулки, характерные для тангутов и чжурчжэней. Мы видим повязки на головах грешника Чжан Цзюйдао и его приспешников, убивающих скот (дело, постыдное для истинного буддиста), шапки на головах чиновника у престола Яньло-вана, держащего в руках развернутый свиток, стража, ведущего на суд к судье загробного мира грешников в кангах, возрожденного Чжан Цзюйдао, идущего на суд и отпущенного на свободу. По-видимому, шапка типа *путоу* прочно привилась у тангутов. На картине, изображающей свиту чжурчжэньской принцессы, у одного из приближенных, держащего опахало, на голове — повязка, по форме приближающаяся к первоначальной форме *путоу*, но с концом, закрывающим весь затылок [Вэньу].

В росписях развалин в горах к северу от Турфана, которые, как говорилось выше, относятся к монгольскому времени или даже к самой монгольской эпохе, изображен персонаж в шапке типа *путоу*, но явно не чиновник — он одет в короткий кафтан и сапоги с высокими голенищами (судя по шву, войлочные), держит в руке зонт, а за плечами — мешок. Фигура рядом с ним, несмотря на неясность очертаний (фреска попорчена), не имеет ничего общего с изображениями персонажей в китайской одежде и напоминает монгола-кочевника [АГ, рис. 473; Габен, 1973, табл. 14, № 9]. Образцы мужских головных повязок мы находим на росписях Дуньхуана [Дх, табл. 36, пещера № 205, табл. 37, пещера № 171].

Следует отметить, что в Центральной Азии чиновничьи шапки близки к форме *путоу*, но не всегда повторяют ее полностью. На большинстве описанных выше фресок из Безеклика мы видим, разумеется, шапки, а не повязки — последние превратились в шапки задолго до описываемого нами периода. Однако лопасти их во многих случаях трактованы как мягкие концы повязок. Лишь на головах персонажей, кующих железо, мы видим шапки с длинными, горизонтально расположенными жесткими лопастями. Большинство головных уборов на фресках Восточного Туркестана и тангутских гравюрах имеет округлые очертания, подобно чиновничьим шапкам XVI в. *ушамао* (КИУ, № 25), по форме близким к первоначальной танской головной повязке [Сычевы, с. 60 и табл. XXVIII]. Однако на гравюре инв. № 8349 только у одного персонажа на голове — округлая шапка с мягкими, свисающими лопастями. На остальных — типичные *путоу* характерной угловатой формы.

Не вполне ясным представляется головной убор, встречающийся на изображениях тангутских чиновников из Юйлиньку [СЧЛ, табл. 42] и на гравюрах, числящихся в Рукописном фонде ЛО ИВАН под шифрами Танг. 286, инв. № 3861 и Танг. 219, инв. № 756. Этот убор представляет собой подобие круглых черных шапок или плотных повязок со свисающими на спину длинными завязками. На фресках

4-2 280

из Юйлиньку это, по всей вероятности, шлемы военных чиновников (о них будет сказано ниже). На гравюре инв. № 3861 данный головной убор украшает головы гражданских чиновников, так как находящиеся рядом с ними фигуры — определенно военные чины, судя по набедренникам, отличающим в дальневосточном искусстве воинов. Головные уборы последних совпадают с описанием шлемов, данных в приказе Юаньхао, регламентировавшем форму чиновников. Несмотря на то что головные уборы гражданских чиновников на гравюре инв. № 3861 снабжены розетками на висках, можно предположить, что перед нами — повязка или шапка, происшедшая от чиновничьих повязок. Во всяком случае, этот головной убор, по-видимому, чисто тангутский, не имеющий аналогий в иконографии других народов Центральной Азии и Дальнего Востока, за исключением одной из росписей Дуньхуана, где изображены чиновники в одеждах, похожих на тангутские, и в таких же шапках или повязках [Пеллио, т. V, табл. CCIX]. На гравюре Танг. 219, инв. № 756 изображен чиновник в тангутском платье, в повязке или шлеме с длинными завязками, опускающимися на спину.

Памятники тангутской иконографии показывают также разновидности головной повязки, присущие, по-видимому, слугам. На упомянутой выше фреске из Юйлиньку такая повязка находится на голове одного из персонажей в свите тангутских чиновников — определенно прислужника. Аналогичную повязку видим мы и на гравюре Танг. 376, инв. № 95 у "адского гонца", провожающего прощеного Чжан-Цзюйдао из ада. Это — плотно облегавшая голову повязка с концами, завязанными на лбу и образующими длинный жгут с узлом на конце. Такую же повязку с узлом на лбу, но без жгута мы видим на голове бородатого слуги, держащего зонт над "ламой" (табл. 428, инв. № 3706).

Близок по форме к тангутской чиновничьей повязке и другой головной убор, упоминавшийся в китайских источниках и встречающийся в памятниках центральноазиатской иконографии. Это круглая, почти шарообразная шапка, удерживаемая под подбородком тесьмой. В Китае она была известна еще со времени династии Инь (1766—1123 гг. до н.э.) и называлась *сюй* (КИУ, № 4).

На китайском рисунке, изображающем этот головной убор, мы видим шапку с шарообразным верхом и полукруглой нижней частью, с тесьмой, завязанной бантом. По-видимому, этот головной убор был популярен в весьма отдаленные периоды китайской истории, так как в китайских памятниках интересующей нас эпохи он не встречается.

Тем более странно встретить *сюй* у уйгуров. В росписях храмов в Идикут-шари эта шапка встречается не-

сколько раз. На одной из фресок [АГ, рис. 666] мы видим трех человек в шапках типа *сюй*. Одна из них — точная калька изображения *сюй* в китайской иконографии (сохранен даже бант под подбородком). Две другие — шарообразные шапки с тесьмой. Поскольку все три персонажа стоят рядом с четвертым в одежде знатного уйгура, изображенным более крупно, чем остальные, можно предположить, что люди в шапках *сюй* — слуги, возможно сокольничие, так как они помещены непосредственно под перекладиной, на которой сидят прикованные цепочками за ногу охотничьи соколы. Другая фреска [АГ, рис. 665] как будто подтверждает это предположение. На ней персонажи в простых шаровидных шапках с тесьмой, завязанной бантом под подбородком, стоят около пиршественного стола, уставленного кувшинами и кубками. Люди на обеих фресках изображены в почтительной позе, что также указывает на то, что перед нами — слуги или низшие чиновники.

Простая яйцевидная шапка с кантом, без завязок показана на одной из фресок Безеклика. Она водружена на голове персонажа в коротком кафтане и высоких сапогах, расставляющего лампады на своеобразной стойке. Судя по всему, это — слуга (описание фрески см. в разделе о светильниках).

В тангутских письменных источниках зафиксирован бином, переводимый словами "корона", "тиара", "чиновничья шапка" (ТИУ, № 179). Ее изображение встречается и в памятниках изобразительного искусства. Речь идет о высокой шапке, характерной для правителей и высших чиновников. В Китае прототипом ее является головной убор *танцзинь* (КИУ, № 14).

В X в. этот головной убор приобрел форму шапки с гофрированным верхом, носившей название *тунтяньгуань* [Сычевы, с. 58, табл. V; КИУ, № 27]. В Центральной Азии он получил широкое распространение. Мы встречаем его даже на манихейских религиозных изображениях, которым должна, казалось бы, быть присуща некоторая специфичность. На фрагменте иллюстрированного манихейского свитка из Ходжо [Лекок, 1908, табл. 5[a]] есть изображение шапки с рубчатым верхом, окрашенной в черный, красный и белый цвета, со свешивающимися сзади двумя широкими лентами. В руках персонажа, на голове которого эта шапка, — табличка, употреблявшаяся высшими чиновниками при докладах. Впрочем, такая же дощечка и в руках правителей, когда они выступают в качестве донаторов в сценах религиозного содержания. На знаменитой фреске, изображающей Мани в окружении святых, на головах последних — высокие белые шапки, несколько похожие на головной убор *тунтяньгуань* [Лекок, 1908, табл. 1[a]].

На одной из дуньхуанских росписей [Пеллио, т. 6, табл. CCCXL] мы видим головные уборы такого же типа,

4-3 280

удерживаемые тесьмой под подбородком. В руках персонажей — таблички для доклада.

В тангутской иконографии нет недостатка в изображениях шапок *тунтяньгуань*. Они изображены как в устоявшейся в Китае форме, так и в более упрощенном виде (Танг. 165, инв. № 150). Последний меньше по размерам, без характерного изгиба верхней части назад. Оба варианта фигурируют как на изображениях божеств, так и на головах донаторов. На гравюрах, иллюстрирующих одно из популярных буддийских произведений, "Созерцание наивысшего рождения бодхисаттвы Майтрейи в небесах Тушита" (Танг. 320, инв. № 71, 83), есть фигуры божеств или донаторов, снявших шапки *тунтяньгуань* упрощенного варианта и держащих их в руках перед собой (в знак покорности?).

Кроме известных форм данного головного убора в тангутской иконографии представлены различные его варианты — многие, вероятно, местного происхождения. На гравюре инв. № 8349 на головах двух чиновников, очевидно высшего ранга, — шапки с рубчатым верхом, высокой задней пластиной (ср. головные уборы уйгурских князей). От нее отходит длинный стержень с кистью или подвеской на конце, выгнутый вперед так, что последняя приходится надо лбом изображаемых персонажей. В руках людей в таких головных уборах — таблички для доклада. Здесь же фигурируют персонажи в шапках того же типа, но без стержня с кистью. В их руках — также пластинки. У головных уборов обоих типов есть тесьма, завязанная под подбородком, и две широкие ленты сзади. Поскольку на гравюре присутствует император в полном облачении, можно заключить, что персонажи в шапках типа *тунтяньгуань* — высшие чиновники (рядом с ними изображены и чиновники более низкого ранга в шапках *путоу*).

На одной из гравюр тангутской коллекции Рукописного фонда ЛО ИВАН (Танг. 298, инв. № 117) встречаются два варианта головного убора *тунтяньгуань*. Один из них, с высоким рубчатым верхом, украшенным жемчужинами, снабженный лопастями, похож на головной убор императора. Другой имеет вид высокой шапки с округлым, чуть заостренным верхом и околышем, на котором укреплены отдельные лопасти или зубцы — головной убор, не имеющий аналогий в иконографии соседних народов.

На упоминавшейся выше гравюре Танг. 165, инв. № 150 есть головной убор с околышем, передней и задней пластинками, как у других головных уборов того же типа, но с гладким высоким верхом, украшенным одним кружком, — может быть, головка булавки, удерживающей шапку, по аналогии с императорскими головными уборами.

На иллюстрации к одному из экземпляров Mahāprajñāpāramitā-sutra (Танг. 334, инв. № 3193) мы видим шапку с околышем и передней пластинкой, но гладким мягким верхом с несколькими складками, свисающими назад. Рисунок очень неразборчивый.

Один из головных уборов, венчающих голову бодхисаттвы, представляет собой нечто среднее между шапкой с рубчатым верхом и наколкой или куском материи, которым китайцы и соседние с ними народы обертывали узел волос на затылке (Танг. 286, инв. № 2295).

Может быть, вариантом того же головного убора является своеобразная шапка, встречающаяся на уйгурских рисунках. На двух фресках из Идикут-шари [АГ, рис. 664, 666; Габен, 1973, табл. 40, № 95, 96] мы видим подобные головные уборы на головах знатного уйгура и музыкантов. Налицо передняя и задняя пластинки, высокий верх, тесьма под подбородком, ленты, свешивающиеся сзади. Своеобразным элементом, может быть навеянным влиянием Ирана, являются три зубца на верху головного убора, делающие его похожим на ближневосточную и средневековую европейскую корону. Такие же головные уборы встречаются на манихейских миниатюрах [Лекок, 1908, табл. 7[Б]] из Ходжо и на изображении женщины из Кумтуры [АГ, рис. 55]. По мнению Грюнведеля, описавшего этот рисунок, на нем изображен деревянный гребень, но тесьма под подбородком показывает, что перед нами — та же форма головного убора. Наиболее отдаленным от основного прототипа вариантом этого головного убора представляется подобие наколки в форме трезубца на голове одного из персонажей уйгурских стенных росписей [АГ, рис. 14; Габен, 1973, табл. 49, № 122].

О иерархическом значении шапки *тунтяньгуань* свидетельствует знак, обозначающий человека, носящего большую шапку (ТИУ, № 161), и переводимый также словами "надзиратель", "инспектор", "глава", "большой", "великий".

Тангутские письменные источники донесли до нас бином, находящийся в разделе VII "Цзы цза" (мужская одежда, ТИУ, № 175). Первый знак его расшифровывается Н.А.Невским как "граница, рубеж". По-видимому, весь бином можно перевести как "головные уборы пограничных (племен)".

Множество изображений представителей различных народностей Центральной Азии в своеобразных головных уборах найдено в районах, сопредельных с государством тангутов.

В Безеклике сохранилось несколько изображений инородцев. Их головные уборы, представленные на репродукциях фресок в книге Альберта Грюнведеля, довольно характерны. Мы видим широкополую шляпу с опущенными круглыми полями, кантом и продольным швом, просто широкополую шляпу, шапки с лопастями спереди и сзади и с круглым верхом, украшенным шариком (одна из них имеет шнур и ленты сзади), шапку с отворотами сзади и пластинкой спереди, несколько напоминающую войлочные шапки кочевников, описанные выше, различные виды тюрбанов, неболь-

4-4 280

шие яйцевидные шапки [АГ, рис. 367, 543, 566, 567, 565]. Изображения инородцев в широкополых шляпах даны в в альбоме Альберта фон Лекока "Ходжо" [Лекок, 1913, табл. 22] и в публикации материалов экспедиции Отани [СЮ, табл. 14]. У одного из персонажей в альбоме Лекока на голове – нечто вроде шлема [Лекок, 1913, табл.22].

Специфическую разновидность мужского головного убора обозначает бином (ТИУ, № 173), состоящий из частей "волосы" и "шапка". Может быть, речь идет о наколке или узле волос, обмотанном материей.

Не говоря уже о традиционной китайской прическе, подобного рода головной убор (или украшение волос?) был известен и в странах Центральной Азии. Аннемари фон Габен в своей работе о костюмах уйгуров из Ходжо говорит: "Волосы связывались на затылке и покрывались тонким покрытием или шапочкой, часто черного цвета, и были обвязаны красной лентой, короткие концы которой свисали на заднюю сторону шеи. Это покрытие можно сравнить с таковым у китайцев, не признавая их идентичности" [Габен, 1963, с. 172].

На одной из фресок Безеклика мы видим мужскую фигуру в длинном вышитом халате [АГ, рис. 617]. Волосы изображенного персонажа отчасти свисают до шеи, но большая часть их забрана в широкий пук или узел (рисунок неясен) и перехвачена перевязью.

Волосы на голове воина, завязанные узлом, с украшениями и лентами, можно увидеть еще на одной из центральноазиатских стенных росписей [Лекок, 1922–1928, табл. 18].

Головной убор этого же вида мы встречаем и в тангутской иконографии. На иллюстрации к Daśasāhasrikā-prajñāpāramitā-sutrā (Танг. 164, инв. № 47) изображен дух-хранитель (идам), лицо которого носит явные следы тангутского антропологического типа (это особенно заметно, если сравнить данное изображение с традиционными изображениями идамов в искусстве других народов, исповедующих буддизм). Волосы духа собраны в узел и покрыты наколкой, отдаленно напоминающей уже упоминавшуюся выше китайскую чиновничью шапку с рубчатым верхом.

В ксилографе, содержащем трактат, излагающий учение школы Чань (Танг. 407, инв. № 2856), в тексте встречаются изображения людей с небольшими головными уборами, помещенными на самом затылке, – не то узлы волос, обвязанные материей, не то шапочки с отвернутыми краями. Там же есть изображение узла волос, аналогичное китайской прическе.

В одном из экземпляров Mahāprajñāpāramitā-sutrā (Танг. 334, инв. № 3193; см. также Танг. 335, инв. № 965) есть гравюра, на которой в числе донаторов по-

мещена довольно странная фигура в широком китайского типа халате, но с выбритым, как у монаха, лбом. На висках и затылке — какое-то светлое украшение, напоминающее обвязку узла волос — традиционную китайскую прическу.

Прическа знатных тибетцев — ближайших родственников тангутов — до недавнего времени сохранила описанную выше форму. Все волосы собирались на темени в пучок, который украшался золотым (или серебряным с драгоценными камнями) *гау* |Цыбиков, с. 156|. Такую прическу можно видеть на фотографии тибетского министра Шата-шапе, данной в книге А.Уодделя [Уоддель, с. 15]. Чэнь Бинъин в своей книге приводит фреску из Могаоку, изображающую тангутского правителя со свитой. На головах слуг — небольшие плоские, слегка расширяющиеся кверху шапки, похожие на войлочные головные уборы современных тибетских племен. Они удерживаются завязками, проходящими под подбородком [Чэнь Бинъин, табл. 4].

Для женских головных уборов в тангутских письменных памятниках существует отдельный знак (ТИУ, № 163) и бином (ТИУ, № 172). Графический анализ не позволяет судить, о каких именно головных уборах идет речь. В биноме, в первом знаке, есть ключ "человек, мужчина", но значение его как женского головного убора определено Н.А.Невским.

В разделе "Женская одежда" ["Цзы цза", ч. VIII] есть бином, обозначающий специфическую форму женского головного убора (ТИУ, № 171). Второй знак, составляющий его, испорчен лакуной. Возможны два его написания. Первое, более легко угадывающееся в испорченном знаке, значит "лиса, наименование дикого животного". Второе начертание переводится как "маленький, изящный, тонкий, мелкий, крошечный". Это последнее начертание менее вероятно. Внести некоторую ясность в вопрос может изобразительный материал.

Если принять первое толкование неясного знака, бином должен означать "лисья шапка, шапка (из меха) животного". В тангутской иконографии не сохранилось изображений женских головных уборов из меха. Но на упоминавшейся уже картине, изображающей чжурчжэньскую принцессу со свитой, на голове самой принцессы мы видим меховую шапку, немного напоминающую по форме один из поздних головных уборов *богдо-гэгэна* [Козлов, рис. на с. 29] или монгольский малахай. Шапка надета на матерчатое покрывало или платок, концы которого спускаются на плечи. Она украшена лентами и шариком (рисунок неясен) на верхушке. Нет ничего удивительного в том, что женщины тангутов, в прошлом таких же кочевников, как чжурчжэни, могли носить подобные головные уборы.

Шапка в качестве женского головного убора использовалась и другими народами Центральной Азии.

На одной из фресок Кумтуры на голове изображенной женщины — сложный головной убор, напоминающий не то кочевничью шапку, не то "корону" уйгурского князя [АГ, рис. 13; рисунок выполнен крайне условно].

На другой фреске из Кумтуры женщины носят небольшие шапочки с украшениями сверху и лентами, спускающимися за спину и похожими на ленты корон сасанидских царей [Лекок, 1928, рис. 21].

В росписях гробниц киданьских императоров можно встретить изображение, трактуемое как изображение женщины. На голове ее — черный головной убор с выбивающейся из-под него челкой (если только это не изображение высокой прически; фрески в гробницах киданьских императоров сильно пострадали от сырости [Тамура, табл.40—41]).

В росписях храма к северу от Турфана, который относится к периоду монгольского владычества, сохранилось несколько изображений женщин в небольших плоских шапочках со светлым околышем [АГ, рис. 477, 480]. Там же можно увидеть женский головной убор в виде высокой цилиндрической шапки, покрытой разноцветной материей [АГ, рис. 506].

Толкование упоминавшегося выше тангутского бинома со значением второго знака "маленький, изящный" допускает перевод выражения в целом как "маленькая шапочка" или "наколка". Иконографический материал также подтверждает существование подобного женского головного убора.

На одной из фресок Кизила в сцене оплакивания присутствуют женские персонажи с длинными волосами, украшенными небольшими, богато орнаментированными шапочками-наколками. Шапочки — в форме усеченного конуса, с околышем, декорированным треугольниками и шариками (из ценных материалов?). Наколки — круглые, покрытые точками (резные?), украшенные спереди орнаментом в форме звезды со многими лучами, а с боков — подобием гирлянд листьев или пучков перьев [АГ, рис. 415].

В Безеклике встречаются высокие женские прически китайского типа, богато украшенные [АГ, рис. 512, 513]. Но их украшения не подпадают под понятие головных уборов и поэтому будут описаны подробнее в соответствующем разделе.

В манихейских миниатюрах, описанных А.Лекоком, мы видим такие же высокие прически, но с украшениями, приближающимися к форме головных уборов [Лекок, 1908, табл. 7б]. Создается впечатление, что волосы прически начесаны на какой-то жесткий каркас, местами выступающий наружу, а в некоторых случаях перехвачены лентами.

В Дуньхуане, в пещере 120, есть изображение пяти женских фигур, волосы которых перехвачены лентой или обвязаны материей [Пеллио, т. V, табл. CCLXIX].

Тангутское искусство дает нам образцы женских головных уборов, совпадающих с только что описанным мате-

риалом. На гравюре Танг. 376, инв. № 95 мы видим фигуру женщины с волосами, высоко зачесанными и перехваченными лентой. У женщины на гравюре Танг. 386, инв.№ 5877 в сцене с монахом и Буддой узел волос на затылке обвязан материей, скрепленной богато орнаментированным обручем (по-видимому, металлическим, может быть, украшенным камнями). Одна из прислужниц за спиной императора на гравюре инв. № 8349 имеет наколку, напоминающую цветок лотоса. В гравюрах Танг. 320, инв. № 71 и 83 фигурируют многочисленные женские головные уборы, большей частью в форме многогранной высокой наколки, напоминающей головной убор маньчжурских женщин. Некоторые из этих наколок украшены шариками и дисками (драгоценными камнями?) или небольшими султанами – переход к прическе, подобной монгольской *"бокка"* [ПК, с. 27]. Такую же наколку мы видим на голове женщины в группе донаторов на гравюре к ксилографу Т-33.

На гравюре Танг. 165, инв. № 150 в числе донаторов, многие из которых одеты в одежды высших сановников, есть и женщины – может быть, члены императорской фамилии, если сравнить данную гравюру с материалом из китайской части хара-хотинской коллекции. На их головах – наколки и обручи, украшенные камнями.

Ши Цзиньбо упоминает встречающиеся на дуньхуанских фресках тангутского времени головные украшения из чеканного золота [Ши Цзиньбо, с. 205]. Чэн Бинъинь приводит репродукцию одной такой фрески в своей книге. Данные украшения представляют собой большие листовидные плоские пластины, покрытые чеканными узорами и украшенные бирюзой [Чэн Бинъинь, табл. 3].

Головные уборы женщин на чжурчжэньской гравюре "Четыре красавицы" представляют собой пышные наколки поверх высоких причесок. Они напоминают головной убор женщин с тангутской гравюры Танг. 386, инв. № 5877, но гораздо богаче.

В храме и горах к северу от Турфана (см. выше) мы видим головной убор, представляющий собой ранний вариант монгольских *бокка*. Это – небольшая шапочка-наколка, переходящая в высокий цилиндр, увенчанный султаном [АГ, рис. 476; Габен, 1973, табл. 44, № 109, табл. 50, № 124, табл. 51, № 126]. Здесь уместно напомнить головной убор монгольских женщин, описанный Плано Карпини [ПК, с.27].

6. Обувь

Для обозначения обуви вообще в памятниках тангутской письменности зафиксировано только одно выражение – бином (ТИУ, № 201). Первый знак этого бинома включает

детерминатив "кожа". По-видимому, это можно истолковать как намек на материал, из которого делались некоторые виды обуви. Известно и собственное значение этого знака — "обуваться" (ТИУ, № 193). Второй знак, по-видимому, является служебной частицей.

Знак "подошва сапога" (ТИУ, № 181) фигурирует и в качестве второго знака в биноме с тем же значением (ТИУ, № 200). В первый знак в качестве составной части входит элементарный знак (или детерминатив) "кожа", что также как будто указывает на материал. Второй знак, с детерминативом "нога", включает в себя элемент "низ" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл.; с. 137]. Таким образом, перед нами — иероглиф, составленный по принципу китайского и четко выражающий понятие. Зафиксировано также два знака со значением "ставить подметку на обувь" (ТИУ, № 188, 189).

В тангутских словарях зафиксированы знаки, переводимые как "название обуви, которую носят в снег и дождь" (ТИУ, № 182, 183, 187). Детерминативом в нем является элемент "кожа". Три знака (ТИУ, № 185, 197, 192) и один бином (ТИУ, № 198) переводятся как "сапоги". Обувь подобного типа была широко распространена в странах Центральной Азии. На росписях Кумтуры мы видим короткие, ниже колен, сапоги с каймой вокруг голенища и высокие сапоги с каймой и без каймы [АГ, рис. 53; Лекок, 1928, рис. 26].

Фрески Кизила дают нам множество образцов обуви. Мы видим сапоги с низким напуском длинных штанов [Лекок, 1928, табл. 11], сапоги с голенищами до колен без украшений, в которые заправлены широкие шаровары. В одном случае эти сапоги почему-то перевязаны у щиколотки крест-накрест тесьмой, что, однако, непохоже на чулки и башмаки. Есть и высокие сапоги с богато украшенной каймой у голенищ, короткие, ниже колен, сапоги с богато украшенными голенищами, перевязанные у щиколотки крест-накрест тесьмой (что-то вроде римских калиг?) и очень короткие сапоги без украшений, с голенищами, поднимающимися немного выше щиколотки [АГ, рис. 336, 338, 266, 232, 282]. Все перечисленные выше виды сапог — на тонкой подошве, с узкими носами, похожие на сделанные из кожи. Персонажи, носящие их, одеты в кафтаны иранского типа.

В более китаизированном Безеклике мы встречаем и сапоги описанного выше типа на людях, одетых в иранские кафтаны, и сапоги с высокой передней частью голенищ, типа войлочных тибетских, на фигурах, одетых в кафтаны, похожие на иранские и на тибето-монгольские, и черные узконосые сапоги с белой каймой у голенищ на фигуре всадника в коротком халате или кафтане с узкими рукавами, и высокие черные узконосые сапоги на персонажах в китайских одеяниях. Интересны сапоги с бе-

лым кантом, доходящие до колен и поддерживаемые двумя застежками на длинных ремешках (очевидно, прикрепленных к какой-то завязке выше колен или даже к поясу) на персонаже в платье китайского чиновника, с характерным пластинчатым поясом [АГ, рис. 612, 628, 505, 512].

Особую группу составляет обувь кочевников-донаторов. На фресках Безеклика мы видим высокие черные сапоги в сцене, где группа кочевников пришла на поклонение, и сапоги с узорными вырезными голенищами [АГ, рис. 543, 564, 565]. Такую же обувь носят кочевники-донаторы на росписях Ходжо, репродуцированных в альбоме Лекока [Лекок, 1913, табл. 22, 29], и на изображениях, добытых японскими экспедициями в различных районах Центральной Азии [СЮ, табл. 14, 29].

Сапоги в качестве обуви уйгуров из Ходжо упоминаются Аннемари фон Габен [Габен, 1963, с. 173; 1973, табл. 56, № 136—138, табл. 57, № 139]. Они надевались при узких штанах. На хранящихся в Государственном Эрмитаже деревянных фигурках конных уйгуров — высокие черные сапоги.

На фресках Дуньхуана мы встречаем и туфли, и высокие сапоги. В росписях гробниц киданьских императоров обнаружены изображения людей в черных узконосых сапогах [Тамура, табл. 89].

На фресках из Юйлиньку чиновники одеты в темные узконосые сапоги, возможно сделанные из кожи. Голенища скрыты длинными полами халатов. На гравюре Танг. 286, инв. № 3861 мы видим чиновников в наряде, очень похожем на одежду людей из Юйлиньку, в таких же черных узконосых сапогах. На упоминавшемся выше весьма схематичном рисунке, изображающем всадника на верблюде, на ногах всадника — какая-то тяжелая, массивная обувь (определить точнее не удается из-за неясности рисунка). Может быть, это — войлочные сапоги, напоминающие современную тибетскую обувь или монгольские гутулы. Обувь, по типу близкую к войлочным тибетским сапогам, черную со светлыми кантами, мы видим на ногах персонажа на гравюре Танг. 376, инв. № 95.

В Дуньхуане, в пещере 120-I, обнаружено граффити, изображающее четырех тангутов. О том, что перед нами именно тангуты, свидетельствует тангутская надпись, помещенная рядом. На ногах всех фигур, облаченных в длинные халаты с узкими рукавами, сапоги с высокими голенищами, с загнутыми кверху носками и четко обозначенными каблуками [Пеллио, т. 6, табл. CCCVIII].

В росписях храма в горах к северу от Турфана мы видим изображение двух людей в светлых сапогах с высокими голенищами и резко обозначенным швом, в которые заправлены широкие шаровары [АГ, с. 213, фиг. 473; Габен, 1973, табл. 4, № 9].

Помимо терминов, обозначающих высокие сапоги, в

тангутских письменных памятниках встречается знак, переводимый как "туфли" (ТИУ, № 184). Его детерминатив — "нога".

Данный знак иногда употребляется вместе с другим, который Н.А.Невский переводит как "носки" (ТИУ, № 194, 197). В состав последнего входят элементарные знаки "кожа" (см. выше) и "человек". Третий элемент истолкования не имеет. Данные анализа, по мнению автора настоящей статьи, противоречивы и не позволяют судить о том, идет ли речь о носках или кожаных гетрах. Представляется вероятным, что в данном случае имеются в виду полосатые гетры (или чулки), которые мы видим на ногах многих персонажей в памятниках центральноазиатского, в частности тангутского, искусства.

Башмаки, как один из распространенных видов обуви, встречались у парфян. Знатные парфяне носили две пары башмаков, надетые одна поверх другой. Верхние башмаки были сделаны из кожи, окрашенной в красный цвет [Готтенрот, с. 111]. Сасанидские цари носили пурпурные башмаки, завязанные длинными лентами [там же, с. 135], — символика цвета сближает их с башмаками византийских императоров.

Иконографический материал дает нам многочисленные изображения упоминавшихся выше видов обуви. На одной из росписей Кизила мы видим фигуру коленопреклоненного человека в кафтане иранского типа. На ногах его — туфли на тонкой подошве. От щиколоток до колен ноги изображенного персонажа закрывают гетры с кантом у ступней и на голенище, покрытые орнаментом в виде кружков [АГ, рис. 334].

Одна из росписей Сым-сыма [АГ, рис. 472] показывает нам людей в коротких халатах. На ногах у них — туфли или обмотки (по-видимому, это именно обмотки, а не полосатые чулки, характерные для тангутов; обмотки, свойственные китайскому костюму VI—XIII вв., у тангутов вообще не встречаются).

В иконографическом материале Безеклика, более китаизированного, чем упоминавшиеся выше районы, мы встречаем черные туфли (и широкие полотняные (?) штаны) на людях в коротких кафтанах и шапках китайского типа [АГ, рис. 613], светлые матерчатые туфли с завязками у щиколоток на человеке в чиновничьем халате и китайской шапке в свите божества на коне [АГ, рис. 513], узконосые светлые туфли (материал неясен) на людях в длинных халатах и китайских шапках [АГ, рис. 604].

Аннемари фон Габен говорит, что уйгуры Ходжо носили башмаки (?) в случаях, если на них были широкие и длинные штаны, и сапоги, если узкие [Габен, 1963, с. 172]. На одной из фресок Дуньхуана изображен погонщик вола в башмаках. На нем длинные узкие штаны и короткий кафтан [Пеллио, т. 5, табл. CCLXXII]. На чинов-

нике в платье китайского типа на тангутской гравюре инв. № 8349 мы видим светлые башмаки и широкие и длинные штаны.

Упавший человек в знаменитой сцене "с докшитом и драконом" (см. выше) кажется также обутым в черные башмаки или узконосые сапоги (рисунок неясен). Персонажи, стоящие за спиной тангута-пахаря на гравюре инв. № 8100, обуты в тот же вид обуви.

На ученике, слушающем чтение сутры, и послушнике, пришедшем на поклонение к отшельнику (на гравюрах Танг. 320, инв. № 71, 83), башмаки и длинные и узкие штаны. На тех же гравюрах в башмаки обуты персонажи, обметающие субурганы, и художник, расписывающий изображение божества.

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 мы видим множество персонажей в туфлях. Это прежде всего сам Чжан Цзюйдао и его подручные — мясники в сцене убийства животных. На них темные туфли с завязками и длинные и узкие штаны. Туфли подобного типа, только светлые (по-видимому, матерчатые), мы видим на ногах "чиновника" в свите божества на одной из росписей Безеклика (см. выше). Черные туфли с завязками у щиколоток и характерные полосатые тангутские чулки составляют принадлежность одежды одного из демонов, влекущих Чжан Цзюйдао на суд, демона, конвоирующего Чжан Цзюйдао к Яньло-вáну, стража, сопровождающего грешников в кангах, и "адского слуги", ведущего Чжан Цзюйдао обратно на землю. Все перечисленные персонажи одеты в длинные штаны, перевязанные под коленями по китайскому обычаю.

Люди в одеждах монгольского типа на фресках храма к северу от Турфана обуты в темные узконосые башмаки (или сапоги, голенища которых скрыты полами халатов [АГ, рис. 478]).

Обувь чжурчжэней на картине, изображающей принцессу со свитой (см. выше), резко отличается от всех описанных выше типов обуви. Это сапоги с чрезвычайно широкими мягкими голенищами в многочисленных складках, соединенные с остальной одеждой с помощью завязок, идущих поверх штанов. Общий вид этой формы обуви напоминает позднейшие ноговицы, одеваемые китайцами эпохи маньчжурского владычества [Бретшнейдер, № 27, 38—1212]. На слугах, ведущих коня принцессы, башмаки и длинные и широкие штаны. Обувь самой принцессы не отличается от обуви всей остальной свиты.

В тангутских письменных памятниках очень мало терминов, относящихся к женской обуви. Можно привести только два из них — единичный знак (ТИУ, № 190), возможно являющийся также обозначением обуви вообще, и бином (ТИУ, № 199), куда входит упомянутый выше знак. Второй знак бинома (ТИУ, № 186) является, по-видимому, разнописью знака "туфли" (ТИУ, № 184).

В собственно тангутских памятниках иконографии женская обувь почти не представлена. На гравюре Танг. 376, инв. № 95, в сцене болезни Чжан Цзюйдао у женской фигуры слева от ложа больного мы видим что-то вроде узконосых черных башмаков (рисунок неясен). Похожая обувь (трудно сказать что-нибудь определенное из-за крайней неясности рисунка) и на ногах стоящей женской фигуры в сцене с "докшитом и драконом".

В росписях храма к северу от Турфана на ногах женщин в одеждах, похожих на монгольские, мы видим узконосые темные башмаки и башмаки с закругленными носами [АГ, рис. 477, 480].

7. Некоторые специфические формы одежды

Одежда духовенства

Буддийские монахи составляли многочисленную группу среди населения Си Ся. Тем не менее письменные памятники сохранили только один термин для обозначения одеяния духовенства — бином, переводимый как "монашеская одежда" (ТИУ, № 202).

Иконографический материал дает исчерпывающе полное представление о монашеской одежде тангутов и других народов Центральной Азии.

Образ монаха в плотно облегающей тело одежде, с короткими волосами, трактованными в виде сплошного темного поля или "шапочки", несомненно, пришел из Индии [Фогель, табл. 7, 18, 19, 22]. Даже этот в достаточной степени стилизованный образ нельзя считать чисто условным. В подобного типа изображениях часто проступают такие реалистические черты, как седина, морщины, сизый подбородок — попытка передать небритость — короткая борода. Несомненно, буддийские монахи в странах Центральной Азии носили одежду индийского типа, пока ее не вытеснили местные формы.

На одной из фресок Кумтуры мы видим фигуры монахов описанного выше типа [АГ, рис. 3]. Их одежда плотно облегает тело, суживаясь у талии. Левая рука и плечо, согласно традиции, обнажены. Ноги, по-видимому, босые (в этом месте рисунок неясен). На голове обоих персонажей — короткие волосы. Левый монах зажал в руке непонятный предмет — не то край одежды, не то четки.

В росписях Безеклика фигурирует персонаж, близкий к вышеописанным. Это — монах, сидящий за низким столиком с разложенным на нем свитком. На монахе — узкая ряса. Однако левая рука и плечо хотя и свободны от рясы,

но прикрыты рукавом узкого халата, надетого под монашеское одеяние, — может быть, более холодный климат заставляет несколько отступить от традиций. На голове персонажа короткие черные волосы.

На фресках Ходжо встречаются многочисленные изображения монахов, представляющие собой варианты упомянутого типа [Лекок, 1913, табл. 10, 16–19, 21, 22, 24, 25, 27, 28].

Цвет одежды буддийского духовенства, согласно установленному закону, должен быть желтым. Однако в Центральной Азии даже в довольно ранние эпохи встречались отступления от этого правила. На одной из росписей Карашара мы видим монахов в желтой с красным растительным орнаментом, зеленой и красной рясах [Стейн, т. IV, табл. CXXIV].

В Государственном Эрмитаже хранятся раскрашенные лёссовые фигуры Ананды и Кашьяпы, найденные в Дуньхуане, во внешнем облике которых также наблюдаются некоторые отступления от правил индийского канона. Одежда Ананды окрашена в мягкие зеленовато-фиолетовые тона. Под рясой на нем халат. Головы обоих персонажей гладко выбриты. Эти черты присущи другим типам монахов, о которых будет сказано ниже.

На росписях Дуньхуана мы видим монахов как в рясах, так и в платьях светского типа [Дх, табл. 20, пещера 263, табл. 73, пещера 61]. О том, что перед нами именно монахи, можно заключить по их наголо обритым головам. Интересны изображения монахинь с бритыми головами, но в обычных женских платьях [Дх, табл. 56, пещера 9, табл. 68; пещера 61].

В тангутской иконографии, наряду с индийским типом архата, встречающимся чрезвычайно редко, широко распространен более реалистичный образ, по-видимому предельно точно передающий внешний вид и особенности одеяния центральноазиатского буддийского монаха IX–XIII вв. Люди, относящиеся к этому типу, почти всегда имеют гладко выбритую голову, халат с широкими рукавами и поверх него "лоскутную" рясу, сшитую, согласно предписанию правил жизни буддийского монаха, из отдельных кусков — в живописи и графике эти куски передаются квадратиками или прямоугольниками правильной формы.

На тангутской гравюре, иллюстрирующей одно из сочинений школы Чань, значащееся в фонде под шифром Танг. 407, инв. № 2261, мы видим трех монахов, беседующих с императором — один из них, по-видимому главный, несколько большего роста, чем двое других. На всех троих — халаты с широкими рукавами китайского типа с черной каймой и "лоскутные" рясы. У монаха в нижнем правом углу гравюры ряса помимо квадратов украшена орнаментом в виде мелких точек.

На большой гравюре Танг. 165, инв. № 150 в свите

Будды и среди донаторов присутствуют многочисленные персонажи в монашеских одеяниях. Мы видим те же халаты с широкими рукавами, украшенные черной каймой, "лоскутные" рясы с квадратами, отбитыми тонкой и широкой линиями, бритые или наполовину обритые головы (волосы оставлены на висках и затылке). Последняя черта сближает данные изображения с традиционным образом монахов в позднетибетской иконографии. На ногах монахов — черные башмаки с белой толстой подметкой (китайского типа).

В "Правилах исповеди в храме Милосердного и Сострадательного" (Танг. 286) в ксилографах под № 2295 и 2300 мы видим те же "лоскутные" рясы. В первом случае квадраты ряс отбиты широкими черными полосами, во втором — тонкими двойными линиями. На гравюре инв. № 2300 монахи — босые.

Некоторые монахи одеты в халаты китайского типа и гладкие, без квадратов, рясы. На гравюре Танг. 386, инв. № 5877 коленопреклоненный монах с гладко выбритым черепом изображен в халате с очень широкими рукавами, украшенными черной каймой, и в одноцветной рясе с тройной черно-белой каймой — две тонкие линии с боков и толстая черная полоса посередине. Конец рясы переброшен через правое плечо.

На иллюстрации к одному из известных тантрических сочинений (Танг. 76, инв. № 28, 712) в свите Будды фигурируют монахи в халатах с широкими рукавами и в одноцветных рясах с черной каймой. На гравюре Танг. 334, инв. № 1319 мы видим такое же одеяние. Монахи на гравюре инв. № 8100 одеты в халаты с широкими рукавами и простые светлые рясы.

Персонаж в монашеском одеянии в сцене загробного суда на гравюре Танг. 376, инв. № 95 изображен без халата, с обнаженной грудью и левой рукой, в гладкой светлой рясе с широкой черной каймой. Ряса накинута свободно, широкими складками драпируя тело. По мнению Л.Н.Меньшикова, перед нами — изображение одного из Будд. Об этом свидетельствует ūrṇa между бровями и лотос, на котором сидит данный персонаж. Но в отличие от традиционных изображений Будд голова данного лица бритая, как у монаха.

На гравюре Танг. 428, инв. № 3706 изображено духовное лицо высокого ранга, сидящее на троне перед столиком, на котором расставлены непонятные предметы (курильница?). Изображенный персонаж одет в халат с широкими рукавами и "лоскутную" рясу. Отбивка квадратов рясы дана широкими светлыми полосами. На голове монаха — высокая шапка с отворотами и "крыльями", похожая на головной убор современных лам. Такие же шапки мы видим и на иконах в коллекции Государственного Эрмитажа. Там они имеют различные цвета: встречаются шапки красные, желтые, черные с белой каймой. В то время, по-

видимому, цвет шапки не имел того значения, которое он приобрел в XIV — начале XV в., после раскола северного буддизма на желтошапочную и красношапочную секты. У тангутов окраска головных уборов духовенства имела, вероятно, иерархическое значение.

За спиной упомянутого выше духовного лица бородатый слуга в головной повязке с узлом на лбу (см. выше) держит огромный зонт с гофрированной оборкой. Справа от трона человек в монашеском одеянии (ряса без квадратов, голова сохранилась плохо) подносит сидящему на троне сосуд с широким горлом.

На двух различных гравюрах Танг. 286, инв. № 3861 и инв. № 8349, иллюстрирующих один и тот же апокриф о лянском императоре У-ди, перед ним находится фигура духовного лица, сидящая на троне или кресле. В обоих случаях изображенный персонаж одет в халат с широкими рукавами и "лоскутную" рясу. На гравюре Танг. 286, инв. № 3861 отбивка квадратов рясы дана широкими черными полосами, на гравюре инв. № 8349 — узкими светлыми. В руках духовное лицо держит жезл с богато орнаментированным навершием. Голова персонажа покрыта материей, завязанной узлом на правом виске, — на гравюре инв. № 8349 повязка украшена тонкой светлой каймой. Этот головной убор нехарактерен для буддийского духовенства.

На одной из икон коллекции Государственного Эрмитажа в левом нижнем углу помещена загадочная фигура. Она одета в длинную серо-коричневую рясу. Лицо — смуглое, безбородое. На голове — монашеская шапка желтого цвета с коричневыми линиями и крапинками. Из-под шапки падают на плечи двумя волнами длинные черные волосы. Концы их загибаются кверху. Эта прическа противоречит нашему представлению об обычае буддийских монахов брить головы.

Необычная прическа духовного лица на этой иконе и странный головной убор персонажа на упомянутых выше гравюрах могут навести на мысль, что перед нами изображения женщин-монахинь. Это не кажется невероятным. Женские монашеские общины известны в буддизме издавна. Правда, буддийские монахини также брили голову. Но некоторым из них, занимающим высокие иерархические ступени, позволялось оставлять волосы. Такой пример из истории тибетского буддизма наших дней приводит А.Уоддель, описывая настоятельницу монастыря, считавшуюся воплощением Vajravārāhī [Уоддель, с. 219].

О цвете одежды тангутских буддийских монахов можно судить по изображениям последних в качестве донаторов на иконах, опубликованных в книге С.Ф.Ольденбурга [Ольденбург]. Преобладают желтые одеяния. Встречаются также персонажи в красных одеждах. Не менее часто сочетание желтого верхнего и красного нижнего одеяний. Из

остальных цветных изображений одежд тангутских буддийских монахов можно упомянуть желтую верхнюю и белую с черной каймой нижнюю одежду, красно-желтую мантию и желтую нижнюю одежду, зеленую верхнюю одежду (цвет нижней неясен). Один из монахов одет более пестро: красная безрукавка, коричневая "лоскутная" ряса и поверх нее — желтая мантия с орнаментом в форме кругов.

Кроме буддизма в государстве тангутов бытовали остатки добуддийской религии бон, свойственной, по-видимому, первоначально большинству тибетоязычных племен. Значительное место в этой религии занимали магические обряды, часть которых была заимствована позднее северным буддизмом и отчасти слилась с тангутским ритуалом. Косвенно о существовании жрецов, проводящих такого рода обряды, наряду с буддийским духовенством, свидетельствуют сохранившиеся в письменных памятниках термины "гадатель, астролог" (ТИУ, № 211—213), "шаман" (ТИУ, № 204, 206), "шаман, шаманка" (ТИУ, № 203, 207—209), "гадание" [ТИУ, № 210]. Один из этих терминов состоит из выражения "гадать" и служебной частицы; дословно он переводится как "(тот, кто) гадает". Другой термин представляет собой бином. Первый знак его имеет детерминатив "человек". Во втором можно проследить элемент, выражающий отсутствие чего-нибудь, и элементарный знак "вода" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл., с. 129] в редком начертании — поставленный вертикально. В большей части знаков со значением "шаман" присутствует общий элемент, пока не имеющий истолкования, но, по-видимому, указывающий на специфику данного понятия.

В письменных источниках нет специальных выражений, обозначающих предметы облачений бонского духовенства. Но в памятниках тангутской иконографии есть одно изображение, могущее быть истолкованным как изображение жреца религии бон. Речь идет о фигуре человека на гравюре Танг. 376, инв. № 95. Он одет в халат с узкими рукавами, напоминающий одежду чиновника или рядового тангута. На голове изображенного персонажа — шапка, похожая на китайскую чиновничью шапку с лопастями, но кое-чем отличающаяся от нее: в частности, поднятые кверху лопасти напоминают головной убор "адского чиновника" на той же гравюре и на копиях картин У Дао-цзы. На ногах заклинателя — короткие черные с кантом и швами сапоги, напоминающие современную тибетскую обувь. Все это делает его разительно непохожим не только на буддийских монахов, но и на даосских магов, образ которых в иконографии стран Дальнего Востока отлился во вполне определенную форму.

Сцена, в которой присутствует данный персонаж, изображает болезнь Чжан Цзюйдао. Согласно надписи, он лишился дара речи. Перед больным Чжан Цзюйдао изображен демон, по-видимому затыкающий ему рот непонятным

предметом. Все это может навести на мысль, что человек, стоящий перед ложем Чжан Цзюйдао, — бонский заклинатель, пытавшийся прогнать демона болезни. Впрочем, в тексте апокрифа ничего об этом не говорится. Поскольку там упоминается о приготовлении лекарства для больного Чжан Цзюйдао, этот персонаж может быть просто врачом.

Кроме буддизма и религии бон на территории тангутского государства существовало и христианство несторианского толка [Пигулевская, с. 213]. Письменные источники и памятники собственно тангутской иконографии не донесли до нас никаких сведений о том, как выглядело облачение христианского тангутского духовенства. Косвенно мы можем судить о нем по немногочисленным находкам, сделанным в других районах Центральной Азии.

В Ходжо найдено две росписи на христианские сюжеты. Это прежде всего изображение сцены литургии в Троицын день. Священник с кадилом и молящиеся одеты в костюмы, напоминающие византийские [Лекок, 1926, с. 64].

В том же Ходжо обнаружено изображение всадника, держащего в руках жезл, увенчанный крестом [АГ, рис. 677]. Всадник одет в короткий кафтан с откидными рукавами — деталь, встречающаяся в иконографии Центральной Азии только в этом образце. На голове святого — невысокая белая шапка, несколько напоминающая по форме головные уборы греческого духовенства и украшенная спереди крестом. Короткая густая борода отличает лицо всадника от лиц обычного центральноазиатского типа. Остальные детали костюма неясны — фреска сильно испорчена. Находящаяся рядом со святым женская фигура в платье китайского типа свидетельствует о том, что костюмы христианских святых писались по определенному канону — сирийскому или византийскому, отличаясь от костюмов донаторов, носящих местный колорит.

Однако один элемент в облачении святого — крест на головном уборе — находит неожиданную аналогию в украшениях головных уборов тангутского буддийского духовенства. На них иногда нашита viśvavajra — крест из vajra.

Мы видим его на черной шапке с желтыми каймами, венчающей голову бородатого монаха, помещенного в качестве донатора на найденной в Хара-хото иконе "Владыка врачевания" [Ольденбург, с. 27, икона № 12], и на желтой шапке монаха-донатора, изображаемого на большой иконе "35 будд покаяния" [Ольденбург, с. 31, икона № 18].

По предположению С.Ф.Ольденбурга, viśvavajra могла быть нашита на ткань головного убора [Ольденбург, с.31].

Следует вспомнить и крест, обнаруженный в Восточном Туркестане экспедицией Лютрейль де Рена [ДДР, с. 133]. Поскольку христианство появилось в Центральной Азии позднее буддизма, невольно возникает мысль о

5-3 280

том, кто первый ввел обычай помещать крестообразный символ на переднюю часть шапки. Характерно, что для христианской иконографии типичен крест на верху головного убора, но отнюдь не спереди.

Один из знаков, зафиксированных в тангутских источниках (ТИУ, № 214), переводится словами "шаман западного происхождения". Возможно, это намек на какую-то религию, пришедшую с Запада (может быть, христианство или манихейство). Но следует отметить, что Запад вообще играл в представлениях тангутов особую роль. Часто он ассоциировался с понятием направления "вперед" ("то, что находится спереди") [МП, № 750 и № 1343; ПИ, с.135, примеч. 113].

Одежда императора

Не менее специфическую форму одежды, чем облачение духовенства, представляет собой одеяние императора.

Письменные памятники оставили нам только один термин, переводимый как "императорская одежда" *тяньбаои* (ТИУ, № 220; КИУ, № 26). Данное выражение является калькой с аналогичного китайского термина, переводимого дословно, с учетом буквального значения каждого знака.

В тангутских источниках зафиксирован знак, переводимый как "венец, корона" (ТИУ, № 216). Иконографический материал может дать представление об этой принадлежности одеяния правителя.

"Корона" китайских императоров — *мяньлю* (КИУ, № 21), с некоторыми изменениями служившая также головным убором *хоу* (КИУ, № 11) и *дафу* (КИУ, № 17), зафиксирована в памятниках тангутской иконографии всего два раза. В обоих случаях это — атрибут "адского судьи" Яньло-вана. На цветном изображении, хранящемся в Государственном Эрмитаже, нити жемчуга, украшающие "корону", трактованы в виде простой бахромы из прямоугольных ленточек. Точно так же выглядит данный головной убор в изображении Яньло-вана на гравюре Танг. 376, инв. № 95. Очевидно, эта регалия являлась для тангутов чем-то чуждым, взятым извне и употреблявшимся только лишь в канонизированных изображениях божеств, далеких от реальной жизни. Следует заметить, что на древних китайских рисунках Яньло-ван также редко изображается в императорской "короне" [УДЦ, табл. 37].

Обычным для правителей государств Центральной Азии является головной убор типа *танцзин* и *тунтяньгуань* (см. выше, раздел о головных уборах). По-видимому, он употреблялся не только в своей первоначальной форме, заимствованной из Китая, но служил исходной формой для различных вариантов царских и княжеских головных уборов.

 На одной из центральноазиатских росписей, изобра-

жающей божеств планетного культа, многие персонажи (в частности, божество Солнца, см. ниже) одеты в высокие шапки китайского типа со знаком *ван* — "князь" — на передней пластинке [Лекок, 1922—1928, табл. 17].

На фреске из Кумтуры воин в доспехах из кожаных полос (?) нападает на человека в китайской одежде с широкими рукавами и высокой княжеской шапке, заколотой шпилькой [Лекок, 1928, с. 37—38, табл. 37].

О высокой княжеской шапке китайского типа на миниатюре в манихейском свитке, опубликованном Альбертом фон Лекоком, говорилось выше, в разделе о головных уборах [Лекок, 1908, табл. 5].

Производной формой от китайской высокой шапки можно считать головной убор уйгурских правителей. Здесь задняя пластинка увеличена, представляя собой большую лопасть, возвышающуюся над всей шапкой. Рубчатый верх значительно уменьшен, но виден ясно, так же как и передняя пластинка. Подобного рода головной убор мы видим в росписях Ходжо, опубликованных Лекоком [Лекок, 1913, табл. 30]. Такую же шапку носит один из персонажей на миниатюре упоминавшегося выше манихейского свитка [Лекок, 1908, табл. 8б] и сановник или правитель на одной из фресок Дуньхуана [Пеллио, т. V, табл. CCCXII]. На фрагментах фресок из Турфана, хранящихся в Государственном Эрмитаже, мы также встречаем многочисленные изображения головных уборов того же типа. Аннемари фон Габен называет этот головной убор тиарой [Габен, 1973, табл. 41, № 98; табл. 166, № 162; табл. 85, № 202; табл. 99, № 235].

Головной убор Мани на единственном из дошедших до нас его изображений несомненно представляет собой тот же тип головного убора, весьма незначительно измененный [Лекок, 1908, табл. 1]. Головные уборы персонажей, окружающих Мани, являются более скромной формой все той же высокой китайской шапки.

На одной из росписей Ходжо мы видим переходную форму от манихейского головного убора к китайской чиновничьей шапке. Налицо даже знак *ван* на передней пластинке [Лекок, 1913, табл. 47].

Трудно сказать что-нибудь о материале, из которого делались головные уборы подобного типа. Китайские высокие шапки, как правило, многоцветны. Головные уборы уйгурских правителей — желтого, изредка красного цвета. Учитывая их значительные размеры, можно предположить, что они делались не из металла, а из позолоченной кожи или парчи. Вообще металлическая корона нехарактерна для стран Центральной Азии и Дальнего Востока. Исключение представляют короны, найденные в корейских гробницах [Воробьев, с. 108], а также некоторые китайские находки эпохи династии Мин (XVI—XVII вв.). Но если принять во внимание приведенные выше слова Ши Цзинь-бо о

5-4 280

головных украшениях из золота, существование золотых корон представляется возможным.

Данные тангутской иконографии также показывают нам, что правители государства Си Ся использовали одеяния китайского типа. Согласно источникам, они получали от китайских императоров титул и соответствующие ему одеяния [Бичурин, 1833, с. 66]. Типичное одеяние тангутского императора мы видим на фигуре донатора в сцене поклонения Будде в одном из тантрических сочинений [Танг. 76, инв. № 28, 712]. Это одноцветный халат с широкими рукавами, украшенными черной каймой, перехваченный пластинчатым поясом, характерным для китайских императоров и высших чиновников. На голове — высокая китайская шапка с рубчатым верхом.

На гравюре Танг. 185, инв. № 150 мы видим целую группу донаторов — как светских, так и духовных лиц, — представляющих собой, по-видимому, членов императорской семьи. Один из мужчин (видна только голова и плечи) с бородой и усами, в высокой шапке с рубчатым верхом, вероятно, император. Остальные, более молодые, без бород, очевидно, принцы, одеты в халаты с широкими рукавами, украшенными черно-белой каймой, и шапки с рубчатым верхом, но более низкие, чем у императора. Халаты их перехвачены простыми черно-белыми поясами (без набора пластинок). В числе донаторов — пять женских фигур. Две из них видны полностью. На них — платья с широкими рукавами, также украшенными черно-белой каймой (поясов не видно). Волосы собраны в узел и украшены обручем с дисками (драгоценные камни?) и наколками. Сзади с обруча свешиваются ленты или завязки. Четвертая слева женская фигура в переднем ряду является, по мнению Л.Н.Меньшикова, портретом императрицы Ло.

На гравюре, иллюстрирующей сочинение школы Чань (Танг. 407, инв. № 2261), император, беседующий с монахами, одет в китайское одеяние. На нем — халат с широкими рукавами, украшенными черной каймой, с рубчатой оборкой снизу (может быть, это — юбка-"плахта", упоминаемая в монографии Л.П.Сычева о китайском костюме; [Сычевы, с. 38—50]), пояс со свешивающимся спереди широким, богато украшенным концом. На голове императора — шапка с рубчатым верхом, высокой задней пластинкой и небольшой кисточкой-плюмажем.

Л.Н.Меньшиков собрал большой материал по иконографии портретных изображений тангутских императоров, в том числе императрицы Ло и Жэнь-цзуна, основываясь на данных как тангутской, так и китайской части хара-хотинской коллекции. Материал этот должен быть опубликован в недалеком будущем. Гравюра наряду с чисто китайскими элементами — бамбук за спиной императора — имеет и целый ряд центральноазиатских черт — деревья, трактованные "елочками", как на тибетских иконах, и скалы

Рис. 8. Хара-хото. Сцена во дворце — император, военные и гражданские чиновники (Танг. 286, инв. № 3861)

явно тибетского стиля. Это показывает, что прочно вошло представление о китайском императорском костюме в чисто местное искусство и, стало быть, костюм как таковой -- в быт тангутов.

На неоднократно упоминавшейся гравюре инв. № 8349 одеяние императора также чрезвычайно близко к китайскому. Мы видим халат с широкими рукавами, широкий орнаментированный конец пояса, оборку снизу халата (или юбки-"плахты"), высокую шапку с рубчатым верхом, шпилькой и шнуром.

Одним из вариантов императорской шапки можно считать наколку на голове бодхисаттвы на гравюре Танг.286, инв. № 2295. Само одеяние изображенного божества -- индийское, согласно канонам буддийского искусства. Грудь открыта, на руках — браслеты. Но головной убор представляет собой нечто среднее между обычной наколкой на узле волос и китайской шапкой. Налицо рубчатый верх, задняя и передняя пластинка. Весь головной убор помещен на затылке — завязок, удерживающих его, не заметно.

Своеобразную императорскую шапку — налицо элементы, свойственные головным уборам высшего духовенства, — мы встречаем на одной из икон планетного культа, хранящейся в Государственном Эрмитаже (изображение бога Солнца), и на нешифрованном цветном изображении божества планеты Му-син (Юпитер) в Рукописном фонде ЛО ИВАН.

Прямых указаний на то, какого цвета было одеяние тангутских императоров, источники не дают. Мы можем судить о нем лишь косвенно, по иконам божеств. Боги Солнца и Юпитера в тангутском планетном культе всегда ассоциировались с понятием отца, высшего чиновника, императора. "Адский судья" Яньло-ван также изображался в образе правителя. Во всех этих случаях мы имеем вполне определенное сочетание цветов — голубой (или синий) и красный. Обычно верхняя одежда бывает голубого, нижняя красного цвета. Соотнести данное сочетание цветов с цветной символикой соседних народов представляется затруднительным. Традиционный цвет китайской императорской одежды — желтый (впрочем, есть указания на то, что в разные эпохи в Китае для одеяния правителей использовались материи разного цвета). Халаты уйгурских ханов, как правило, красные. Интересно отметить то же сочетание цветов в христианском искусстве, часто используемое в изображениях Христа. На некоторых византийских миниатюрах мы видим именно такое сочетание цветов. Одна из них, иллюстрирующая Евангелие, хранящееся в Государственной публичной библиотеке [ВМ, с. 41], изображает Христа в сине-красной одежде в мандроле (сиянии в форме ромба). Другая миниатюра, являющаяся иллюстрацией к акафисту Богоматери, также дает образ Христа под киворием [ВМ, с. 46]. В обоих случаях верхнее одеяние Христа — синее, нижнее — красное. Любопыт-

но, что в подписи, сопровождающей вторую миниатюру, заглавная буква дана в виде двуглавого орла – герба Византии. Голова орла, обращенная на восток, – синяя, обращенная на запад, – красная. Невольно вспоминается одно из названий Византии – "золотой мост между Востоком и Западом". Возможно, здесь мы имеем взаимное влияние между Востоком и Западом.

Наряду с одеянием китайского типа у тангутских императоров существовал и другой вид костюма – явно национального характера. Если верить сообщениям источников, он предшествовал описанному выше, так как существовал тогда, когда тангуты еще не испытывали значительного китайского влияния. Юаньхао, боровшийся с иноземной роскошью, в молодости носил красный халат с длинными рукавами и черную шляпу. Он всегда имел при себе лук и стрелы. Позднее, став императором, он начал одеваться в белый узкий халат и войлочную шляпу, украшенную шариком на затылке, шнурами и красными лентами [СШ, цз. 486, с. 13а]. Изображений этого костюма не сохранилось. Может быть, войлочная шляпа, которую носил Юаньхао, напоминала китайский охотничий императорский головной убор *гуаньбянь* (см. выше, раздел о головных уборах).

На гравюре Танг. 286, инв. № 3861 мы видим одеяние императора, непохожее на описанное выше платье китайского типа. Это – халат с узкими рукавами и круглым закрытым воротником. Низ халата украшен гофрированной оборкой. Поверх халата – набедренник, перехваченный узким поясом, похожий на тот, который носили китайские воины и тангутские военные чиновники. На голове императора – высокая шапка в форме расширяющегося кверху цилиндра, богато украшенная узорами и непохожая на головной убор китайского типа. Костюмы чиновников, составлявших свиту императора, в точности совпадающие с одеждами тангутских чиновников на фреске из Юйлиньку, свидетельствуют о том, что перед нами – национальное одеяние тангутского императора, не подвергшееся китайскому влиянию или испытавшее последнее в минимальной степени. Похожее одеяние мы видим на фреске из Могаоку, изображающей тангутского правителя со свитой. Хотя Чэнь Бинъин, привезший цветную репродукцию этой фрески, в своей книге [Чэн Бинъин, табл. 4] называет изображенного человека *го ван* – "правитель страны", "царь", "князь", можно с уверенностью утверждать, что персонаж на фреске именно император, а не второстепенный мелкий правитель. Мы видим тот же прямой халат с неширокими рукавами, перепоясанный узким поясом с длинными свешивающимися концами. Халат – темно-фиолетового цвета, с вышитыми белыми изображениями драконов. На голове императора – высокая цилиндрическая шапка белого цвета.

Одежда киданьских и чжурчжэньских императоров близ-

ка к таковой у китайцев. Тибетские *цэнпо* носили, если верить памятникам позднего тибетского искусства, своеобразную одежду, отличающуюся и от тангутской, и от китайской. Костюм монгольских ханов первоначально мало чем отличался от одежды рядовых монголов, а позднее испытал на себе иранское и китайское влияние. Мы видим двойной халат — верхний с короткими рукавами, иногда из более темной ткани, украшенный на груди и по подолу вставками из богато орнаментированной материи, невысокую шапку, гладкую или гофрированную, узконосые сапоги [Тильке, рис. 14, 15, 17].

Одной из регалий тангутского правителя, по-видимому, являлся зонт. Письменные памятники сохранили знаки, обозначающие этот предмет (ТИУ, № 215, 219). Графический анализ знаков не уточняет представлений о внешнем виде обозначенного ими предмета —их элементы не поддаются истолкованию. Этим же знаком в архитектуре обозначаются балкон, настил, а возможно, также балдахин над троном. Но этот элемент будет рассмотрен ниже, в разделе о мебели.

На одной из дуньхуанских росписей мы видим зонт на длинной ручке и опахала, которые слуги несут за правителем [Пеллио, т. V, табл. CCCXII].

Персонаж в полукитайской, полумонгольской одежде на фреске из храма к северу от Турфана держит над головой большой зонт с яйцеобразным навершием [АГ, рис. 473]. В источниках упоминается, что слуги носили за Юаньхао черный зонт [СШ, цз. 485, с. 13а]. Черный зонт мы видим на уже упоминавшейся фреске из Юйлиньку, изображающей императора. О большом матерчатом зонте, который держит слуга над головой важного духовного лица на одной из тангутских гравюр, говорилось выше.

На гравюре инв. № 8349 прислужница в китайском платье держит за спиной императора опахало в форме крыла большой птицы. Здесь интересно отметить опахало в форме крыла феникса, которое слуги несут за Сиванму, "Западной царицей-матерью" — персонажем весьма популярным в китайской литературе и изобразительном искусстве, обычно упоминаемым в связи со странами, граничащими с Китаем на Западе [Терентьев, 1976, с. 209—213].

Частым атрибутом восточных правителей является посох или трость. Знаки, обозначающие эту регалию, зафиксированы в тангутских письменных памятниках (ТИУ, № 217, 218). В состав первого знака входят элементарные знаки "рука" и "дерево" [Кычанов, 1964, с. 129, 130—131, табл.; с. 127—128, табл., с. 136].

В изображениях тангутских императоров жезл не зафиксирован. Но божество планеты Сатурн на одной из планетных икон, хранящихся в Государственном Эрмитаже, и в иллюстрациях к трактатам о планетном культе в тангутской коллекции ЛО ИВАН держит в руках тонкий длин-

ный посох, к которому привязана лентами магическая печать. Отождествление этого посоха с посохом буддийских монахов едва ли верно, так как он лишен навершия с кольцами.

8. Предметы роскоши

Существенной деталью костюма любого народа являются украшения из драгоценных металлов и камней.

Материалы для изготовления украшений

Письменные источники донесли до нас большое количество названий материалов, использовавшихся тангутскими ювелирами для изготовления предметов роскоши. Зафиксировано три слова, имеющие значение "сокровище, драгоценности" (ТИУ, № 226, 234, 237). Вероятно, под это понятие подпадали и ценные поделочные материалы.

В разряд ценных материалов зачислено, как ни странно, ж е л е з о. В тангутских словарях оно обозначено отдельным знаком (ТИУ, № 225) и биномом (ТИУ, № 244). Единичный знак "железо" находится под детерминативом "металл". Чисто графическое сходство последнего с детерминативом "камень" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл., с. 129, 130–131, табл.] как будто говорит в пользу того, что оба предмета мыслились тангутами как нечто сходное, возможно, добываемое в результате горных разработок. Такое толкование позволяет сделать и известные выводы о высоте развития горного дела, металлургии и промышленности в государстве Си Ся. Бином, в который входит знак "железо", включает в качестве первого знака идеограф "олово". Как видно из предыдущего материала, названия предметов в словаре "Цзы цза" представляют собой именно биномы, а не случайное сочетание двух независимых понятий (что доказывается и пояснением данных групп знаков в словаре Н.А.Невского). Какой металл обозначает данный бином, пока неясно. Знак "олово" помимо детерминатива "металл" несет в себе элемент "камень" (обычно употребляемый в качестве детерминатива). Таким образом, речь идет о металле, добываемом из руды, что подчеркивается элементом "камень". Это не латунь, так как для латуни имеется особый знак. Олово, как известно, применялось многими народами в качестве материала для изготовления дешевых украшений. Знак "железо", входящий в бином, мог употребляться как обозначение металла вообще. Тогда, очевидно, речь идет об олове.

Еще одним металлом, по-видимому использовавшимся

тангутами для изготовления украшений, была медь. Здесь мы опять сталкиваемся с одиночным знаком (ТИУ, № 238) и биномом (ТИУ, № 248). Знак "медь" находится под детерминативом "металл". Кроме того, в его состав входит элементарный знак "красный" [Кычанов, 1964, с. 130–131, табл.] и элемент, не имеющий пока истолкования. Таким образом, графический анализ знака явно указывает на металл красного цвета. Н.А.Невский дает одн из значений этого знака: "красная медь" [Невский, т. II, с. 533]. В состав бинома в качестве второго знака входит иероглиф "латунь" (ТИУ, № 224), встречающийся в тангутских словарях и как отдельный знак. Графический анализ последнего не уточняет смысл понятия, известно только, что данное вещество относится к металлам — знак находится под детерминативом "металл". Сочетание обоих знаков в одном биноме кажется странным — латунь сама по себе представляет сплав меди и олова (искусственный и природный — существуют руды, содержащие самородную латунь). Может быть, здесь имеет место тавтология, как в современном китайском языке. В этом случае бином, по-видимому, можно перевести как "латунь".

Одними из самых драгоценных материалов являлись, естественно, золото и серебро. Для обозначения золота в чистом виде существуют единичный знак (ТИУ, № 223) и бином (ТИУ, № 245).

Знак "серебро" (ТИУ, № 249) состоит из элементарного знака "дух" и элемента, не поддающегося толкованию. Разнопись знака показывает, что знак "дух" мог иметь два начертания. Другой знак, обозначающий серебро (ТИУ, № 222), не поддается графическому анализу.

Источники сохранили бином, в котором стоят рядом знаки "золото" и "серебро" (ТИУ, № 240). Известен сплав золота и серебра — электрон, из которого сделаны многие древние украшения, в частности некоторые скифские сосуды и драгоценные предметы (ваза из Куль-обы). Но в данном случае речь идет скорее о двойном выражении, соответствующем русскому народному "злато-серебро".

Золотые изделия тангутских мастеров обнаружены главным образом во Внутренней Монголии. В их числе — золотые чаши, шкатулки, шпильки для волос [Чэнь Бинъин, с. 421].

Из материалов, относящихся к разряду драгоценных камней, можно отметить прежде всего жемчуг. Известны три одиночных знака (ТИУ, № 221, 228, 233) и бином (ТИУ, № 239), обозначающие этот камень. Второй единичный знак состоит из детерминатива "вода" и "драгоценные камни" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127–128, табл.; 130–131, табл.]. Это прямо указывает на знакомство тангутов с жемчугом. Однако территория государства Си Ся нигде не выходила к морю. Тангутам мог быть, вероятно,
 известен так называемый речной жемчуг и жемчуг, приво-

зимый иноземными купцами. Бином состоит из знаков "море" и "жемчуг". Следовательно, тангуты имели представление не только о "речном жемчуге", но и об обычном жемчуге, добываемом из морских раковин.

Знак "жемчуг" встречается и в биноме, переводимом как "бирюза" (ТИУ, № 241). По-видимому, здесь он обозначает просто общее понятие "драгоценный камень".

Нефрит — камень, считавшийся одним из самых ценных, а иногда даже священным не только у народов Дальнего Востока, но и у многих других, в частности у обитателей Центральной Америки, — был известен и тангутам. Знак, обозначающий его (ТИУ, № 236), снабжен детерминативом "камень". Н.А.Невский в своем словаре дает и другой перевод этого знака — "яшма" [Невский, т. I, с. 523]. Последняя также ценилась народами Центральной Азии и Дальнего Востока. В китаеведческой литературе представление об этих камнях часто смешивается. Однако это — два различных минерала. Нефрит — кремнекислая известь с примесью солей железа, по мнению некоторых, представляющая собой разновидность "роговой обманки". Яшма — вид непрозрачного кварца с примесью окислов железа. В то время как нефрит бывает темно-зеленым или зелено-белым, яшма являет нам значительное разнообразие цветов — красного, серого, желтого, зеленого, бурого. Любопытно, что и китайский иероглиф "юй" (КИУ, № 1) также переводится и как "нефрит", и как "яшма".

Янтарь, камень, не часто встречающийся у народов Дальнего Востока, зафиксирован в тангутских письменных памятниках в виде единичного знака (ТИУ, № 229) и в виде бинома (ТИУ, № 242). Одиночный знак состоит из элементов "дух", "верх" и "драгоценный камень". Наличие двух первых элементов как будто указывает на какое-то особое значение, придаваемое тангутами янтарю, но общий смысл остается неясным. Первый знак, составляющий бином, представляет собой комбинацию из элементов "ветер" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл.] и "драгоценный камень".

Кораллы, которые тангуты, по-видимому, ценили так же, как и современные тибетцы, нашли отражение в письменных памятниках в трех одиночных знаках (ТИУ, № 230—232) и биноме (ТИУ, № 243). Графический анализ одного из знаков (ТИУ, № 232), входящего в бином в качестве первого компонента, прямо-таки поражает тем, насколько точно раскрывается в нем представление тангутов о коралле, хотя, как было сказано выше, они не имели выхода к морю. Налицо элементарный знак "трава" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл.], указывающий на подобную растению форму коралла; знак — "пресмыкающееся, насекомое" (в сокращенной форме, которая упоминалась в разделе о тканях), — определяющий коралл как явление,

принадлежащее миру животных, а не растений, и "драгоценный камень", относящий коралл к определенного рода поделочным материалам. Более исчерпывающую характеристику вряд ли могли бы дать и современные тангутам средневековые европейские естествоиспытатели.

Любопытно наличие в тангутских письменных памятниках названия такого материала, как слоновая кость (ТИУ, № 246). Слоны на территории государства Си Ся не водились. Е.И.Кычанов зафиксировал в тангутских письменных памятниках название животного, которое он перевел как "большой слон" [ПИ, с. 90, 93, 120]. Но отсутствие дополнительных сведений не позволяет судить о том, что это было за существо. Первый знак бинома, встречающийся в источниках и в качестве отдельного знака (см. примечание к ТИУ, № 246), состоит из элементов "копытное животное", "нога" [Кычанов, 1964, с. 127—128, 130—131, табл.] и "дух". Последний знак, вероятно, мог являться показателем чего-то необычного, священного. У всех буддистов слон почитается как один из символов Будды. Может быть, и тангуты заимствовали представление о слоне из буддийской иконографии как о фантастическом, необычайном животном.

Второй знак бинома переводится как "зуб", "клык" и в особых толкованиях не нуждается.

Любопытно наличие в "Цзы цза" бинома (ТИУ, № 247), состоящего из знаков "глазурь" ("стекло") и "яшма" ("нефрит"). Возможно, речь идет о какой-то прозрачной разновидности драгоценного камня. Вероятнее всего, это ляпис-лазурь, известная в Центральной Азии, в частности в Хотане [Шефер, с. 305].

Украшения

Для украшений, как и для материалов, из которых они изготовлялись, в письменных памятниках зафиксирован специальный термин (ТИУ, № 234). Знак, обозначающий это понятие, состоит из детерминатива "рука" и "дух".

Среди названий украшений — большая часть из них отнесена в "Цзы цза" к разделу "Женская одежда" — прежде всего обращают на себя внимание различные предметы для украшения волос. О них частично уже говорилось выше, в разделе о головных уборах.

Слово "гребень" в тангутских письменных памятниках встречается и как отдельный знак (ТИУ, № 262), и как бином (ТИУ, № 276). Графический анализ знака ничего не дает — составляющие его элементы неизвестны. Бином переводится как "деревянный гребень".

В гравюрах, иллюстрирующих сутру "Созерцание наивысшего рождения бодхисаттвы Майтрейи в небе Тушита",

мы видим на головах женщин сложные украшения, напоминающие отчасти "бокка", описанные Плано Карпини, — к некоторым из них прикреплен плюмаж, - отчасти головные уборы маньчжурских женщин. Большая часть их представляет собой воткнутый в узел волос на затылке высокий, богато украшенный гребень.

Такое украшение для волос, как шпилька, также нашло отражение в тангутских письменных памятниках. Зафиксировано два отдельных знака (ТИУ, № 253, 257) и бином (ТИУ, № 272). Графический анализ единичных знаков ничего не дает. Бином представляет собой сочетание двух упомянутых выше знаков.

Памятники тангутской иконографии не сохранили изображения женских шпилек, но, по всей вероятности, они мало чем отличались от китайских, известных по изобразительному и археологическому материалу с глубокой древности. Особое место занимает головное украшение, выраженное биномом (ТИУ, № 271), первый знак которого означает "опора", "опираться" (МП, № 4746). Может быть, речь идет об упомянутом выше богато украшенном гребне. На эту мысль наводит значение второго знака бинома.

В письменных источниках зафиксировано выражение, толкуемое как "среди волос тонкие драгоценности" (ТИУ, № 279), и два одиночных знака со значением "женское головное украшение" (ТИУ, № 250) и "украшение для прически" (ТИУ, № 255). Очевидно, здесь идет речь не о гребнях или шпильках, а о головных украшениях типа китайских и корейских.

Иконографический материал показывает, что богатые украшения для волос имели широкое распространение в странах Центральной Азии.

На фресках Кумтуры мы видим женское головное украшение в виде небольшой шапочки с орнаментированным навершием (из золота или драгоценных камней?), с лентами (или завязками) по бокам. С шапочки на спину женщин падают две широкие, вышитые на концах, ленты, напоминающие аналогичную деталь в коронах сасанидских царей [Лекок, 1928, рис. 21].

На одной из росписей Кизила головы женщин венчает множество разнообразных головных украшений. Здесь мы встречаем и упомянутую выше шапочку с лентами сасанидского типа, и шапочку в форме усеченного конуса с вуалью и околышем, украшенным драгоценностями, и сложное украшение в виде наколки, состоящей из двух полушарий, соединенных треугольным выступом, увенчанным звездой, с украшениями в форме листьев по бокам [АГ, рис. 415]. На той же росписи мы видим и мужское украшение для волос в форме двух шаров или дисков, укрепленных на затылке (волосы при этом распущены).

О наколках на прическах мужчин уже говорилось в разделе о головных уборах. По-видимому, они были широ-

ко распространены в тех районах Центральной Азии, где мужчины носили прическу в виде узла волос на затылке, по китайскому образцу (например, у уйгуров). На одной из центральноазиатских росписей на голове коленопреклоненного воина в панцире китайского типа — узел волос, украшенный лентами и чем-то вроде венца [Лекок, 1922—1923, т. VI, табл. 18].

На двух фресках из Безеклика на высоких прическах женщин — богато орнаментированные обручи и вплетенные в волосы драгоценности, что-то вроде шпилек китайского типа [АГ, рис. 512, 513]. Нечто похожее — вплетенные в волосы украшения — встречается и на росписях из Ходжо [Лекок, 1913, табл. 32].

У двух прислужниц за троном императора на тангутской гравюре инв. № 8349 в волосах — сложные украшения: у правой в виде обруча с диском, спереди перехватывающего высоко зачесанные волосы (по китайскому образцу), у левой — в виде цветка лотоса. Диск в головном украшении первой прислужницы, без сомнения, нефритовый, которые так ценились в древнем Китае.

На известной иллюстрации к "Созерцанию наивысшего рождения бодхисаттвы Майтрейи в небесах Тушита" у женских персонажей мы видим большое разнообразие головных украшений. Помимо высоких, богато украшенных гребней здесь есть и повязка с нефритовыми дисками спереди, и сложные комбинации из волос и украшений (камней?).

На гравюре Танг. 386, инв. № 5877 у женщины, склонившейся перед Буддой, волосы на голове, высоко зачесанные и повязанные материей, перехвачены обручем с узорами в виде стилизованных по-китайски облаков, с розеткой впереди. Возможно, обруч был металлическим (золотым?), а розетка — из драгоценных камней. На цзиньской гравюре, изображающей "четырех красавиц", на головах изображенных женщин — пышные венцы поверх высоких причесок, очень похожие на описанный выше тангутский головной убор. Знак, переводимый как "тесьма, бант в волосах" (ТИУ, № 266), мог обозначать принадлежность как женской, так и мужской прически.

Серьги, отмеченные в тангутских письменных памятниках единичным знаком и биномом, дословно переводимым как "ушные кольца" (ТИУ, № 251, 274), были известны многим народам Центральной Азии.

На одной из упомянутых выше росписей из Кумтуры в ушах у женщин — массивные серьги в виде дисков с отходящими от них миндалевидными пластинками [Лекок, 1928, рис. 21]. Если принять за факт то, что в иконографии Центральной Азии нефрит передавался дисками, перед нами металлические серьги со вставками из нефрита, а в одном случае обрамленные жемчугом (мелкие шарики). На фресках из Кизила серьги такой же формы, как и на росписях из Кумтуры, а также серьги в виде колец с драго-

ценными камнями, как у женщин [АГ, рис. 415], так и у мужчин [АГ, рис. 266].

У тангутов, если верить данным иконографии, серьги имели форму простых ушных колец. По-видимому, их носили не только женщины, но и мужчины. На гравюре Танг. 386, инв. № 5877 кольца в ушах не только женщины, но и монаха. Может быть, серьги вдеты и в уши важного духовного лица на гравюре Танг. 428, инв. № 3706, если только мы не имеем дело со своеобразной стилизацией мочки уха, характерной для буддийской иконографии.

Серьги как мужские украшения распространены среди тибетоязычных племен, родственных тангутам, и по сей день. Тибетцы-мужчины до недавнего времени носили в правом ухе серьгу, состоящую из набора соединенных между собой подвесок — главным образом кусков бирюзы, нанизанных на шелковую нить, — а в левом — большое кольцо с бирюзой (алун). Богатые тибетцы носили в левом ухе кольцо с подвешенными к нему шариками с бирюзовыми вставками. Нить, на которую были нанизаны шарики, заканчивалась продолговатым, заостренным книзу зеленым камнем (нефритом) или стеклом [Цыбиков, с. 157].

На одной из росписей Безеклика у женщины в одежде, похожей на монгольскую, в ушах — кольца с подвешенными к каждому из них несколькими нитями, на которые нанизаны мелкие шарики (бирюза? жемчуг? [АГ, рис. 506]).

Похожие серьги мы видим и в ушах женщин на фресках храма к северу от Турфана [АГ, рис. 476, 477, 480]. Вероятно, какой-то вид серег обозначает тангутский иероглиф, переводимый как "ушное украшение" (ТИУ, № 266), и бином, имеющий смысл "вид, разновидность серьги" (ТИУ, № 275).

Письменные источники зафиксировали два единичных знака (ТИУ, № 261, 267) и бином (ТИУ, № 278), переводимые как "браслет", "запястье". Первый знак бинома — только что упоминавшийся единичный знак, второй имеет значение "окружать" [Невский, т. I, с. 308], по-видимому близкое китайскому "хуань" ("кольцо", "браслет"; КИУ, № 12).

Изображений браслетов в памятниках тангутской иконографии не сохранилось. На одной из росписей Кизила руки женщины украшены браслетами, помещенными как на запястьях, так и на предплечьях. Судя по орнаментам, браслеты были богато украшены драгоценными камнями [АГ, рис. 415].

На фреске из Кумтуры руки женского персонажа кажутся унизанными от запястий до локтей металлическими кольцами. Впрочем, возможно, таким образом изображены узкие полосатые рукава нижнего платья [АГ, рис. 53].

В тангутских словарях зафиксирован один единичный знак (ТИУ, № 258) и два бинома (ТИУ, № 270, 273), обозначающие ожерелье. Элементы, составляющие единичный

знак, не имеют истолкования. Один из биномов (ТИУ, № 273) состоит из знаков "ожерелье" и "простой, безыскусственный" (МП, № 1859). По-видимому, речь идет об ожерелье из недорогих материалов. Другой бином, состоящий из знаков "жемчуг", "драгоценный" (ТИУ, № 270) и "нанизывать" (МП, № 1746), обозначает, очевидно, "жемчужное ожерелье", "ожерелье из драгоценных камней" или "четки".

На дуньхуанских фресках женщины нередко имеют на шее по два-три ожерелья, судя по цвету, из кораллов или золота (Дх, табл. 9, пещера № 159, табл. 10, пещера № 196, табл. 13, пещера № 98, табл. 14, пещера №175).

Так как изображения женщин в ожерельях в памятниках тангутского изобразительного искусства отсутствуют, о них можно судить лишь по иконографии соседних народов. На упоминавшейся выше фреске из Кизила на шеях женщин — ожерелья из мелких шариков, по всей видимости жемчужные. Персонажи известной картины, изображающей чжурчжэньскую принцессу со свитой, не носят украшений, за исключением самой принцессы и одного из придворных. На передней лопасти вырезной пелерины, покрывающей грудь и плечи принцессы, мы видим украшение в виде стилизованного цветка или четырехконечной розетки — судя по характеру изображения, металлическое с драгоценными камнями. На спине одного из членов свиты — орнаментированный диск, прикрепленный ремнями, проходящими под мышками, по-видимому тоже металлический.

Косметика

Предметы косметики отражены в тангутских письменных источниках значительным количеством знаков. Зафиксировано три единичных знака (ТИУ, № 252, 254, 256) и два бинома (ТИУ, № 263, 269) для обозначения пудры. Один из единичных знаков (ТИУ, № 254) состоит из элементов "тело" [Кычанов, 1964, с. 241] и "драгоценный камень". Может быть, дословный смысл этого знака — "драгоценное (вещество, которым украшают) тело".

Элемент "драгоценный камень" входит и в состав другого единичного знака (ТИУ, № 256); первый элемент неясен. Один из биномов (ТИУ, № 268) представляет собой сочетание двух упомянутых выше знаков. Какой-то особый сорт пудры обозначен вторым биномом (ТИУ, № 269). Сохранился лишь первый знак — от второго осталась половина в результате дефекта страницы экземпляра "Цзы цза", использованного в данной работе (в других экземплярах этого знака нет вообще).

Один из одиночных знаков и бином, сохранившиеся в тангутских словарях, переводятся словом "румяна" (ТИУ, № 260, 264). В состав первого знака бинома входит эле-

мент "красный". Второй знак – одиночный иероглиф, о котором уже говорилось, кроме верхней части – горизонтальной черты с крючкообразным элементом – заключает в себе ту же графему "красный" и элементарный знак "палец". Вряд ли будет ошибочным предположить, что здесь имеет место калька с китайского *яньчжи* – "косметика" (КИУ, № 15).

В странах Центральной Азии и Дальнего Востока румяна наносились кружками или рядом точек вроде мушек (их мы видим на лицах женщин в дуньхуанских росписях, например [Дх, табл. 12, пещера № 61, табл. 63, пещера 121]).

В тангутской коллекции ЛО ИВАН СССР нет цветных изображений женщин, по лицам которых можно судить об употреблении пудры и румян. На одной из икон планетного культа, хранящейся в Государственном Эрмитаже [Кочетова, с. 475], румянец на лицах богинь дан кружками. Но изображения божеств могут служить материалом для палеоэтнического исследования лишь тогда, когда они максимально приближены к изображению живых людей – об этом можно судить, сравнивая одежды и внешний облик божеств с изображениями донаторов и данными письменных памятников. В данном случае такое сравнение затруднительно – может иметь место простое подражание китайским образцам.

Зафиксированный в источниках иероглиф "аромат, благовония" (ТИУ, № 263) имеет детерминатив "дерево". Это как будто указывает на смолу или сок какой-то ароматной породы дерева, шедшей на изготовление благовония (например, сандалового).

Так как тангуты брили голову и часть лица, им должны были быть известны бритвы, но источники упоминают такой предмет личного обихода, как щипцы для выщипывания усов (ТИУ, № 259).

9. Мелкие предметы туалета

В тангутских письменных источниках зафиксированы единичный знак (ТИУ, № 286) и бином (ТИУ, № 287), обозначающие носовой платок. Изображений этой принадлежности туалета не сохранилось.

10. Прически

В этнографии народов Дальнего Востока и Центральной Азии важную роль всегда играли вопросы, связанные

с прической. Форме прически придавалось значение иерархического, племенного признака или даже знака подданства того или иного государства. В XVI–XVII вв. этот принцип вылился в завоеванном маньчжурами Китае в формулу: "Оставишь волосы – потеряешь голову, сохранишь голову – потеряешь волосы". Маньчжуры заставляли население покоренных ими областей брить всю голову, оставляя на затылке косу. Во время великого тайпинского восстания и в годы, предшествующие свержению маньчжурской династии, отрезание косы рассматривалось как своего рода революционный акт.

Тангутские письменные памятники донесли до нас четыре единичных знака, переводимые как "волосы" (ТИУ, № 280, 282, 283, 285). Общеупотребительный идеограф "волосы" (ТИУ, № 284) уже упоминался выше, в разделе о тканях.

Один из знаков (ТИУ, № 280) переводится выражением "узел волос, прическа" [Невский, т. II, с. 64]. Выражение это, как мы увидим ниже, относится скорее к женской прическе.

Обильный иконографический материал дает нам изображение самых разнообразных причесок народов Центральной Азии.

На росписях Кизила мы видим прежде всего персонажей в одеждах иранского типа с длинными прямыми волосами, ровно подстриженными у плеч и надо лбом [АГ, рис. 337, 338]. Здесь же встречается изображение человека в точно такой же одежде, но с кудрями до плеч и с небольшими усами [АГ, рис. 336]. На одной из фресок изображена очень странная прическа, представляющая собой, по-видимому, условно трактованные длинные светлые волосы, завитые рядами, как борода на ассиро-вавилонских памятниках [АГ, рис. 232]. Один из персонажей росписей имеет подстриженные волосы с подобием пробора посредине [АГ, рис. 334]. Слуга на одной из кизилских фресок носит коротко подстриженные курчавые волосы, наполовину скрытые головным убором [АГ, рис. 266].

У персонажа с густыми усами, в иранском костюме, на фреске из Криша – бритая голова – возможно, показатель того, что данное лицо готовится принять монашеский обет – платье на нем широкое [АГ, рис. 427].

Две деревянные фигурки уйгурских всадников, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, имеют коротко подстриженные густые волосы, трактованные сплошной черной краской. На одной из росписей Кизила изображен персонаж в кафтане иранского типа с коротко подстриженными волосами [АГ, рис. 415].

На манихейских миниатюрах и росписях мы видим людей либо с волосами до плеч и короткими, ближневосточного типа бородами, либо с длинными волосами, возможно завязанными на затылке в узел, скрытый головным убо-

ром, похожим на китайскую чиновничью шапку [Лекок, 1908, табл. 1, 7д].

Иногда длинные волосы заплетались в большой узел на затылке, не китайского типа, а скорее похожий на прическу индийских отшельников, но в данном случае речь идет определенно о мирянах. На одной из фресок Безеклика изображен мужчина в пестром халате без пояса с небольшими усами и длинными волосами, собранными на затылке в большой пук, свободно перехваченный светлой перевязью [АГ, рис. 617]. На другой фреске из того же района подобная прическа украшает голову стрелка, натянувшего лук, — отсутствует только перевязь [АГ, рис. 628]. В росписях Сым-сыма у мужских фигур, в коротких халатах и обмотках, на голове или длинные волосы или большой узел волос, напоминающий женскую прическу.

Однако стриженые волосы или бритая голова, являющиеся не только национальным признаком, но и символом подданства, были, по-видимому, широко распространены в Центральной Азии. По свидетельству китайских источников, приведенному в широко известной книге Н.Я.Бичурина "Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена", "жители Кучи стригут волосы, чтобы выровнять макушку. Один государь не стрижет волос" [Бичурин, 1950, с. 296].

На прорисовках кучарских фресок, экспонируемых в отделе Центральной Азии в Государственном Эрмитаже, мы видим людей в кафтанах иранского типа, головы которых украшены странной прической: волосы на затылке и висках подстрижены, а на темени оставлены две большие пряди, расчесанные на прямой пробор. Точно такие же прически на росписях Кумтуры [АГ, рис. 15, 16, 93] и Кизила [АГ, рис. 415; Лекок, 1928, табл. 11, 30].

Как редкую форму мужской прически можно отметить у одного из персонажей на фресках Кизила длинные волосы, разделенные пробором и заплетенные в три соединенные между собой косы [АГ, рис. 415].

Очень своеобразна и, как мы увидим ниже, до некоторой степени близка прическе тангутов прическа, которую мы видим на головах многих обитателей Центральной Азии, так или иначе связанных с уйгурами.

На фресках Безеклика очень часто встречаются изображения кочевых племен, пришедших на поклонение святыням. Их волосы разделены на три части: большая часть ниспадает на спину, а две пряди свисают с висков, обрамляя лицо [АГ, рис. 543]. Иногда эти боковые пряди, в свою очередь, делятся на две, а пространство между ними и волосами, свисающими с затылка, кажется пробритым. В некоторых случаях на лбу изображенных персонажей оставлена подстриженная челка, трактованная отдельными мелкими прядями [АГ, рис. 275, 566, 567].

6-4 280

Все описанные образцы причесок свойственны, как было сказано выше, кочевникам. На одной из фресок Безеклика такая же прическа украшает голову слуги, расставляющего светильники [АГ, рис. 616]. Может быть, здесь изображен раб или наемник из кочевников.

В развалинах Шикшина сохранилось изображение человека в длинном халате, по-видимому представителя знати. Его волосы, так же как и у описанных выше кочевников, разделены на три части — одна часть волос свешивается на спину, а две другие обрамляют лицо. На лбу данного персонажа — короткая челка [АГ, рис. 464].

Подобные прически найдены и в других районах Центральной Азии [СЮ, табл. 14; Лекок, 1913, табл. 18, 21, 22, 28]. Часто пробритые места видны особенно ясно [Лекок, 1913, табл. 22].

Аннемари фон Габен, описывая одежду и обычаи уйгуров Ходжо, говорит: "... волосы знати висели отдельными прядями на спине; пробор был посередине или сбоку, если челка (дословно „бахрома") свешивалась на лоб" [Габен, 1963, с. 173].

Прически такого рода мы видим на фресках из Идикутшари — у музыкантов, сокольничих и людей у накрытого стола. Преобладают длинные волосы, падающие на спину, с пробором посередине. В двух случаях встречается челка, такая же, как у донаторов-кочевников [АГ, рис. 665, 666].

Кроме персонажей с пробритыми местами на голове встречаются фигуры людей с бритыми головами, на которых оставлены пряди волос.

На некоторых росписях Мирана изображены крылатые духи с лицами не монгольского, а скорее индоевропейского и семитского типов. Их головы начисто выбриты, но надо лбами и на висках оставлены пряди волос [Стейн, т. IV, табл. XL–XLI].

На двух фресках в Ходжо монах бреет голову человеку в доспехах; у него выбрито темя, но на лбу оставлен валик волос, заканчивающийся на висках длинными прядями или косами [Лекок, 1913, табл. 18, 19, 36]. У некоторых персонажей такие же пряди свисают из-под головного убора. На одной из росписей в Ходжо изображен человек в зеленом кафтане кочевничьего типа, с длинными волосами и выбритым теменем [там же, табл. 33].

В росписях гробниц киданьских императоров мы встречаем прическу, очень напоминающую только что описанную. Это — наголо обритая голова с оставленным надо лбом валиком волос, переходящих на висках в пряди или косы [Тамура, табл. 21, 24, 27, 31, 92–93]. Прическа такого рода украшает головы как знатных людей — вероятно, гвардейцев, — так и представителей народа — рыбака на одной из фресок [Тамура, табл. 24]. Авторы монографии

 о гробницах киданьских императоров называют эту при-

ческу k'un-fa (иероглифики не дано) [Тамура, примеч. к табл. 31]. Это очень напоминает китайское *куньфа* — "брить волосы" (КИУ, № 23).

Тангуты до образования империи Си Ся носили, по-видимому, длинные волосы, как многие современные нам тибетские кочевники. По преданию, легендарный родоначальник цянов, Угэцюаньцзянь, бывший некоторое время рабом в Китае, бежал и встретил по пути женщину с отрезанным носом. Стыдясь своего увечья, она распускала волосы и закрывала ими лицо. Угэцюаньцзянь женился на ней. В память своей прародительницы у цянов был введен обычай носить длинные распущенные волосы [ХХШ, цз. 116, с. 1076].

После воцарения Юаньхао был проведен ряд реформ, касающихся в частности, цвета одежды и формы причесок. Указом, изданным в 1033 г., всем тангутам предписывалось носить особую прическу, называемую *туфа*. По-китайски *туфа* — обычное обозначение для лысины или бритой головы (КИУ, № 22). Но иконографический материал как будто указывает на то, что речь идет не просто о бритье голов у тангутов.

В Дуньхуане обнаружено граффити, изображающее тангутов (о нем говорилось выше [Пеллио, т. VI, табл. CCCLVIII]). На их головах, плохо различимых, мы видим такую же прическу, как у персонажей на фресках в гробницах киданьских императоров — валик волос надо лбом и две пряди или косы на висках при наголо обритой голове. Точно такую же прическу носят земледелец и всадники на гравюре инв. № 8100 и слуга на упомянутой выше фреске из Юйлиньку. У двух слуг, стоящих рядом с троном императора на гравюре Танг. 286, инв. № 3861, голова обрита точно так же, а волосы оставлены лишь надо лбом и на висках.

На одной из икон, хранящейся в Государственном Эрмитаже, слуги, сопровождающие сановника, поклоняющегося явившемуся бодхисаттве Гуаньинь, имеют ту же прическу. Голова Духа из созвездия Большой Медведицы на иконе Эрмитажной коллекции коротко острижена, но на висках составлены две длинные косы.

По-видимому, эта прическа и есть *туфа*. Вероятнее всего, киданьская k'un-fa, упоминаемая Тамура и Кобаяси (см. выше), является такой же прической. Тождество киданьской и тангутской причесок, как показывает иконографический материал, несомненно.

Вероятно, вариант этой прически мы видим на гравюрах Танг. 320, инв. № 71 и 83 на головах ученика, слушающего чтение сутры, и послушника, стоящего перед монахом. У ученика густые волосы со слегка пробритым теменем, у послушника — бритая голова с прядями волос на висках, но не надо лбом.

Но на основе иконографического материала встает

вопрос, всегда ли и все ли тангуты носили эту прическу. На гравюре "с докшитом и драконом", иллюстрирующей многочисленные экземпляры Mahāprājñāparamitā, упавший человек в длинном халате с узкими рукавами имеет на голове густые волосы, кажется скрытые шапкой (рисунок неясен). Прически представителей знати всегда скрыты под шапками, так что судить о них трудно. На гравюре Танг. 376, инв. № 95 мы видим довольно длинные волосы, выбивающиеся из-под шапок и повязок у "мясников", а у Чжан Цзюйдао в сцене, где демоны влекут его на суд, — длинные волосы, заканчивающиеся пучком на затылке, за который его держит один из демонов — "стражей". Может быть, в последнем случае мы имеем перед собой попытку тангутского художника передать китайскую прическу, так как Чжан Цзюйдао — китаец.

Донаторы, изображенные на иконах из Государственного Эрмитажа, безусловно относящихся к периоду, далеко отстоящему от правления Юаньхао, носят совершенно другую прическу. Это либо волосы, разделенные на три части, из которых одна, бо́льшая, часть падает на спину, а две — это пряди, обрамляющие лицо (вспомним уйгурскую прическу), либо волосы, заплетенные в толстые узлы, лежащие на плечах (при этом на висках сохраняются две пряди). Ни о каких пробритых местах не может быть и речи.

На гравюре к сочинению под шифром Т-33, хранящемуся в Тангутском фонде, в числе других персонажей изображен человек в тангутском платье, на голове которого — та же прическа, что и у донаторов с икон, хранящихся в Эрмитаже. (Следует отметить, что рядом с ним — человек с прической *туфа*.)

Ту же прическу мы видим на росписи из гробницы "с деревянными панелями", где изображены слуги. У двоих из них густые бороды, и у всех без исключения — такая же прическа, как на эрмитажных иконах [Чэнь Бинъин, табл. 9]. Подобную прическу имеет конюший, ведущий в поводу коня, на росписи из той же гробницы [там же, табл. 8]. В том, что изображенные персонажи — тангуты, сомневаться не приходится.

Преобладание в памятниках тангутской иконографии прически второго типа и встречающиеся на одном и том же изображении обе прически (Т-33) заставляют предполагать, что если при Юаньхао *туфа* была обязательна для всех, то к XII в. ее носила только какая-то часть населения.

Все эти факты невольно наводят на мысль, что прическу *туфа* носили только простые люди и после правления Юаньхао этот обычай мало-помалу исчез (хотя свидетельств письменных источников об этом нет).

Головы трех слуг в свите чжурчжэньской принцессы
 обриты, но на висках оставлены длинные косы, гораздо

длиннее, чем у тангутской прически (при этом валик волос надо лбом отсутствует). Многие китайские источники упоминают о том, что чжурчжэни носили косы, но картина из Вэньу наглядно показывает сходство их прически с тангутской.

По наблюдению профессора В.С.Колоколова, многие старые дунгане и в нашем веке носили тангутскую прическу.

Нечто среднее между прической *туфа* и поздней тангутской прической мы видим на ранних изображениях монголов. На фресках Ходжо дважды встречаются персонажи в одежде, похожей на монгольскую. Их головы, прикрытые небольшими шапочками с отворотами, обриты, но на висках оставлены косы, заплетенные в узлы, а на лбу – небольшая челка [Лекок, 1913, табл. 12, 38Б].

В развалинах храма к северу от Турфана сохранились, как было сказано выше, изображения людей в монгольских одеждах. На них – высокие войлочные шапки, но места, видные из-под шапок, обриты, а на висках оставлены косы, заплетенные в узлы [АГ, рис. 478].

Рисунок на небольшом клочке бумаги, обнаруженный в поздних слоях Хара-хото и хранящийся в Государственном Эрмитаже, изображает человека с обритым лбом и оставленными на темени и висках длинными волосами, собранными в узлы. На лбу данного персонажа – небольшой клочок волос или челка. Место нахождения свидетельствует, что перед нами – рисунок уже монгольского времени.

Китайские рисунки периода правления династии Юань (1280–1367) дают нам ряд изображений представителей монгольской знати и правящих ханов. На портрете Хубилай-хана [Марко Поло, с. 104] мы видим волосы, свешивающиеся с висков, не то зачесанные в узлы, не то завитые (рисунок слишком стилизован). На другом портрете того же императора изображена уже упоминавшаяся выше прическа – косы на висках, собранные в узлы [Рубрук, табл. между с. 31 и 32]. В целом и прическа, и головной убор на данном портрете напоминают головные уборы и прически на фресках Ходжо. Наиболее законченный вариант данной прически дает нам портрет императора Чэн-Цзуна (1295–1307) [там же] – челка на лбу и две косы на висках, зачесанные в узлы. Судя по части головы, не скрытой головным убором, можно предполагать, что вся голова была обрита.

На одном из рисунков, дошедших до нас от эпохи Юань, изображены два знатных монгола. Их головы обриты, за исключением челки на лбу и волос на темени и висках, образующих косы, зачесанные в узел [Очерки, с. 367].

На иранских миниатюрах, изображающих представителей монгольской знати, видны волосы, падающие из-под шапок, похожих на шапки буддийского духовенства. Они

разделены на несколько частей. Две пряди на висках обрамляют лицо, а остальные волосы образуют как бы два валика или локона, падающие на плечи. Вероятно, перед нами — переосмысление иранскими художниками описанной выше монгольской прически [Рубрук, табл. между с. 160—161].

Женские прически, обозначенные в тангутских письменных памятниках термином "узел волос", представлены в иконографии Центральной Азии большим числом образцов.

На двух терракотовых штампованных статуэтках из Иотк?на, описанных Стейном [Стейн, т. I, с. 102], — женские прически двух различных типов. В одном случае волосы обрезаны надо лбом и ниспадают по плечам. Часть волос заплетена в небольшую косичку, обозначенную гравировкой. В другом варианте прически, венчающей голову женщины, которая сидит на корточках и держит ребенка, волосы собраны в большой чуб, перехваченный кольцом из бус. Чуб переходит в косичку, которая загибается к макушке головы. Щеки обрамлены короткими локонами.

На фресках Кумтуры мы видим гладкие, зачесанные назад длинные волосы [Лекок, 1928, рис. 21], иногда переходящие на темени в выступающие пучки, расчесанные на прямой пробор, как у мужчин [АГ, рис. 53]. На росписях Кизила встречаются или зачесанные назад волосы, иногда украшенные большим количеством драгоценностей [АГ, рис. 415], или такие же прически, как на фресках Кумтуры [АГ, рис. 415; Лекок, 1928, табл. 30].

На росписях Безеклика изображены женщины либо с высокими, богато украшенными прическами китайского типа [АГ, рис. 512, 513], либо с волосами, зачесанными двумя пучками [АГ, рис. 607],— тоже китайская прическа. На одной из росписей мы видим фигуру, судя по лицу, женскую, с волосами, коротко подстриженными или зачесанными в очень небольшой узел [АГ, рис. 616 — рисунок неясен]. Поскольку женщина подает светильник слуге, устанавливающему другие светильники на подставке, перед нами, очевидно, какая-то религиозная церемония (вероятно, подготовка к календарному празднику "дерево светильник"). В таком случае женщина может быть буддийской монахиней, которые, за редким исключением, стригли волосы.

На дуньхуанских росписях знатные женщины носят прическу в виде узла волос на затылке [Дх, табл. 18, пещера № 288; табл. 19, пещера № 249; табл. 22, пещера № 302, табл. 23, пещера № 390] или высокие и пышные прически (династии Тан и Сун [Дх, табл. 7, пещера №107; табл. 10, пещера № 196; табл. 12, пещера № 61; табл. 98, пещера № 98; табл. 14, пещера № 175]).

В одной из Дуньхуанских пещер сохранилась фреска, изображающая группу женщин с невысокими прическами;
 волосы перехвачены на затылке лентой в узел, а у неко-

торых повязаны материей [Пеллио, т. V, табл. CCLXIX]; см. раздел о женских украшениях и головных уборах.

Прически тангутских женщин описаны в разделе "Головные уборы". Известны как гладко зачесанные волосы, так и высокие прически (гравюра Танг. 376, инв. № 95, сцены заклинания и представления грешников на "загробный" суд).

На гравюре инв. № 8349 у одной из прислужниц, стоящих за троном императора, волосы также зачесаны в высокий узел. О странной прическе – длинных волосах на голове духовного лица, возможно императрицы Ло, принявшей монашество, – говорилось в разделе "Одежда духовенства".

Письменные памятники почти ничего не говорят о растительности на лице тангутов и представителей других народов Центральной Азии. В данном случае приходится полагаться в основном на изобразительный материал.

У некоторых персонажей миранских фресок иногда мы видим небольшие усы [Стейн, т. IV, табл. XLIII; XLIV]. Как было сказано выше, изображенные на них люди индоевропейского или семитского антропологического типа.

Представители уйгурской знати часто носили бороды, обычно не очень длинные, идущие от висков вдоль щек. На фресках Идикутшари мы видим бородки и тонкие усы, похожие на китайские [АГ, рис. 664–666].

Персонажи фресок в гробницах киданьских императоров в подавляющем большинстве имеют редкие усы и бороды. В "Книге Марко Поло" тангуты описаны как смуглые безбородые люди [Марко Поло, с. 93].

Иконографический материал показывает, что в государстве Си Ся существовало бок о бок два антропологических типа – близкий к современному монгольскому и специфический, имеющий некоторое сходство с типом современных обитателей Тибета [Терентьев, 1975, с. 215–217]. На гравюре инв. № 8349 император и большая часть его свиты носят небольшие бороды, подстриженные по-китайски.

Н.М.Пржевальский среди жителей Кукунора отмечал тех, кто, как предполагают, вобрали в себя значительное количество тангутской крови; это смуглый высокорослый тип с сильной растительностью на лице [Пржевальский, с. 221]. Следует отметить, что на гравюре Танг. 286, инв. № 3861 и император, и его свита имеют бритые лица, так же, как и чиновники на фреске из Юйлиньку.

Среди придворных на картине, изображающей чжурчжэньскую принцессу со свитой, двое имеют густые длинные бороды и висячие усы, один – короткую бороду, остальные бритые.

Один из персонажей на фреске из храма к северу от Турфана имеет небольшие щетинистые усы [АГ, рис. 478].

Монгольские ханы, как правило, носили бороды и усы. На одном из портретов Хубилай-хана мы видим бороду, расчесанную на две стороны [Рубрук, табл. между с. 31 и 32]. На портрете Угэдэй-хана [там же] конец длинной узкой бороды (возможно, удлиненной вплетенным в нее конским волосом) закинут за ухо. Знатные монголы изображались большей частью с бритыми лицами.

Глава вторая

ОРУЖИЕ

1. Военное дело в государстве тангутов

Важным элементом бытовой культуры любого древнего народа является оружие. Тангутское государство, выросшее в боях с более мощными соседями и само неоднократно совершавшее нападения на сопредельные народы, уделяло военному делу большое внимание. Тангутская армия, если верить китайским источникам, достигала численности 500 тысяч человек [СШ, цз. 486, с. 22Б].

Тангутские письменные памятники сохранили некоторое количество общих терминов, относящихся к военному делу.

Два знака (ТИУ, № 290, 291) передают понятие "солдат". Первый из них переводится также словом "армия". Большая часть элементов, составляющих оба знака, пока не поддается истолкованию. В первый иероглиф входит элементарный знак "человек".

Основную ударную силу тангутского войска, как и армий большинства полукочевых народов, составляла конница [Бичурин, 1833, с. 51, 74, 119]. В письменных памятниках встречаются слова "всадник", "кавалерист" (ТИУ, № 289). Знак, обозначающий данное понятие, в высшей степени изобразителен. В его состав входят элементарные знаки "копытное животное, лошадь" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.; с. 130–131, табл.] и "человек". Среди иллюстраций к сутре о Гуаньинь (Танг. 219, инв. № 586) есть изображение всадника в доспехах. Подробно о вооружении конницы будет сказано ниже.

В тангутских письменных памятниках сохранился знак, переводимый словом "лагерь" (ТИУ, № 288). В состав иероглифа входят знаки "верх" [Кычанов, 1964, с. 137] и "характер человека" [Кычанов, 1962, с. 127–128, табл.].

Военные чины тангутской армии перечислены в памятниках законодательства государства Си Ся [Кодекс, т. II, с. 111–120]. Поэтому мы не останавливаемся на этом подробно. Заслуживает упоминания, однако, тот факт, что в китайском тексте на обороте одной из тангутских рукописей (инв. № 4484) упоминается чин *моукэ* – чжурчжэньское слово "сотник" (КИУ, № 19). Вряд ли чжурчжэни взяли этот чин от тангутов, так как в соответствующих разделах тангутских законов такого чина нет. Рукопись эта

датируется XIV в. Таким образом, чин *моукэ* надолго пережил государство чжурчжэней.

2. Средства защиты

В тангутских источниках сохранилось три единичных знака (ТИУ, № 292–294) и два бинома (ТИУ, № 295, 296), обозначающие средства защиты. Один из знаков (ТИУ, № 294) находится под детерминативом "металл" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.; с. 130–131, табл.]. Н.А.Невский переводит этот знак словами "доспех", "броня" [Невский, т. II, с. 534].

Очень интересен бином (ТИУ, № 295), поясняющий в словаре Н.А.Невского отмеченный знак. Он состоит из данного знака и знака "кожа". Дословный его перевод – "чешуя". Как мы увидим ниже, эта трактовка теснейшим образом связана с формой центральноазиатских доспехов и материалом, из которого они изготовлялись.

Второй бином (ТИУ, № 296), переводимый словами "латы", "доспехи", также указывает на материал, из которого делались средства защиты. В состав первого знака, составляющего бином, входят элементарный знак (в данном случае, может быть, детерминатив) "кожа", знаки "верх" и "корова" ([Кычанов, 1964, с. 136; 1961, с.242]; ср. КИУ, 2).

Весь знак в целом, видимо, обозначает нечто, сделанное из кожи животного (коровы? вола?) и надеваемое сверху. Второй знак состоит из иероглифа "одежда" (ТИУ, № 67) под горизонтальной чертой с крючкообразным элементом. Смысл бинома в целом не оставляет сомнений – это описание одежды из кожи, составляющей защитное снаряжение. Такие кожаные панцири были широко распространены по всей Евразии, от Японии до средневековой Европы.

Доспехи

Обратимся теперь к источникам и иконографическому материалу, позволяющим проследить развитие формы доспехов в странах Центральной Азии с весьма отдаленных времен.

Парфяне и персы эпохи Сасанидов широко использовали чешуйчатую металлическую броню [Готтенрот, с. 136].

Хотя проблемы культуры кушанской эпохи составляют комплекс вопросов, заслуживающий специального изучения, в данном случае можно рискнуть привлечь изобразительный материал, сохранившийся от этой эпохи. На реконструкции вооружения кушанских воинов в книге Б.Г.Гафу-

рова "Таджики", сделанной по скульптурам и изображениям на монетах, мы видим панцирь, состоящий из широких пластин, нашитых на кожу, с бронированным воротником, защищавшим шею [Гафуров, табл. между с. 152 и 153]. Руки воина от плеча до кисти были закрыты кожаными рукавами с нашитыми на них рядами широких металлических пластинок. Панцирь и рукава составляли единое целое — своего рода бронированную куртку, которая скреплялась на левом боку завязками. Снаряжение кушанских царей, восстановленное по изображениям на монетах, состояло из такого же панциря с рукавами, только более длинного и с более мелкими пластинками или чешуйками, и металлических пластинчатых поножей, иногда составлявших одно целое с бронированными пластинчатыми сапогами [Гафуров, табл. между с. 152 и 153].

Следует обратить особое внимание на доспехи тяжелой конницы, покрывавшие и всадника, и коня. Такое снаряжение в виде чешуйчатой брони употреблялось сарматами, парфянами и персами [Готтенрот, с. 136]. Известны описания конских доспехов, состоящих из грудных и ножных лат или пластинчатой брони, защищавшей голову или шею и грудь лошади и свешивающейся до колен [там же, с. 135]. До нашего времени дошел высеченный на скале рельеф, изображающий сасанидского царя, одетого в кольчугу или мелкопластинчатый панцирь, с лицом, закрытым кольчужным забралом, сидящего на лошади, голова и грудь которой защищены пластинчатым панцирем, свешивающимся ниже колен передних ног [там же, табл. 77, рис. 3]. На рисунках в книге Б.Г.Гафурова, изображающих кушанских воинов, можно видеть броню для лошади, состоящую из чешуйчатой маски, защищающей ее морду от переносицы до ушей, и пластинчатой панцирной попоны. Такие кавалеристы, позднее вошедшие в римскую армию под названием катафрактов, имеют прямое сходство с тяжелой тангутской конницей.

В той же книге Б.Г.Гафурова мы видим реконструкцию снаряжения согдийских воинов (материалы те же — фрески, скульптуры). Здесь налицо длинный мелкопластинчатый панцирь, покрытый сверху длинным кожаным кафтаном, панцирь из более крупных пластин, нашитых на кожу, — судя по цвету, железных и медных, чередующихся через ряд, — и тяжелый панцирь из крупных пластин, закрывающих тело, руки и ноги воина (бронированные поножи и сапоги), очень похожий на панцири кушанских воинов. Панцири имеют сплошные поножи с завязками — кожаные или медные [Гафуров, табл. между с. 246 и 247].

В Карашаре обнаружено скульптурное изображение воина в длинном пластинчатом панцире, имеющем застежки посередине, — вероятно, он одевался как халат. Панцирь имел нечто вроде высокого воротника. В целом воин из Карашара напоминает согдийских воинов [Стейн, т. IV, табл. CXXXV].

7 280

На росписях Кумтуры мы видим два типа панциря. На одной из фресок — фигура, сидящая на слоне; на ней доспехи с верхним кольчужным нагрудником, сплошным панцирем, наплечниками в косую клетку (пластинчатыми или стегаными кожаными?) и гладкими поручами; ноги — в панцирных сапогах. На другой фреске — фигура в панцире из круглых пластинок [АГ, рис. 46, 47].

Наряду с этим, уже знакомым нам, снаряжением в росписях Кумтуры встречается и другой тип панциря. Это — панцирь из широких полос, с наплечниками и набедренниками, напоминающими аналогичные детали в средствах защиты японских воинов позднего средневековья. Лошадь, изображенная на той же фреске, также покрыта панцирем из широких полос [Лекок, 1928, с. 37, 38 и табл. 137]. Форма панциря подсказывает и материал, из которого он сделан, — по-видимому, это кожа.

Росписи Кизила дают нам образцы своего рода "комбинированных", кожано-металлических доспехов. На одной из фресок мы видим воинов на слонах и конях. Изображенные персонажи одеты в гладкие панцири с воротниками, подобными описанным выше воротникам кафтанов иранского типа. К панцирям приданы наплечники, напоминающие скорее широкие рукава, и длинные набедренники из полос, доходящие почти до щиколотки. В одном случае набедренники заканчиваются бахромой.

На плечи и верхнюю часть груди этих панцирей, явно кожаных, нашиты рядами круглые металлические бляхи. В одном случае панцирь сплошь покрыт металлической чешуей, на одной из полос набедренника — ряд металлических пластинок, в двух других случаях на ногах воинов — панцирные сапоги [АГ, рис. 117].

Воины почти в таких же панцирях изображены и еще на одной фреске из Кизила. У некоторых из них металлические бляхи нашиты на груди и плечах, у других — на торсе. В трех случаях руки воинов от плеч до локтей покрыты защитными прикрытиями из полос — нечто вроде "бронированных" рукавов кушанских панцирей, а ноги защищены набедренниками с нашитыми на них металлическими пластинками [АГ, рис. 356].

Доспехи персонажа на одной из росписей Кизила заслуживают особого внимания. Мы видим панцирь уже описанного типа со стоячим воротником, как на кафтане иранского типа, и нашитыми на груди мелкими металлическими пластинками. Панцирь крест-накрест пересекают два ремня с большими застежками (?) на плечах и круглой бляхой посередине. Плечи и руки защищены стегаными кожаными наплечниками и поручами. От пояса до колен идут длинные широкие набедренники, сплошь покрытые рядами мелких металлических пластинок. На ногах — панцирные сапоги. Голову воина венчает своеобразная диадема
 или стилизованная войлочная шапка [АГ, рис. 287].

На фресках Шикшина мы видим оба типа доспехов. Тело всадника на одной из росписей защищено плотно облегающими доспехами из чередующихся темных и светлых полос — несомненно кожаных. Руки от плеча до локтей скрыты узкими наплечниками из полос, а от локтей до кистей — гладкими поручами. Набедренники из полос доходят до щиколотки [Лекок, 1928, рис. 31].

Наряду с кожаными доспехами на фресках Шикшина встречаются и пластинчатые металлические. На одной из фресок [АГ, рис. 451] сохранилось изображение двух воинов в панцирях, застегивающихся посередине и состоящих из рядов металлических пластинок. Плечи защищены узкими пластинчатыми наплечниками. Поручи — из полос (кожаных? металлических?).

В том же Шикшине обнаружена фреска с изображением поверженной фигуры в доспехах, сплошь состоящих из рядов металлических пластинок — ими покрыт и панцирь, и узкие наплечники от плеча до локтя, и длинные, ниже колен, набедренники. Локти защищены чашеобразными орнаментированными налокотниками. На ногах панцирные (или узорные кожаные — рисунок неясен) сапоги. На голове — небольшая шапочка или шишак поверх длинных волос [АГ, рис. 456].

В Безеклике мы также сталкиваемся и с кожаными, и с металлическими доспехами, однако последние преобладают.

На одной из фресок человек в китайской шапке стоит в молитвенной позе перед двумя огромными фигурами воинов в панцирях из полос. Набедренники, доходящие до пят, заканчиваются бахромой, как и наплечники. Последние кажутся непосредственно соединенными с бармицами шлемов, также состоящими из полос [АГ, рис. 456] (о шлемах будет сказано ниже).

На другой фреске изображен всадник в доспехах, состоящих из рядов металлических пластинок. Набедренники, доходящие до пят, украшены бахромой. Наплечники, наоборот, заканчиваются чем-то вроде остроконечных фестонов. Руки от локтя до кисти защищены небольшими лопастями, отходящими от поручей [АГ, рис. 513]. Один из сопровождающих всадника персонажей — пеший воин в наплечниках с широкой бахромой или гофрированной каймой (фигура сохранилась плохо).

На фреске с большим количеством фигур центральное место занимает персонаж в доспехах. Панцирь состоит из двух широких пластин, закрывающих грудь: части, состоящей из своеобразных трехконечных пластинок, защищающей торс (как в китайских доспехах), и полукруглой пластины с гофрированной полосой сверху на животе. Наплечники составлены из узких полос (кожаных или металлических — неясно), заканчиваются головами химер и бахромой или гофрированной оборкой. Поручи сплошные, бога-

7-2 280

то орнаментированные. Набедренники состоят из рядов пластинок, кончаются выше колен и украшены бахромой. На ногах – орнаментированные поножи с головами химер, также украшенные бахромой [АГ, рис. 512].

Большое сходство с китайскими доспехами чувствуется также в снаряжении воина на одной из росписей в том же Безеклике. Панцирь его кажется гладким, – впрочем, в этом месте рисунок попорчен. Наплечники, украшенные по краям зубцами, состоят из полос. На животе – продолговатая пластинка, как бы скрепляющая панцирь с набедренниками. Набедренники состоят из рядов пластинок. На ногах – подвязанные под коленями завязками черные сапоги (вероятно, кожаные). Поручи сплошные, с простым орнаментом [АГ, рис. 628].

На фреске из Криша мы видим фигуру в панцире, состоящем из трех больших пластин. Наплечники – из полос, перевязанные посередине лентами. Изображение набедренников сильно попорчено, так что судить об их форме нельзя. На ногах – поножи, покрытые ромбическим орнаментом (стеганые?) и прикрепленные ремнями. На голове – войлочная шапка, под которой длинные волосы [АГ, рис. 495].

На манихейских миниатюрах, опубликованных Лекоком, встречаются фрагменты фигур воинов в пластинчатых доспехах. Ряды пластинок то синего, то золотого цвета (может быть, намек на то, что часть пластинок – стальные, а часть – бронзовые или медные [Лекок, 1928, табл. 8[а]]).

Среди других изображений, обнаруженных в Центральной Азии, зафиксированы или китайские доспехи [Лекок, 1922–1928, табл. 18], или доспехи смешанного полукитайского, полуиранского типа [Лекок, 1922–1928, табл. 19]. На фресках Ходжо преобладают пластинчатые и чешуйчатые панцири с бахромой [Лекок, 1913, табл. 18, 19, 21, 22]. Они окрашены в цвета, неестественные для металла.

В Дуньхуане обнаружено изображение воина в узких пластинчатых доспехах, похожих на иранские [Стейн, т. IV, табл. LXXV]. В Китае пластинчатые и чешуйчатые доспехи известны с VII в. н.э. Первая кольчуга была прислана в дар из Самарканда в VIII в. [Шефер, с. 334].

Как было сказано выше, в одном из тангутских знаков, переводимых как "доспех", присутствует элемент "кожа". Действительно, на тангутских военных чиновниках мы видим надетые поверх халатов набедренники китайского типа. Этот элемент одежды фигурирует и на фреске в Юйлиньку, и на гравюре Танг. 286, инв. № 3861. Интересно, что на данной гравюре набедренники носит даже император. По-видимому, такие набедренники делались из кожи.

В памятниках тангутской иконографии встречаются и изображения доспехов китайского типа, но состоящих не из пластинок, а из полос (Танг. 164, инв. № 6236).

Однако, судя по данным источников и иконографическому материалу, большая часть доспехов тангутских воинов была металлической. В "Си Ся цзи" прямо говорится: "... доспехи тангуты приготовляли способом холодной ковки" [ССЦ, цз. 7, с. 243]. Наиболее типичным образцом тангутских металлических доспехов представляется вооружение воинов и докшита в известной гравюре "Докшит с драконом". Воины по бокам Будды из левой части гравюры видны не полностью — их заслоняют фигуры архатов. Но все же можно явственно разглядеть части пластинчатых доспехов и наплечников китайского типа.

Доспехи докшита изображены достаточно ясно. К ним относится панцирь, квадратный элемент, соединяющий панцирь с набедренниками, набедренники, наплечники, поручи и поножи. Все элементы доспехов состоят из рядов металлических пластинок. Ноги докшита помимо пластинчатых ножей обуты в панцирные сапоги. Поножи, квадратный элемент и наплечники (последние частично — рисунок неясен) заканчиваются бахромой. Набедренники бахромы не имеют. Из-под наплечников выбиваются длинные рукава нижнего одеяния. Набедренники не доходят до колен, так что видны полы нижней одежды с черной каймой и штаны, перевязанные под коленями, как у китайцев. В целом доспехи, при наличии значительного сходства с китайскими, отличаются от последних формой наплечников — они более узкие, чем китайские. Есть известное сходство с доспехами воинов, изображенных на фресках Ходжо.

Похожие доспехи мы видим на персонажах в свите Будды на гравюре Танг. 165, инв. № 150. Элемент, соединяющий панцирь и набедренники, обычно изображаемый квадратным, здесь дан в форме овала. Набедренники, панцирь и соединяющий элемент состоят из рядов пластинок. Все элементы доспехов, кроме поручей, заканчиваются бахромой (поножи не видны).

У "духа-хранителя" с наколкой на голове (Танг.164, инв. № 47) — чешуйчатый панцирь. Наплечники украшены головами хищников (львов?) и фестонами. На ногах — поножи с бахромой. Из-под доспехов видны рукава и полы нижней одежды и штаны, подвязанные под коленями.

На гравюре инв. № 8349 воины, стоящие за креслом духовного лица, имеют странные "полупанцири" — овальные орнаментированные нагрудники, укрепленные ремнями на плечах. Наплечников и поручей нет (ног не видно, так что о набедренниках и поножах судить невозможно).

На иллюстрации к "Восхождению бодхисаттвы Майтрейи для рождения на небе Тушита" изображены воины в пластинчатых, чешуйчатых доспехах и доспехах из полос (кожаных?).

Одним из наиболее сильных подразделений тангутской армии являлась тяжеловооруженная конница, носящая название "железные ястребы" [Бичурин, 1833, с. 74]. Воинов этого отряда прикрепляли к седлу с помощью веревок

и крюков, чтобы они даже мертвые не нарушали строя. Этот факт, а также название косвенно говорит о доспехах, в которые были одеты "железные ястребы". По-видимому, их доспехи были того же типа, что и доспехи ближневосточных и центральноазиатских катафрактов, описанные выше. Данные иконографии позволяют нам с достаточной полнотой представить внешний вид "железных ястребов".

Существует описание вооружения императора Лян-цзо – серебряные доспехи и "валяная" (вероятно, войлочная) шляпа [Бичурин, 1833, с. 57]. В этом описании нельзя не узнать одежду и вооружение знакомой нам фигуры с фрески Криша.

Тибет, сохранивший почти в неприкосновенности, как было сказано выше, многие элементы культуры древней и средневековой Центральной Азии, донес до наших дней и тип воинских доспехов, вполне отвечающий тому, который был только что описан на основании словарных данных и иконографического материала тангутов и соседних с ними народностей. В одной из книг Альберта Лекока приведена фотография пластинчатого панциря, полностью аналогичного тому типу, который мы встречаем на фресках [Лекок, 1928, табл. 45]. Августин Уоддель дает в своей книге о Британской миссии в Тибете две фотографии тяжеловооруженных тибетцев. На одной из них засняты два тибетских пехотинца в пластинчатых панцирях [Уоддель, с. 133]; на другой – тибетский кавалерист в панцире, верхом на лошади, голова и грудь которой защищены броней,– почти полная аналогия с катафрактами и, возможно, "железными ястребами" [там же, с. 129].

В известной книге Цыбикова дана фотография тибетского пехотинца в длинном, ниже колен, пластинчатом панцире, составляющем единое целое с наплечниками, доходящими до локтей, с открытым (как на центральноазиатских фресках) воротником [Цыбиков, с. 129]. В целом доспехи чрезвычайно похожи на вооружение двух воинов на одной из фресок Кумтуры. Там же дано отдельное изображение такого панциря. Пластинки, составляющие его, посажены тесными рядами [там же, с. 211]. В тексте автор упоминает "чешуйчатые" панцири как у пехоты, так и у конницы.

На одной из цзиньских гравюр, обнаруженной в Хара-хото и хранящейся в Государственном Эрмитаже (работа мастера Сюя из Пинъянфу), изображен бог войны Гуаньди, окруженный воинами. У всех изображенных персонажей на ногах – полосатые чулки и башмаки, как у тангутов. Тело Гуаньди защищает богато украшенный панцирь китайского типа (кое-где видны ряды пластинок). На одном из воинов, очевидно военачальнике, такие же доспехи. У воина низшего ранга – короткий пластинчатый панцирь [Рудова, с. 47–48].

Шлем

В тангутских словарях не сохранилось ни одного знака, обозначающего шлем. В данном случае могут помочь только иконографический материал и скудные данные исторических хроник.

Поскольку в культуре стран Центральной Азии наблюдается два сильных влияния — иранское и китайское — здесь представляется целесообразным начать рассмотрение вопроса с данных о культуре этих двух больших историко-культурных областей.

Древних изображений китайских шлемов до нас практически не дошло. В словаре "Цыхай" ("Цыхай", ключ 冂 , 7 черт) соответствующий раздел иллюстрирует рисунок, относящийся несомненно к средневековью, даже, вероятнее всего, к позднему. Само слово шлем — *чжоу* (КИУ, № 5) переводится дословно как "шишак". На рисунке мы видим сложный шлем с шишкообразным навершием, пластинками, защищающими виски и уши, завязками и назатыльником, покрытым рядами металлических пластинок, нашитых, вероятно, на кожу (назатыльник оторочен мехом).

В вооружение парфян и персов входили в качестве защиты для головы кожаные колпаки или шлемы. Сасанидский шлем имел обычную форму колокола и был украшен шишковидным навершием [Готтенрот, с. 135, 136]. На рельефе, изображающем катафракта, мы видим любопытное соединение шишака с короной и кольчужным забралом [там же, табл. 77, рис. 3]. Были и другие формы шлема, о которых пойдет речь в разделе о вооружении согдийских воинов.

Голову тяжеловооруженного кушанского всадника на рисунке в книге Б.Г.Гафурова защищает металлический шлем с козырьком, пластинками, закрывающими уши, и небольшим гребнем, идущим ото лба до затылка [Гафуров, табл. между с. 152 и 153]. На головах кушанских царей, чье боевое облачение воспроизведено в той же книге [там же, табл. между с. 246 и 247], — остроконечные шлемы с круглыми навершиями, покрытые рядами крупных блях или пластинками в форме чешуек. Такие же пластинки покрывают и назатыльники. Такая форма подсказывает и материал — вероятно, шлем был кожаный с нашитыми на нем металлическими пластинками.

Согдийские воины VI–VIII вв. [там же] носили яйцевидные кожаные (?) шишаки с нашитыми на них металлическими чешуйками, круглые шлемы с острием, наборными пластинками для защиты ушей и кольчужной бармицей и специфической формы шлемы, состоящие из остроконечной центральной части с круглым навершием и двух боковых остроконечных частей почти такой же высоты. Все три части были склепаны из вертикально расположенных больших металлических пластин. Шлем был снабжен кольчужной бармицей.

На фреске из Кумтуры, изображающей воина в доспехах из кожаных полос (см. выше), на голове изображенного персонажа — шлем, также состоящий из полос, с наушниками и продольной полосой, очевидно скрепляющей составляющие шлем части.

На фресках из Кизила (см. выше) мы видим колоколообразные шлемы с шишковидными навершиями и назатыльниками (или бармицами), очевидно кожаными, закрывающими шею, виски, уши и затылок. У некоторых шлемов от висков отходят украшения в виде небольших крылообразных элементов, характерных для поздних китайских шлемов (невольно возникает вопрос: кто первый ввел такую форму шлема?). Там же мы видим высокие шлемы, склепанные из вертикально стоящих полос, с кожаными назатыльниками, иногда покрытыми круглыми металлическими бляхами. Такие шлемы увенчаны остриями с плюмажами или лентами на концах.

На скульптурных изображениях воинов из Карашара (см. выше) встречаются шлемы с полосой, защищающей нос, — редкая для того времени деталь. На фреске из того же района [Лекок, 1928, рис. 29] на голове у воина в узком панцире из кожаных полос — низкий круглый шлем, вероятно кожаный, с широким (металлическим?) ободом и двумя пересекающимися полосами, идущими от уха к уху и ото лба к затылку. Уши и виски защищены черными наушниками с белой каймой.

На одной из фресок Кизила [Лекок, 1928, рис. 29, 30] мы видим голову воина в шлеме с шишковидным навершием, назатыльником и отходящими от висков крылообразными элементами. В целом шлем очень напоминает поздние китайские шлемы.

На росписях из Шикшина встречаются два типа шлемов. На голове воина в доспехах из полос — низкий круглый шлем, очень похожий на шлем воина на фреске из Карашара, но с небольшим круглым навершием. На другой росписи [АГ, рис. 451] у воинов в пластинчатых доспехах мы видим кажущиеся набранными из отдельных металлических частей круглые шлемы с удлиненными навершиями, заканчивающимися грибообразным расширением. Шлемы снабжены пластинчатыми бармицами, которые закрывают шею не только сзади и с боков, но и спереди.

На фресках Безеклика встречаются яйцевидные шлемы с остроконечными навершиями и пластинчатыми бармицами (один из них снабжен на висках крылообразными элементами) и шлемы, вполне совпадающие с китайскими и тангутскими (один из них — с характерным отвернутым кверху кожаным назатыльником и небольшим султаном).

На миниатюре, иллюстрирующей манихейскую рукопись, найденную А.Лекоком [Лекок, 1908, табл.8], изображены головы воинов в позолоченных шишаках с голубыми (стальными?) бармицами.

В Ходжо обнаружены изображения воинов в шлемах с отогнутыми кверху назатыльниками и небольшими султанами, точно такие же, как мы встречали на росписях Безеклика, китайских и тангутских рисунках [Лекок, 1913, табл. 33], а также очень интересный образец шлема с колоколообразным забралом из кожаных полос, с небольшими отверстиями для глаз [там же, табл. 47]. Сам шлем на рисунке окрашен в красный цвет (кожа или медь?).

На одной из фресок Дуньхуана [Стейн, т. IV, табл. LXXV] изображен воин в узких пластинчатых доспехах и пластинчатом шлеме.

Судя по сообщениям китайских источников, переведенных Н.Я.Бичуриным и Е.И.Кычановым [Бичурин, 1833, с.47; Кычанов, 1959, с. 113], тангутские военные чиновники носили, в зависимости от ранга, позолоченные шлемы с украшением в виде "облака", посеребренные с золотой инкрустацией (насечкой?) или кожаные покрытые черным лаком.

Загадочное украшение в виде "облака" долгое время оставалось неясным для тангутоведов. Только внимательное исследование гравюр (Танг. 286, инв. № 3861, 8100) и фрески на Юйлиньку окончательно прояснило вопрос.

На гравюре Танг. 286, инв. № 3861 мы видим на головах военных чиновников — их можно отличить по набедренникам — сложные головные уборы, украшенные подобием гребней и завитками, напоминающие стилизованное китайское изображение облаков, и длинными и широкими черными завязками или лентами, спускающимися на спину. Такие же головные уборы, с еще более четко выраженным узором в форме облака, украшают головы фигур в набедренниках на гравюре инв. № 8100. На фреске из Юйлиньку на головах двух первых чиновников, также в набедренниках, шапки или шлемы с подобием гребня, небольшими, направленными вперед лопастями, узором (здесь фреска попорчена) и длинными лентами, опускающимися на спину.

На иконе, значащейся в книге С.Ф.Ольденбурга под № 86 [Ольденбург, с. 67], изображен донатор в одежде, которую сам С.Ф.Ольденбург условно считал уйгурской. Но достаточно сравнить ее с одеяниями персонажей на гравюре Танг. 286, инв. № 3861, чтобы убедиться, что изображенное лицо — тангутский военный чиновник высшего ранга. Икона дает представление о цвете костюма — золотой шлем с "облаками", желтый набедренник, красный халат с узкими рукавами.

Ши Цзиньбо, внимательно изучивший фреску из Юйлиньку, прямо говорит о золотых резных шапках и красно-бордовых халатах [Ши Цзиньбо, с. 205].

Такой же костюм мы встречаем несколько раз на каменных статуях данников, образующих "дорогу духов" в погребальном комплексе гробниц сунских императоров [Палудан, рис. 7, 9, 17, 18]. Налицо резной "шлем с об-

лаками", длинный прямой халат и пояс с концами, висящими до земли.

По-видимому, только что описанный головной убор составлял часть парадной формы и во время битв не надевался. Во всяком случае, на головах вооруженных фигур мы видим шлемы другой формы.

На гравюре Танг. 165, инв. № 150 в свите Будды присутствуют два персонажа в шлемах. Один из шлемов — с круглым верхом, крылообразными элементами около ушей и небольшим султаном. Другой — пластинчатый, с отвернутым кверху широким назатыльником, также украшенный султаном. Оба шлема имеют аналогию в китайской и, как явствует из приведенного выше материала, центральноазиатской иконографии.

Очень похожие шлемы мы видим на головах воинов в свите Будды на гравюрах, иллюстрирующих сутру "Созерцание наивысшего рождения бодхисаттвы Майтрейи в небесах Тушита" (Танг. 320, инв. № 71, 83). Один из шлемов — с отвернутым кверху назатыльником, с султаном, украшенный круглыми розетками или бляхами. Другой — также с султаном и крылообразными элементами около ушей.

Характер изображения шлемов в какой-то мере позволяет судить о материале, из которого они были сделаны. Шишак был, по-видимому, металлическим (кстати, о металлических парадных шлемах говорят и китайские источники). Назатыльник, несомненно, кожаный, с нашитыми на него металлическими пластинками.

На фотографиях в книге А.Уодделя мы видим пластинчатые (? — снимок неясен) шлемы с бармицами у пехотинцев и сплошной шлем с острием у кавалериста.

В книге Г.Ц.Цыбикова [Цыбиков, с. 212] помещена фотография старинного железного шлема. Он состоит из нескольких больших, вертикально поставленных пластин, скрепленных у основания продетой в отверстия снизу проволокой или ремнем, с навершием и трубкой для пучка перьев. К шлему прикреплена кожаная или матерчатая бармица с узорами. В целом шлем очень напоминает шлемы на фресках Кизила.

На упоминавшейся выше фотографии тибетского пехотинца в доспехах, помещенной в той же книге, мы видим яйцеобразный шишак с острым навершием и с бармицей.

На голове одного из воинов, окружающих Гуаньди на гравюре, описанной М.Л.Рудовой [Рудова, с. 47], — богато украшенный шлем, похожий на тангутский парадный шлем с украшением в виде "облака".

Хранящийся в Государственном Эрмитаже парадный шлем из прорезного железа, доставленный из Центральной Индии, несколько напоминает шлемы тангутских военных чиновников и отчасти головные уборы кочевников на центральноазиатских фресках. Хотя экспонат относится ко

второй половине XVII в., не исключено, что такая форма могла существовать и раньше.

Щит

В тангутских письменных источниках в качестве защитного вооружения ни разу не упоминается щит. Отсутствует он и в памятниках тангутской иконографии. Между тем этот вид вооружения был известен в Центральной Азии и примыкающих к ней странах. Персидские и парфянские воины имели щиты [Готтенрот, с. 155]. Об их форме можно судить по упоминавшемуся выше изображению катафракта, который вооружен небольшим круглым щитом. На скульптурном изображении воина из Карашара мы видим круглый щит, похожий на иранский.

Своеобразная разновидность щита продолговатой формы, защищающего спину, дана на одной из фресок Кумтуры у воинов, одетых в доспехи иранского типа и сидящих на слонах [АГ, рис. 46, 47].

У всадника в доспехах из кожаных полос на росписи из Шикшина за спиной — большой круглый щит. На другой фреске из Шикшина у одного из воинов в пластинчатых доспехах также круглый щит, прикрепленный за спиной и богато орнаментированный.

На одной из фресок Дуньхуана [Стейн, т. IV, табл. LXXV] изображен воин в пластинчатых доспехах, с продолговатым щитом сложной формы, отдаленно напоминающим один из щитов, принятых в средневековой европейской геральдике (так называемый итальянский).

На упоминавшейся выше фотографии из книги А.Уодделя пехотинцы — в пластинчатых доспехах с большими круглыми щитами, имеющими узор в виде концентрических кругов или спирали (возможно, плетеные щиты). Альберт Лекок, приводя фотографию такого же щита [Лекок, 1925, фиг. 127, 131], сравнивает его со щитами древних иранских воинов.

У одного из воинов в свите Гуаньди на чжурчжэньской гравюре, хранящейся в Государственном Эрмитаже, за спиной — круглый щит с изображением дракона.

Таким образом, мы видим, что щит в качестве защитного вооружения широко использовался в странах Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. Поэтому странно, что соответствующего термина нет в тангутских словарях, тем более что щиты употреблялись тибетцами, наиболее близкими к тангутам, как было сказано выше, в антропологическом, языковом и этнографическом отношении, и чжурчжэнями, многое перенявшими от тангутов.

Находки китайских археологов последних лет ввели в научный оборот новые данные о защитном снаряжении тангутских воинов.

В гробнице с деревянными панелями есть рисунок, изображающий воина в полном защитном облачении. На нем пластинчатый панцирь китайского типа, с наплечниками и набедренниками. Пластинки нашиты на кожаную (?) основу, образующую там, где нет пластинок, широкую красную кайму. Панцирь окрашен в тускло-желтый цвет (очевидно, позолочен). Голову воина венчает красно-желтый шлем также китайского типа. Крыловидные элементы на висках — черные, как бы сделанные из конского волоса, а султан на вершине шлема — красный. Из-под наплечников выбиваются широкие рукава халата, одетого под панцирь. Перед нами знатный воин, может быть гвардеец [Чэнь Бинъин, табл. 13].

В гробницах тангутских императоров найдено несколько комплектов доспехов, в том числе позолоченных или с металлическими защитными личинами [Ши Цзиньбо, с.164]. Отсутствие публикаций фотографий находок не позволяло судить о внешнем виде этих личин, но, несомненно, они являлись частью снаряжения тяжелой конницы.

3. Орудия нападения

Меч

Из терминов, обозначающих орудия нападения, в письменных памятниках чаще всего встречаются знаки, переводимые словами "меч", "нож" (ТИУ, № 299, 302, 305, 308, 309, 311, 314, 321). Большая часть этих знаков, за исключением одного единичного знака (ТИУ, № 309) и бинома (ТИУ, № 321), находится под детерминативом "металл" [Кычанов, 1964, с. 124—128, табл.; с. 130—131, табл.]. Иногда, по-видимому, мы имеем дело с терминами, обозначающими вообще режущие или колющие орудия. Таков знак (ТИУ, № 299), переводимый как "нож"; знак, имеющий значение "копье", "меч" (ТИУ, № 308), и знак в двояком написании (ТИУ, № 311, 314), обозначающий меч, секиру, топор, бердыш. Здесь уместно вспомнить китайский термин *дао* (КИУ, № 7), обозначающий нож, меч и в редких случаях алебарду. Вероятно, сходный смысл имеет знак (ТИУ, № 308), переводимый как "копье", "меч".

Особняком стоит один из знаков, переводимый словом "меч" (ТИУ, № 309). В отличие от остальных знаков с таким же значением, он снабжен детерминативом "человек", а не "металл". В состав иероглифа входит элементарный знак "драгоценный камень" [Кычанов, 1964, с. 127—128,

табл., с. 130–131, табл.]. Вряд ли речь идет об оружии, украшенном драгоценными камнями, хотя, как показывают данные иконографии, такое оружие существовало. Скорее наш иероглиф заключает в себе мысль об особой ценности меча, которому в качестве оружия нападения, как мы увидим ниже, тангуты придавали большое значение. В Китае для обозначения высококачественного меча также есть термин "драгоценный меч" ([Шефер, с. 345]; КИУ, № 24).

То же значение имеет, вероятно, и бином (ТИУ, № 321), первым знаком которого является только что описанный иероглиф. Детерминатив второго составляющего знака – элементарный знак "дух, духовная деятельность" [Кычанов, 1964, с. 129], а остальная часть представляет собой точное повторение нижней части первого знака бинома. Анализ второго знака свидетельствует о ценности меча в глазах тангутов. Очевидно, в обоих случаях речь идет не об украшенном оружии, так как данный бином может обозначать и другие режущие и колющие предметы, в частности алебарду.

Знак, переводимый словом "нож" (ТИУ, № 316), находится под детерминативом "железо". В состав знака входит элемент, могущий быть истолкованным как разнопись элементарного знака "сила" [Кычанов, 1964, с. 130–131, табл.]. Наличие такого элемента кажется вполне уместным в знаке, обозначающем один из самых распространенных видов оружия в мире. Этот же знак может относиться и к пиле, и вообще к режущему инструменту. Вероятно, знаком, обозначающим орудия типа ножа или меча, может являться иероглиф, переводимый как "острие, наименование режущего инструмента" (ТИУ, № 306, также "лезвие топора"). Данный знак аналогичен китайскому *жань* – "острие, лезвие" (КИУ, № 8).

Части режущих орудий представлены в источниках знаками "рукоять ножа" (ТИУ, № 304, также "древко стрелы") и "ножны" (ТИУ, № 307).

Меч как оружие нападения был известен большинству народов древности, знакомых с обработкой металлов.

Иранские мечи были первоначально изогнутой формы и прикреплялись к поясу с правой стороны. Но уже при последних царях династии Ахеменидов в обиход вошли мечи с прямыми клинками, которые носили с левой стороны [Готтенрот, с. 136]. Сасаниды употребляли прямые мечи и кинжалы [там же, с. 135]. На упоминавшемся выше скальном рельефе, изображающем всадника в вооружении катафракта и царской короне, мы видим прямой меч в массивных ножнах с прямоугольным концом [там же, табл. 77, рис. 3]. Такие ножны, как мы увидим ниже, были широко распространены у народов Центральной Азии более поздних эпох. Альберт фон Лекок приводит в одной из своих работ фотографию серебряного сасанидского блюда, на котором изображен всадник в костюме центральноазиат-

ского типа, вооруженный мечом в подобных ножнах [Лекок, 1928, табл. 45].

Кушанские воины — как пешие, так и конные — на таблицах в книге Б.Гафурова вооружены длинными прямыми мечами, слегка суживающимися к концу и снабженными небольшой прямоугольной гардой, но не крестообразной перекладиной [Гафуров, табл. между с. 152 и 153]. В той же книге среди реконструируемых предметов вооружения согдийских воинов VI–VIII вв. [Гафуров, табл. между с. 246 и 247] есть небольшой кинжал в богато украшенных ножнах, рукоять которого заканчивается полукруглым навершием, и прямые мечи — один с тонкой изогнутой рукояткой и крестообразной перекладиной, в ножнах, украшенных большими круглыми бляхами, края которых заходят за край ножен; другой с гардой того же типа, что и у кушанских мечей, и рукоятью, заканчивающейся небольшим плоским диском-противовесом.

На скульптурном изображении воина из Карашара в пластинчатом панцире мы видим длинный и узкий прямой меч [Стейн, т. IV, табл. CXXXV].

На росписях Кизила встречается несколько разновидностей режущего оружия. Это прежде всего короткий нож с простой (деревянной?) рукоятью и суживающимся к концу лезвием, которым наносят себе раны на лице два персонажа в сцене оплакивания Будды [АГ, рис. 338]. Кинжалами в черных ножнах, довольно длинными, вооружен ряд донаторов [Лекок, 1928, табл. 111]. Кинжал, или короткий меч с простой, округлой на конце рукоятью и в орнаментированных ножнах, прикреплен к поясу персонажа с кистью и чашкой для краски в руках. Другой персонаж с атрибутами художника вооружен массивным, прямым и коротким мечом в ножнах с прямоугольным концом, как у сасанидских мечей, с рукоятью, украшенной круглыми бляхами и заканчивающейся орнаментом, напоминающим стилизованный цветок лилии. У третьего "художника" на поясе прямой меч в узких ножнах с прямоугольным концом, имеющий некоторое сходство с поздними тибетскими мечами. Всадники на одной из фресок вооружены прямыми мечами с прямоугольными гардами или крестообразными рукоятями — оба вида мечей снабжены рукоятками с противовесами [АГ, рис. 337, 338, 336, 356]. На поясе одного из донаторов прикреплены короткий кинжал и меч с крестообразной рукояткой [Лекок, 1928, табл. 30], у другого — кинжал и меч с рукояткой неопределенной формы (фреска попорчена) [там же, табл. 11].

Для росписей Кумтуры характерно преобладание персонажей, вооруженных одновременно и небольшими кинжалами, и длинными прямыми мечами с крестообразными рукоятками, снабженными дисками-противовесами, в ножнах, орнаментированных круглыми бляхами [АГ, рис. 15; Лекок, 1928, рис. 31]. В двух случаях кинжал, привешенный к поясу

рядом с мечом, заключен в массивные, расширяющиеся книзу ножны с прямоугольным концом [АГ, рис. 13, 46]; ср. сасанидские ножны для мечей. На одной из фресок мы видим прямой меч с простой гардой, похожий на меч и кушанских и согдийских воинов [Лекок, 1928, табл.37].

На росписи из Шикшина встречается странный, очень тонкий прямой меч с крестообразной рукояткой и шаровидной насадкой на конце ножен [Лекок, 1928, рис. 31].

На фреске из Криша изображен прямой меч с крестообразной рукояткой, заканчивающейся большим диском-противовесом [АГ, рис. 435].

На росписях Безеклика встречаются прямые мечи с заостренными концами (рукоятки не видны [АГ, рис. 544]), длинный прямой меч, суживающийся к концу, с круглой гардой и рукояткой, украшенной лентой, у персонажа в доспехах, очень близких к тангутским [АГ, рис. 628], и меч в ножнах, окованных железными (?) полосами, с круглой или крестообразной гардой (рисунок неясен) и рукояткой, украшенной кистью или лентой, у персонажа в одежде, похожей на китайскую [АГ, рис. 513].

Тангутские мечи, если верить источникам, славились далеко за пределами государства Си Ся [ЛШИ, цз. 22, с. 421]. О форме тангутских мечей можно судить по сохранившимся изображениям.

На знаменитой гравюре с "докшитом и драконом" в руках докшита длинный прямой меч, слегка суживающийся к концу, с ромбовидным заостренным концом, простой гардой, близкой по форме к гардам кушанских и других, подобных им, центральноазиатских мечей (см. выше), и рукояткой, снабженной большим диском-противовесом. Такие же мечи мы видим в руках Раху и Кэту на иконах планетного культа, хранящихся в Государственном Эрмитаже, и на нешифрованной иконе, изображающей божество планеты Юэбо, хранящейся в тангутской коллекции ЛО ИВАН.

Хотя Юэбо иногда отождествлялся с Раху, но все же это отдельная планета. Она считалась несчастливой и рассматривалась как "излишний эфир" Сатурна [Невский, т. I, с. 58]. На хара-хотинских иконах дух Юэбо изображается в виде юноши в короткой одежде, с длинными распущенными волосами. В одной руке он всегда держит меч, в другой — отрубленную человеческую голову, из которой капает кровь. В руках "стражей" на той же гравюре с "докшитом и драконом" и у одного из докшитов на другой гравюре [Танг. 164, инв. № 74] — такие же мечи. Только в двух случаях — на иконе планеты Юэбо, хранящейся в Эрмитаже, и у одного из спутников Vaiśravana на иконе, значащейся в описании С.Ф.Ольденбурга под № 68 [Ольденбург, табл. между с. 56 и 57], — мы видим кривой, короткий и широкий меч (следует отметить, что остальные персонажи на иконе № 68 держат в руках длинные прямые мечи описанной выше формы).

Таким образом, знаменитые тангутские мечи имели форму, характерную для этого оружия во многих странах Центральной Азии, начиная с кушанского периода, а возможно, и раньше. Словарный материал и памятники иконографии ничего не говорят нам о мече с рукояткой в виде дракона, голова которого была похожа на птичью, так называемом мече "дракона-птицы", которые впервые начал изготовлять Хэлянь-бобо (IV в. н.э.; [ССЦШ, цз. 10, с. 4[а]]). Может быть, эта форма меча была характерна для раннего периода существования тангутского народа, еще до образования государства Си Ся. Можно принять и другую гипотезу: обе формы мечей, чисто тангутская и древняя центральноазиатская, существовали бок о бок, но последняя, возможно благодаря удобству пользования, оказалась более популярной и просуществовала вплоть до XII в., к которому относятся практически почти все известные нам памятники тангутской письменности и иконографии.

Тибетские мечи позднего времени, сфотографированные Г.Ц.Цыбиковым [Цыбиков, с. 213], кое в чем напоминают мечи тангутов. Они — прямые, с дискообразными навершиями-противовесами на рукоятке. Разница в том, что тибетские мечи не обоюдоострые, а заточенные с одной стороны, со скругленным концом.

В гробницах тангутских императоров был найден меч длиной 88 см [Ши Цзиньбо, с. 164; Чэнь Бинъин, с. 186]. Он сильно проржавел, но по форме его можно отнести к тем тангутским мечам, которые некогда славились по всей Центральной Азии.

Кроме меча известен небольшой тангутский нож, хранящийся в Китайском историческом музее. Судя по отверстию на рукоятке, он подвешивался к поясу вместе с другими мелкими предметами — огнивом, кисетом, шилом, фляжкой. Нож имеет только одну режущую сторону и слегка закругленный конец [Чэнь Бинъин, с. 419].

Копье

Копье, если судить по данным письменных памятников, имело в тангутской армии меньшее распространение, чем меч. Кроме упоминавшегося выше термина, переводимого и как "копье", и как "меч" (ТИУ, № 308), зафиксировано два единичных знака для обозначения копья (ТИУ, № 298, 301); единичный знак, имеющий смысл "древко копья" (ТИУ, № 303), и два бинома, обозначающие различные виды копья (ТИУ, № 318, 319).

Знак "копье" (ТИУ, № 301) имеет детерминатив "железо" [Кычанов, 1964, с. 129]. Иероглиф, обозначающий древко копья, состоит из элементов, не поддающихся истолкованию.

Бином, переводимый как "короткое копье" (ТИУ, № 319), — это буквальный перевод, точно соответствующий смыслу составляющих бином знаков, — может быть, обозначает метательное копье, дротик, которое, как известно, было всегда короче ударного.

Еще один вид копья обозначен биномом (ТИУ, № 318), который переводится "палка с ножом" (перевод также дословный). Вероятно, речь идет о чем-то вроде русской рогатины или об орудии, подобном китайской алебарде, представляющей собою древко с насаженным на него ножевидным лезвием.

Длинное ударное копье было главным оружием сасанидской конницы. Обычно оно прикреплялось цепочкой к броне тяжеловооруженного воина [Готтенрот, с. 136]. Такое копье мы встречаем на неоднократно упоминавшемся выше рельефе, изображающем сасанидского катафракта.

У тяжеловооруженного кушанского всадника на рисунке в книге Б.Г.Гафурова [Гафуров, табл. между с. 152 и 153] в руках — длинное копье с небольшим наконечником. Согдийские пешие воины на рисунке в той же книге вооружены копьями средней длины (к древку одного из них прикреплен вымпел [Гафуров, табл. между с. 246 и 247]).

На двух росписях из Кизила [АГ, рис. 117, 356] мы видим в руках всадников в доспехах тонкие длинные и средней длины копья.

В памятниках собственно тангутской иконографии изображений копья практически не сохранилось. Один из стражей на гравюре "докшит с драконом" держит в руке что-то вроде длинного древка, но рисунок настолько неясен, что сказать об этом оружии более определенно невозможно. Демоны на некоторых иконах, хранящихся в Государственном Эрмитаже, вооружены рогатинами китайского типа — "палкой с ножом", упоминавшейся выше. Однако в данном случае не исключено и простое заимствование с китайских изображений.

"Палка с ножом" неожиданно появляется на цзиньской гравюре, изображающей Гуаньди [Рудова, с. 47], в руках одного из воинов, окружающих главного персонажа.

На фотографии в книге А.Уодделя тяжеловооруженный тибетский всадник держит в руках длинное копье [Уоддель, с. 129].

Предполагаемое сходство вооружения иранских и центральноазиатских катафрактов, а также тибетских кавалеристов с доспехами тангутских "железных ястребов" дает основания думать, что последние также могли быть вооружены длинными ударными копьями.

Топор

Тангутские письменные памятники донесли до нас знак, переводимый словом "топор" (ТИУ, № 297). В его

8 280

состав входят два элементарных знака – "дерево" и "железо". Знак "дерево" помещен над знаком "железо". Если только "дерево" незвучащая часть иероглифа (о чем сказать пока трудно), то мы имеем здесь топор на топорище.

Зафиксирован бином (ТИУ, № 317), также обозначающий топор, в его состав входит упомянутый выше знак и иероглиф, переводимый как "секира, топор, меч, бердыш" (ТИУ, № 314). Один из знаков, обозначающих меч, также может переводиться как "секира, топор" (ТИУ, № 311).

Топор и секира с одним или двумя лезвиями входили в состав вооружения сасанидских воинов [Готтенрот, с. 185].

В руках одного из согдийских воинов на рисунке в книге Б.Г.Гафурова – топор с небольшим лезвием, имеющим сзади острый шип, насаженный на длинное топорище [Гафуров, табл. между с. 246 и 247].

На росписи из Шикшина мы видим двух воинов в шишаках и пластинчатых доспехах, вооруженных топорами на довольно длинных тонких ручках [АГ, рис. 451]. Лезвие одного из этих топоров – двойное, другое – одинарное, имеющее угловатую форму, – нечто близкое к чекану или клевцу. Один из свиты конного персонажа на фреске из Безеклика, одетый в доспехи смешанного китайско-тангутского типа, держит в руке секиру с полукруглым лезвием на длинной ручке [АГ, рис. 513].

Е.И.Кычанов упоминает топор как вооружение тангутских воинов [Кычанов, 1968, с. 120].

Булава

По-видимому, весьма употребительным видом оружия тангутских воинов была булава. В письменных памятниках зафиксировано два единичных знака (ТИУ, № 313, 315, возможно разнопись) и три бинома (ТИУ, № 320, 322, 323).

Один из биномов (ТИУ, № 323) как будто дает представление о форме булавы. Его первый знак – упоминавшийся выше иероглиф, второй переводится как "барабанная палочка" (МП, № 3185). Как мы увидим ниже, на основании иконографического материала, древко тангутской булавы было значительной длины.

Разновидность булавы представляет собой, по-видимому, оружие, обозначенное биномом (ТИУ, № 322), переводимым как "большой молоток". То, что первым знаком данного бинома является уже знакомый нам единичный знак "булава", показывает, что речь идет именно об оружии, а не об орудии ремесла.

Бином "небесная булава" (ТИУ, № 320; дословный перевод) свидетельствует о том, что популярное среди тангутов оружие могло быть и атрибутом божеств.

Иконографический материал показывает, какую форму имела упоминавшаяся в словарях булава. На рисунке в книге Б.Г.Гафурова согдийские воины VI–VIII вв. вооружены двумя разновидностями булавы. Одна из них, представляющая собой тяжелое навершие в форме человеческой головы, насаженное на короткую рукоять, мало чем отличается от подобного рода оружия в других странах Востока и Запада. Гораздо интереснее и своеобразнее другой вид булавы – длинное, немногим меньше человеческого роста древко, заканчивающееся шаровидным навершием.

В росписях гробниц киданьских императоров воины в большинстве случаев вооружены круглыми булавами на длинных древках, почти неотличимыми от описанной выше согдийской булавы [Тамура, табл. 19, 23, 90].

В нескольких сценах большой композиции на упоминавшейся выше тангутской гравюре Танг. 376, инв. № 95 фигурируют персонажи, вооруженные булавами. В двух случаях – у одного из демонов, влекущих душу Чжан Цзюйдао в ад, и у стража, провожающего на суд к Яньло-вану грешников в кангах, – это простые палки. Но в руках демона, стоящего за спиной Чжан Цзюйдао, когда последнему преграждают дорогу души убитых им животных, – такая же круглая булава на длинном древке, как у согдийских и киданьских воинов. Е.И.Кычанов, базируясь на китайских источниках, также упоминает булаву как оружие тангутских воинов, без указания ее формы [Кычанов, 1968, с. 120].

Лук и стрелы

Луки и стрелы – один из самых распространенных видов оружия почти у всех народов древности и средневековья – у тангутов занимали особое место. Китайские источники сообщают, что тангуты на ранних этапах своей истории неоднократно терпели поражения в войнах с соседями из-за плохого качества своих луков [ССЦ, цз. 22, с. 4б, 5а]. Позднее они завели особые отряды лучников, вооруженных большими луками. Есть сведения о каком-то мощном оружии типа арбалета еще у дансянов, предков тангутов [Ши Цзиньбо, с. 162], но трудно сказать, что оно собой представляло. Еще до образования империи тангутский вождь Тоба Дэ-мин – отец первого тангутского императора – закупил у китайцев партию арбалетов для своих войск [Ши Цзиньбо, с. 163]. В развалинах Шаовэйчэна, города, построенного Тоба Дэ-мином, найден крюк от арбалетного замка [Чэнь Бинъин, с. 99]. К XII в., к которому относится большая часть дошедших до нас письменных памятников тангутов, луки у тангутов получили, по-видимому, широкое распространение. Об этом свидетельствует большое количество терминов, относящихся к лукам и стрелам.

Зафиксировано три единичных знака (ТИУ, № 325, 327, 339) и два бинома (ТИУ, № 343, 345), переводимые словом "лук". Один из них (ТИУ, № 325) снабжен детерминативом "рука".

Бином (ТИУ, № 343) состоит из очевидной разнописи одного из единичных знаков (ТИУ, № 339) и знака, обозначающего лук, с детерминативом "рука" (ТИУ, № 325).

Интересен бином, переводимый как "лук и стрела" (ТИУ, № 345), состоящий из разнописи единичного знака, обозначающего лук (ТИУ, № 339), и знака "стрела" (ТИУ, № 333; анализ см. ниже).

Общее понятие "стрельба из лука" обозначается знаком (ТИУ, № 341), в состав которого также входит элемент "рука". Два знака (ТИУ, № 324, 337) переводятся словами "сгибать (натягивать) лук, натягивать тетиву на лук".

Понятие "стрела" представлено в письменных памятниках восемью одиночными знаками (ТИУ, № 326, 328–331, 333, 338, 342). Один из знаков (ТИУ, № 328) имеет детерминатив "дух, духовная деятельность". Остальная часть знака, не поддающаяся истолкованию, дважды повторена в другом знаке (ТИУ, № 329). Поскольку этот элемент графически близок к элементарному знаку "драгоценные камни" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл., с. 130–131, табл.], можно предположить, что неизвестный элемент в обоих знаках обозначает материал или ценность предмета или указывает на их общее чтение. Общие элементы, не имеющие истолкования, и у двух других знаков, переводимых словом "стрела" (ТИУ, № 333, 342). Один из них помимо неизвестного элемента заключает в себе элементарный знак "рука" (ТИУ, № 333). Другой обозначает особый вид стрелы – "стрела, поющая при полете" (ТИУ, № 342). Стрелы, обладающие подобным свойством, бытовали в военном деле нескольких восточных и европейских народов, в частности использовались английскими лучниками. Особый вид стрелы также представляла "стрела с тремя наконечниками" (ТИУ, № 326).

Зафиксированы три единичных знака и один бином, обозначающие различные части стрелы и лука: "древко стрелы" (ТИУ, № 334, 335, 344), "наконечник стрелы" (ТИУ, № 336), "тетива лука" (ТИУ, № 340).

В состав единичного знака, переводимого словом "древко стрелы" (ТИУ, № 335), входит детерминатив "дерево" и элементарный знак "рука". Бином, обозначающий то же понятие, состоит из слова "стрела" (ТИУ, № 344) и только что упомянутого термина.

В знак "наконечник стрелы" (ТИУ, № 336) входит полностью знак "стрела" (ТИУ, № 333), имеющий детерминатив "железо".

Знак, обозначающий тетиву лука, включает в себя элементы "кожа" и "скот" [Кычанов, 1964, с. 242; 1961, с. 136].

Все перечисленные выше знаки с наглядностью, свойственной тангутскому иероглифическому письму, свидетельствуют о материалах, из которых изготовлялись отдельные части стрелы и лука.

В источниках зафиксирован также иероглиф "мишень", "место, куда стреляют из лука" (ТИУ, № 332).

Согдийские воины, если верить неоднократно упоминавшемуся рисунку в книге Б.Г.Гафурова, были вооружены большими луками, которые подвешивались в чехле к поясу с левой стороны. Длинные кожаные колчаны для стрел были прикреплены с правой стороны.

Неясное изображение колчана и лука в чехле мы встречаем на фреске из Кизила. Они подвешены к поясу вооруженного человека так же, как у согдийских воинов: лук слева, колчан справа [АГ, рис. 287].

Конный воин в панцире из полос на фреске из Шикшина имеет длинный лук в чехле, очень похожий на согдийский, подвешенный к поясу вместе с большим колчаном с левой стороны.

На росписи из Безеклика помещена небольшая фигура стрелка, вооруженного луком, составленным из трех частей. Предмет, заткнутый за пояс данного персонажа, может быть истолкован как небольшая связка стрел в футляре, хотя тот же предмет может представлять собой меч или кинжал — рисунок неясен.

О форме стрелы центральноазиатского лука мы можем судить по фреске из Безеклика, где изображено божество в доспехах китайского типа, держащее в руках стрелу с длинным густым оперением и зазубренным наконечником [АГ, рис. 512]. На одной из фресок, обнаруженной в могилах киданьских императоров, изображен воин, вооруженный большим луком в чехле [Тамура, табл. 21].

Изображений тангутских луков в памятниках книжной графики не сохранилось. На некоторых иконах, хранящихся в Государственном Эрмитаже, есть изображения луков, но крайне неясные. По-видимому, они были небольшого размера и походили на сложный лук с упомянутой выше фрески из Безеклика. Большие луки, взятые на вооружение тангутами после формирования в тангутской армии специальных отрядов лучников, возможно, походили на только что описанные луки других районов Центральной Азии.

На картине, изображающей чжурчжэньскую принцессу, к поясам некоторых членов свиты подвешены справа неясные предметы, напоминающие луки, обернутые материей или кожей для предохранения от непогоды и засунутые нижними концами в короткие футляры. Здесь уместно вспомнить ранние луки тангутов, тетива которых размокала от дождя [Кычанов, 1968, с. 120].

8-3 280

4. Знамена

В письменных памятниках сохранилось три знака, обозначающие знамена (ТИУ, № 346, 347, 348). Второй, переводимый так же, как "сигнальный флаг", находится под детерминативом "металл". Остальные элементы, составляющие его, неясны.

На фреске из Карашара мы встречаем изображение большого знамени с двумя концами, собранного в пышные складки и прикрепленного в четырех местах к тонкому древку [Лекок, 1928, рис. 29].

Небольшие знамена типа вымпелов и штандартов, иногда с зубчатыми краями, можно видеть на росписях Кизила [АГ, рис. 117, 356]. Но тут же мы встречаем и другой вид знамени – прикрепленный к древку копья длинный вымпел, соединенный с прикрепленной к копью головой животного (по-видимому, волка [АГ, рис. 287; Лекок, 1928, рис. 30]).

В Безеклике можно увидеть знамена обоих типов [АГ, рис. 605, 617]. Возможно, вымпел с головой волка делался из кожи.

Тангутские знамена в книжной графике представлены веерообразными штандартами китайского типа с изображением диска на цветке лотоса. Эти штандарты держат в руках персонажи в доспехах, стоящие за троном важного духовного лица (инв. № 8349). Конечно, вымпел и штандарт не являются знаменами в узком смысле этого слова, но функции их сходны. На картине, изображающей чжурчжэньскую принцессу, едущий впереди процессии человек держит большое знамя, суживающееся к концу и украшенное фестонами и навершием с кистью.

5. Военная техника

В романе "Троецарствие" далекие предки тангутов, цяны, употребляли в бою "железные колесницы". Судя по тексту и поздней иллюстрации, это были тяжелые, обитые железом повозки с узкими бойницами, установленные на четырех колесах [Троецарствие, с. 427].

Сохранилось довольно много сведений о "вихревых катапультах" – легких метательных орудиях, установленных на спинах верблюдов. Об их маневренности и силе боя говорит Ши Цзиньбо [Ши Цзиньбо, с. 165]. Он же упоминает о применении тангутами при штурме города Пинся осадных башен, с помощью которых на стены осажденного города можно было поднять более сотни человек за один раз [Ши Цзиньбо, с. 165].

К сожалению, ни одно из перечисленных орудий военной техники не нашло отражения в дошедших до нас памятниках тангутской лексикографии.

Глава третья

ПРОФЕССИИ И УТВАРЬ

Переходя к разговору об утвари и орудиях ремесла тангутов, нельзя не коснуться основных занятий населения государства Си Ся – скотоводства и земледелия.

1. Домашние животные и утварь скотоводов

Хотя к моменту возникновения государства тангутов значительная часть их перешла от кочевого к оседлому образу жизни, скотоводство продолжало играть большую роль в хозяйственной жизни страны. Письменные памятники сохранили много названий домашних животных – как одиночных знаков, так и биномов.

О значении, которое имел домашний скот в глазах тангутских скотоводов, свидетельствует иероглиф, переводимый словами "скот домашний – источник благополучия и богатства" (ТИУ, № 350). Зафиксированы также одиночный знак (ТИУ, № 375) и бином со значением "домашний скот" (ТИУ, № 385).

Животное, без которого не может обойтись ни один кочевой народ – лошадь, – представлено в тангутских словарях четырьмя единичными знаками (ТИУ, № 352, 353, 364, 365) и двумя биномами (ТИУ, № 382, 383). Два единичных знака, переводимых словом "лошадь" (ТИУ, № 352, 365), имеют детерминатив "лошадь" [Кычанов, 1964, с.127–129; табл., с. 130–131, табл.] – элемент, могущий выступать и в роли элементарного знака и несомненно представляющий видоизменение китайского иероглифа *ма* – "лошадь" (КИУ, № 10). Один из знаков, обозначающих лошадь (ТИУ, № 365), находится под детерминативом "камень" и имеет в своем составе элементарный знак "дух", "духовная деятельность". Хотя второй элемент знака пока не нашел толкования в специальной литературе, но, так как он входит в качестве компонента в знак "седло" (ТИУ, № 404), можно предположить, что он означает что-то близкое к понятию "вьючное животное", "животное, на котором ездят". В таком случае знак "лошадь" может быть истолкован как "ценное животное, на котором ездят". Детерминатив "камень", возможно, в данном случае также подчеркивает значение лошади в жизни тангутов, так как

8-4 280

он часто является ключом к знакам, обозначающим драгоценности. Впрочем, это — только одно из возможных толкований, вероятно не самое удачное.

Один из биномов, обозначающих лошадь (ТИУ, № 382), состоит из единичного знака "лошадь" (ТИУ, № 364) и знака "лошадь", употребляющегося обычно как циклический знак. Другой бином с тем же значением (ТИУ, № 383) заключает в себе знак "лошадь", зафиксированный в словаре "Море письмен" (№ 1275 и 5014), имеющий детерминатив "лошадь" и один из обычных знаков "лошадь" (ТИУ, № 365). Создается впечатление, что первый бином выражает.более абстрактное, даже опоэтизированное, представление о лошади. Сохранился знак "хорошая лошадь", "лучшая среди лошадей" (ТИУ, № 352).

Искусство центральноазиатских народов изобилует изображениями лошади. Но если в росписях Восточного Туркестана мы нередко сталкиваемся с лошадьми, близкими к ближневосточным и европейским породам (Сым-сым, Караходжа) [АГ, рис. 677; Лекок, 1928, рис. 667], то тангутская иконография дает нам иной образ лошади, близкой к современным монгольским и тибетским лошадям. На гравюре "докшит с драконом" изображена лошадь, рвущаяся с привязи. У нее длинное и массивное тело, короткие ноги, мощная шея, густые и длинные хвост и грива, челка на лбу, большая удлиненная голова с сильно развитыми ноздрями и губами. Сам рисунок выполнен очень живо и динамично. На гравюре инв. № 8100 видны только головы и шеи лошадей. Они полностью соответствуют только что описанному типу. Небольшой стилизованный рисунок от руки, изображающий лошадь (на полях рукописи инв. № 1294), также обладает характерными признаками описанной выше породы. Наибольшее сходство с тангутской породой лошадей обнаруживают изображения на двух фресках из Безеклика [АГ, рис. 534, 605]. Возможно, описываемая порода лошадей — знаменитые "добрые дансянские кони" [Шефер, с. 69].

Судя по данным письменных памятников, тангуты разводили мулов. Изображений ослов и мулов в памятниках тангутской иконографии не сохранилось. На двух фресках из Безеклика мы видим мулов, очень похожих на свой реальный прототип [АГ, рис. 534, 565]. В тангутских словарях фигурирует термин, обозначающий осла (ТИУ, № 363). Существуют также разнописи знака -- с детерминативами "человек" и "земля" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 130—131, табл.]. Графический анализ обоих вариантов знака не проясняет их значения. Знак "мул" (ТИУ, № 355) имеет детерминатив "лошадь".

Вьючным животным, широко распространенным в странах Востока, является верблюд. Тангутские письменные памятники донесли до нас пять единичных знаков (ТИУ, № 354, 357—359, 369) и три бинома (ТИУ, № 379, 380, 381), обозначающих это животное.

В состав одного из иероглифов, переводимых словом "верблюд" (ТИУ, № 369), входит элементарный знак "желудок" [Кычанов, 1961, с. 242]. Может быть, это указание на особенности пищеварительной системы верблюда, приспособленной для длительных голодовок во время переходов через пустынные места. Элементы, составляющие другой знак с тем же значением (ТИУ, № 359), не поддаются истолкованию.

Знаки, составляющие один из биномов, обозначающих верблюда (ТИУ, № 379), включают в себя элементы "драгоценный камень" и "корова" (этот элемент может обозначать также овцу [Кычанов, 1964, с. 176]). Это свидетельствует о том, что существовало представление о верблюде как о ценном животном. Другой бином (ТИУ, № 381) представляет собой сочетание двух упомянутых выше одиночных знаков.

Зафиксирован бином, переводимый выражением "отара верблюдов" (ТИУ, № 380). Верблюды изображены на фресках Сым-сыма [АГ, рис. 565], а также на рисунке от руки в тангутской рукописи Танг. 334, инв. № 1138 (верблюдица с верблюжонком). Перед нами приземистое животное с двумя горбами и густой шерстью на шее и конечностях — двугорбый верблюд, характерный для Центральной Азии. Такие наиболее распространенные у кочевников Средней и Центральной Азии животные, как бараны и овцы, в письменных памятниках тангутов представлены всего двумя единичными знаками (ТИУ, № 362, 376). Один из знаков (ТИУ, № 363) переводится как "дикий горный козел".

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 в сцене, где Чжан Цзюйдао убивает животных, очень реалистично изображена овца, которую безошибочно можно отнести к породе "черноголовых овец" (Ovis aries steatopiga persica), особенно типичной для Монголии и Тибета. Это же животное фигурирует в сцене, где Чжан Цзюйдао преграждают дорогу души убитых им существ.

В письменных источниках сохранились два единичных знака, переводимых словом "свинья" (ТИУ, № 351, 368). Оба знака имеют детерминатив "четвероногое животное" [Кычанов, 1964, с. 127—128, табл., с. 136]. На гравюре Танг. 376, инв. № 95 дважды встречается изображение свиньи. Это хорошо известная, существующая и по сей день черная китайская свинья (см. [Брэм, с. 546]).

Оседлое население занималось разведением домашней птицы. В тангутских словарях зафиксирован знак, переводимый "петух, курица" (ТИУ, № 361). В его состав входят элементарные знаки "рот" [Кычанов, 1964, с. 127—128, табл.] и "птица" [Кычанов, 1964, с. 127—128, табл.; с. 130—131, табл.]. Может быть, это намек на крик петуха, как на отличительный признак.

На гравюре Танг. 376, инв. № 95 петух изображен

дважды. Это крупная птица с оперением темного цвета, пышным хвостом, светлыми щеками и небольшим гребнем и клювом.

К животным, разводимым оседлым населением, следует причислить и коров. В тангутских письменных памятниках упоминания о них многочисленны (ТИУ, № 349, 356, 366, 367, 372, 373). Все это единичные знаки.

Общий термин, переводимый как "бык", "корова" (ТИУ, № 366), выражен знаком, включающим элемент "овца, корова" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127–128, табл., с. 130–131, табл.]. Подобное сочетание может навести на мысль, что элементарный знак, переводимый в работах Е.И.Кычанова как "овца, корова", может обозначать вообще копытное домашнее животное. Графически он близок к китайскому знаку *ян* – "баран", "овца", "коза" (КИУ, № 2) и, вероятно, представляет собой его видоизменение. Другой знак с тем же значением (ТИУ, № 366) имеет детерминатив "верх" и включает дважды повторенный элемент "четвероногое животное".

Значение большей части упомянутых выше знаков "бык, вол". Один из них (ТИУ, № 367) – это знак "корова" (ТИУ, № 367), помещенный под детерминативом "верх". Другой (ТИУ, № 349) состоит из двух элементов: "баран" и "копытное животное, лошадь" [Кычанов, 1964, с. 127–128, табл.; с. 130–131, табл.]. В данном случае сочетание этих элементов, по-видимому, представляет животное размером с лошадь, но с рогами и парнокопытное, как баран.

Один одиночный знак (ТИУ, № 374) и бином (ТИУ, № 384) обозначают вола, на котором пашут, и пахотного быка.

В тангутской рукописи инв. № 7112 сохранилось изображение коровы. На гравюре инв. № 8100 мы видим вола, впряженного в плуг. У него массивное тело, короткие загнутые кверху рога и длинный хвост с кисточкой (пожалуй, чересчур длинный для обычного быка). На фреске из Безеклика [АГ, рис. 666] есть плохо сохранившееся изображение быка, везущего повозку. В Дуньхуане [Пеллио, т. V, табл. CCLXXVII] также сохранилась роспись, на которой изображен лежащий бык, выпряженный из повозки. Своим телом и короткими толстыми ногами он напоминает вола на гравюре инв. № 8100.

Тангутам, как и многим народам Центральной Азии, был известен як (ТИУ, № 377).

Собака, верный спутник скотовода, также нашла отражение в тангутских письменных памятниках (ТИУ, № 360, 370, 371, 378). Два знака, обозначающие собаку (ТИУ, № 360, 371), имеют детерминатив "четвероногое животное". Этот детерминатив, по мнению Е.И.Кычанова, может обозначать также "собака" [Кычанов, 1964, с. 136] и графически близок к сокращенному написанию китайского слова *цюань* – "собака, пес" (КИУ, № 6).

Орудия и утварь, связанные с профессией скотовода, представлены в письменных памятниках сравнительно небольшим количеством терминов. Понятие "ездить верхом" выражено единичным знаком (ТИУ, № 391) и биномом (ТИУ, № 410). В состав единичного знака входят элементы "лошадь", "человек". Бином состоит из знака "всадник" (МП, № 2908), состоящего, в свою очередь, из двух сложных иероглифов — "человек" и "лошадь", причем знак "человек" находится над знаком "лошадь" (типичная пиктограмма), и единичного знака, только что упоминавшегося.

Кнут обозначался двумя единичными знаками (ТИУ, № 390, 397) и биномом, переводимым как "хлыст (плеть) для лошади" (ТИУ, № 408). Всадник, изображенный на фреске из Шикшина [Лекок, 1928, рис. 31], держит в руке короткую плеть с шаровидным расширением на конце ремня. Земледелец на гравюре инв. № 8100 погоняет вола коротким кнутом.

Понятие "седло" представлено тремя терминами — двумя единичными знаками (ТИУ, № 404, 406) и биномом, переводимым как "лошадиное седло" (ТИУ, № 409). Второй термин — не синоним первого, так как существовало и седло для верблюда, зафиксированное в памятниках иконографии.

Единичные знаки "седло" имеют детерминатив "дерево", что указывает на материал, из которого могли изготовляться седла.

Зафиксированы знаки, обозначающие такие принадлежности сбруи, как "лука седла" (ТИУ, № 393, 407), "попона", "потник" (ТИУ, № 388), "переметные сумы" (ТИУ, № 386, 395), "стремя" (ТИУ, № 389), "узда" (ТИУ, № 387, 394, 396), а также понятие "оседлывать" (ТИУ, № 403, 405). Первый из этих знаков относится скорее к лошади — его второе значение "затягивать у седла подпругу". Второй знак поясняется в "Море письмен" словами: "привязывать седло, используя траву и войлочную подстилку, для оседлывания коня, верблюда".

На росписях Безеклика есть седло квадратной формы с лукой и узорчатой ременной подпругой, а также широкая матерчатая (?) попона [АГ, рис. 543, 605].

Всадник на фреске из Шикшина (см. выше) сидит на седле полукруглой формы, украшенной каймой и круглыми бляхами.

На фреске, обнаруженной в Караходже [АГ, рис. 677], изображен христианский святой верхом на коне. Виден фрагмент квадратного седла с чем-то вроде накидки из полосатой материи (впрочем, это может быть часть одежды всадника — фреска плохо сохранилась).

На фрагменте фрески, украшающей стены гробницы одного из киданьских императоров, хорошо сохранилось изображение седла с бахромой [Тамура, табл. 91].

Седла лошадей, изображенных на гравюре инв. № 8100,

скрыты полами одежды всадников, так что судить об их форме трудно. Седла лошадей членов свиты чжурчжэньской принцессы — большие, с округленными углами. У замыкающего процессию персонажа седло украшено по краям бляхами.

Верблюды также использовались для верховой езды. На фресках из Безеклика [АГ, рис. 543, 565, 566] мы видим в основном вьючных верблюдов, на спинах которых с помощью ремней или веревок укреплена поклажа. Но на рисунке от руки на тангутской рукописи Танг. 334, инв. № 1138 изображена настоящая сбруя для верхового верблюда — большое седло с овальными краями и веревка или ремень, идущий от морды животного к руке всадника.

Среди названий предметов лошадиной сбруи обращает на себя внимание термин, переводимый как "кисти на груди у лошади" (ТИУ, № 402). Это единичный знак. В памятниках тангутской иконографии изображения данной части сбруи не обнаружено, но многочисленные китайские рисунки всадников не оставляют сомнения в том, что этот элемент убранства лошади мог существовать и у тангутов.

В источниках встречается три одиночных знака, переводимые как "лассо" (ТИУ, № 398, 400, 401). Был ли это аркан или длинное древко с петлей на конце, применяемое при ловле лошадей современными кочевниками, — сказать трудно.

Кроме перечисленной выше утвари скотоводов, можно отметить кольцо, вдевавшееся в нос быка (ТИУ, № 399), и "деревянную соску для теленка" (ТИУ, № 392). Что представлял собой этот последний предмет, неясно.

2. Земледелие и сельскохозяйственные орудия

К моменту образования империи Си Ся значительная часть ее населения занималась земледелием. Судя по данным китайских источников [ХХШ, цз. 117, с. 1076], на землю осело некоторое количество еще предков тангутов, древних цянов, которых научил земледелию их родоначальник Угэцюаньцзянь.

Тангутские письменные памятники сохранили немало терминов, относящихся к различным земледельческим работам.

Общее понятие "сельское хозяйство" выражено единичным знаком (ТИУ, № 419). Три знака (ТИУ, № 411, 412, 416) переводятся как "поле, пахотная земля". Первый и второй из этих знаков включают элементы "брать" и "злаковые культуры".

Интересен знак, переводимый как "предварительное обсеивание (обсаживание) одного поля" или "обработка

перелога" (ТИУ, № 414). Он состоит из дважды повторяющихся элементарного знака "земля" и вертикальной черты, делящей иероглиф на две половины.

Чрезвычайно изобразителен знак "сеять" (ТИУ, № 415). Он состоит из элементов "земля" и "рука". Не исключено, что этот иероглиф мог обозначать вообще любую работу на земле (знак "пахать" в словарях не встречается).

Два знака переводятся словами "косить, жать, срезать" (ТИУ, № 413, 418). В состав одного из них (ТИУ, № 418) входит целиком сложный иероглиф "серп" (ТИУ, № 448).

Земледелие в засушливых районах, заселенных тангутами, было бы невозможно без искусственного орошения. По некоторым данным, 68 больших и малых каналов орошали 90 тысяч цин земли (1 цин – 5,68 га [Кычанов, 1968, с. 83]). Следы старых оросительных каналов на бывшей территории государства Си Ся кое-где сохранились до сих пор. В районе Синцина они действуют и до наших дней. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в памятниках тангутской письменности зафиксированы знаки, имеющие значение "орошать" (ТИУ, № 420), "арыки, каналы" (ТИУ, № 421–424).

В памятниках письменности зафиксировано много названий сельскохозяйственных орудий, что еще раз свидетельствует о высоком уровне развития земледелия у тангутов.

Общий термин "сельскохозяйственное орудие" обозначен одиночным знаком (ТИУ, № 417) и биномом (ТИУ, № 459), один из составляющих знаков которого – уже знакомый нам иероглиф "сеять" (ТИУ, № 415) – можно, как было сказано выше, перевести и как "работать на земле", а другой – одиночный знак (ТИУ, № 417) – может также обозначать инструмент, орудие [Невский, т. I, с. 362].

Очень нагляден по своей структуре знак, переводимый как "сеялка", "машина для сеяния" (ТИУ, № 425). В его состав входят элементарные знаки "рука", "дерево" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127–128, табл., с. 130–132, табл., с. 136], элемент, который может быть истолкован как разнопись элементарного знака "сила" [Кычанов, 1964, с. 130–131, табл.], и элементарный знак "низ" [Кычанов, с. 197]. Видимо, существовал какой-то инструмент из дерева, который приводился в действие рукой, чтобы направить усилие вниз (сыпать семена? рыхлить почву?). Изображений этого орудия не сохранилось.

Заступ, также являющийся необходимым орудием для земледельца, представлен в тангутских словарях семью знаками (ТИУ, № 429, 430, 433–435, 447, 450). В состав одного из них (ТИУ, № 434) входит элемент "железо". Очевидно, речь идет об орудии, сделанном из железа. Тот же элемент имеют и знаки, переводимые также словами "кирка" и "сошник" (ТИУ, № 447, 450).

Серп обозначен в тангутском языке шестью терминами (ТИУ, № 427, 436, 444, 448, 451, 452), из которых два (ТИУ, № 448, 452) могут также переводиться как коса. Об одном знаке (ТИУ, № 444) уже упоминалось, как о компоненте иероглифа "косить". В состав его входит элемент "железо", что указывает на материал, из которого было сделано данное орудие. Знак, переводимый и как серп, и как коса, имеет детерминатив "дерево".

Жернов, как орудие переработки зерна, также не забыт в памятниках тангутской письменности. Зафиксировано три одиночных знака с этим значением (ТИУ, № 437, 438, 446) и один бином (ТИУ, № 463). В двух случаях фигурирует детерминатив "камень", как несомненное указание на материал (ТИУ, № 438, 446). В состав первого иероглифа входят элементарные знаки "драгоценный камень" и "телега" [Кычанов, 1964, с. 130–131, табл.]. Последний элемент, вероятно, указывает на форму жернова, похожую на колесо (впрочем, возможно и иное толкование, см. [Кычанов, 1959, с. 112]). В состав второго знака входит элемент "рука", что является прямым указанием на то, что жернов был не механический, а ручной. Один знак обозначает "жернов с зубцами" (ТИУ, № 437).

С.Ф.Ольденбург во вступительной главе своей книги, давая общее археологическое описание Хара-хото, упоминает находку жерновов и призматических, со слегка закругленными ребрами, валов для молотьбы хлеба, очень похожих на современные китайские орудия, используемые для той же цели [Ольденбург, с. 7].

Для просеивания зерна, видимо, употреблялась веялка. Знаки со значением "сито, веялка" (также "корзина", "совок") отмечены в тангутских словарях (ТИУ, № 454, 455, 460). Графический анализ данных иероглифов не поясняет их значения – наряду с кажущимся здесь неуместным элементарным знаком "камень" (в данном сочетании он, по-видимому, не играет роли детерминатива, как в большинстве случаев) в состав знаков входят два элемента, не поддающиеся истолкованию. Бином, обозначающий веялку (ТИУ, № 460), может также переводиться как "мельница".

На фреске из Юйлиньку, изображающей ножную ступу, рядом со ступой лежат сито и решето для просеивания зерна [Чэнь Бинъин, с. 42].

Наряду с серпом и косой в тангутских письменных памятниках отмечены и грабли, обозначенные двумя одиночными знаками (ТИУ, № 426, 432) и биномом (ТИУ, № 456). Оба знака находятся под детерминативом "дерево". Бином является сочетанием этих двух знаков.

В росписях Юйлиньку, рядом с изображением пилы, заступа, лопаты, топора, ковша, есть также изображение бороны и граблей [Чэнь Бинъин, с. 89]. Орудие, необходимое для земледельца – соха или плуг, – обозначено в

источниках двумя знаками (ТИУ, № 431, 440). Оба знака находятся под детерминативом "дерево". Ко второму из них дано пояснение: "орудие, которое тянет бык".

Сохранились и знаки, обозначающие часть сохи — "лемех" (ТИУ, № 443, 447, 450, 458) и "рассоха" (ТИУ, № 442, 457, 461). В обоих случаях мы имеем указания на материал, из которого сделаны данные детали. Два знака, обозначающие "лемех" (ТИУ, № 447, 450; возможно, разнопись), находятся под детерминативом "железо" и имеют второе значение — "кирка, заступ". Одинокий знак и биномы, переводимые как "рассоха" (ТИУ, № 457, 461), расположены под детерминативом "дерево" (в первом биноме это знак "соха"; ТИУ, № 431).

Эти знаки имеют подтверждение как в иконографическом, так и в археологическом материале. На гравюре инв. № 8100 в левом верхнем углу мы видим фигуру пахаря, идущего за плугом, в который впряжен вол. Рисунок сильно пострадал от времени, но все же можно различить деревянную рукоятку плуга, на которой лежит левая рука земледельца, — в правой он держит кнут, погоняя вола.

На росписях из Юйлиньку также есть изображения пахаря, пашущего на быке [Чэнь Бинъин, с. 41]. То, что крестьяне Си Ся употребляли прямую рассоху, Чэн Бинъин объясняет отсталостью сельского хозяйства тангутов, отторгнутых от передовых земледельческих центров войнами и смутами, раздиравшими молодое государство в начале его существования. На наш взгляд, это объяснение едва ли удовлетворительно, так как прямая рассоха есть и на описанной выше гравюре, относящейся к середине XII в., когда политическое положение Си Ся уже стабилизировалось.

Экспедиция П.К.Козлова обнаружила в Хара-хото два железных сошника, хранящихся в настоящее время в Государственном Эрмитаже.

Специфическим сельскохозяйственным орудием являлся каменный каток (ТИУ, № 428, 453, 465), служивший, если верить тангутским словарям, как для выравнивания почвы, так и для обрушивания зерна. Впрочем, может быть, знак, переводимый этими двумя понятиями (ТИУ, № 453), обозначал два разных орудия.

Для отделения зерна от шелухи часто пользовались ступой (ТИУ, № 439) и пестом (ТИУ, № 441, 445, 462). Те же орудия применялись, естественно, для толчения зерна. Сохранилась тангутская пословица: "Пест прячет ногу в ступе" (ТИУ, № 466).

На фресках Юйлиньку мы видим "ножную" ступу — толчею, столь характерную для стран Дальнего Востока. Крестьянин, толкущий зерно, двумя руками держится за перекладину и правой ногой приводит в действие пест толчеи [Чэнь Бинъин, с. 42].

Е.И.Кычанов в своей статье об этнографии тангутов

[Кычанов, 1959, с. 112] перечисляет следующие земледельческие орудия: каменный каток для выравнивания почвы, лопата, мотыга, серп, каменный каток для обрушивания зерна, веялка-решето, ручная мельница.

3. Ремесла

Терминов, отражающих потребности ремесел, в тангутских письменных памятниках сохранилось не так много, как связанных со скотоводством и земледелием, но все же достаточно, чтобы сделать вывод, что и эта сфера деятельности тангутов была достаточно развита.

Знак, переводимый общим словом "мастер" (ТИУ, № 469), состоит из элементов, не имеющих истолкования. По-видимому, то же значение имеет второй знак бинома "золотых дел мастер" (ТИУ, № 470). Этот иероглиф состоит из элементарных знаков "рука" и "брать". (Ср. китайское *шоу* – "рука" – КИУ, № 3; [Кычанов, 1961, с. 242]). Первый знак бинома – "золото" (ТИУ, № 223). Сохранился также бином со значением "портной" (ТИУ, № 471).

В разделе об одежде уже говорилось, какое значение тангуты придавали последней. В письменных памятниках встречаются три знака, связанные с изготовлением материи и одежды: "ткать" (ТИУ, № 467), "шить одежду" (ТИУ, № 468), "катать войлок" (ТИУ, № 475). В состав первого иероглифа входят элементарные знаки "человек" и "нить" (ТИУ, № 481). Второй иероглиф заключает в себе элемент "рука".

Непосредственно к ткаческому и портняжному ремеслу относятся девять названий орудий, встречающихся в тангутских письменных памятниках (ТИУ, № 472, 474, 478, 479, 483, 486, 490, 494, 495).

Два знака (ТИУ, № 474, 478) обозначают "швейная игла"; впрочем, второй знак можно перевести и словом "шило". Оба знака находятся под детерминативом "железо". Бином "ушко иголки" (ТИУ, № 493) состоит из одиночного знака "игла" (ТИУ, № 474) и иероглифа "ухо" [Невский, т. I, с. 278] – любопытная параллель соответствующему русскому термину. Сохранился также бином "нитка с иголкой" (ТИУ, № 495).

Из других орудий, употреблявшихся портными, зафиксированы названия ножниц (ТИУ, № 483, 496) и утюга (ТИУ, № 490).

Сохранился знак, поясняемый в словаре словами "приспособление для тканья, для изготовления грубой шерстяной материи" (ТИУ, № 472). Вероятно, этот иероглиф обозначал примитивный ткацкий станок.

 В состав слов "основа" (ТИУ, № 479) и "уток" (ТИУ,

№ 486) входит графема, обозначающая "нить". Бином, переводимый словами "основа и уток" (ТИУ, № 494), состоит из простой комбинации двух упомянутых выше знаков и может, по-видимому, также обозначать "ткацкий станок".

Для работ по дереву тангутские ремесленники, с одинаковым искусством вырезавшие и деревянные сосуды, и статуи богов, и доски для ксилографов (см. экспонаты коллекции Государственного Эрмитажа), пользовались инструментом, название которого переводится тремя словами: "долото, сверло, бурав" (ТИУ, № 485). Он находится под детерминативом "дерево". В состав его входит также элементарный знак "рука". Может быть, данный иероглиф представляет собой общий термин для обозначения плотничьих инструментов. Сохранился графически близкий знак со значением "долото, бурав" (ТИУ, № 487) и знак "долото" (ТИУ, № 484), представляющий собой первый знак без детерминатива "дерево".

Из названий других деревообделочных инструментов сохранились названия пилы (ТИУ, № 488), рубанка (ТИУ, № 492), плотничьего ножа (ТИУ, № 500), плотничьего шнура для разметки бревен (ТИУ, № 489), а также биномы "долото, бурав" (ТИУ, № 497) и "сверло и пила" (ТИУ, № 498).

О работе тангутских кузнецов можно судить по описанию доспехов и мечей в разделе об оружии. Письменные памятники сохранили четыре термина, относящихся к кузнечному делу (ТИУ, № 473, 476, 491, 499).

В состав единичного знака "наковальня" (ТИУ, №473; переводится также словами "каменная подставка") входит элементарный знак "рука". Бином, обозначающий "наковальня", состоит из упомянутого выше одиночного знака и иероглифа (ТИУ, № 491), переводимого выражением "название того, что подстилают снизу" [МП, № 491]. Мехи, без которых нельзя обойтись кузнецу, в письменных памятниках обозначены биномом (ТИУ, № 499), состоящим из иероглифов "дуть, раздувать" (МП, № 4514) и "мешок" [Невский, т. I, с. 496] — сочетание, изображающее всем знакомую форму данного инструмента.

Иероглиф, переводимый словами "кузнечные щипцы" (ТИУ, № 480), состоит из детерминатива "железо" и элементарных знаков "рука" и "человек".

Зафиксирован также знак, обозначающий "тигель для плавления металлов" (ТИУ, № 476).

На фреске из Юйлиньку сохранилось изображение кузницы [Чэнь Бинъин, с. 43]. Один из рабочих раздувает пламя с помощью очень интересного устройства — больших мехов, укрепленных на раме сзади горна и как бы составляющих с ним одно целое. По мнению Чэн Бинъина, такая конструкция горна и мехов известна в Китае и соседних с ним странах с древнейших времен. Два кузнеца бьют кусок железа, лежащий на наковальне почти европейского

типа, небольшими молотами на очень длинных рукоятках, держа их обеими руками.

О том, как могли выглядеть принадлежности кузнечного ремесла, мы можем судить также по фреске из Безеклика [АГ, рис. 604; Габен, 1973, табл. 28, № 68], на которой кузнец обрабатывает прямоугольный кусок железа молотом на длинной ручке на небольшой наковальне, напоминающей по форме европейскую. За его спиной другой человек — вероятно, подмастерье — держит в руках непонятный предмет, может быть кузнечные щипцы. У ног изображенных персонажей лежит еще один кусок железа. Почти так же выглядела тангутская кузница, но там применялись китайские мехи [Чэнь Бинъин, с. 44].

Нож, о котором уже говорилось в разделе оружия (ТИУ, № 316), употреблялся и в быту. На гравюре Танг. 376, инв. № 95 в сцене, где Чжан Цзюйдао убивает животных, мы видим две формы ножа — короткий с лезвием, слегка расширяющимся по бокам, который держит в зубах сам Чжан Цзюйдао, готовящийся разделать тушу подвешенного за ноги барана, и длинный, с массивной рукояткой и широким лезвием, который помощник Чжан Цзюйдао вонзает в грудь свиньи, лежащей на столе. Вся сцена в целом живо рисует картину повседневной работы тангутских мясников.

Вероятно, какое-то орудие мясников обозначал также знак, поясняемый в источнике словами "острый стержень для отковыривания и дробления сухой туши" (ТИУ, № 477, также "меч, режущий инструмент").

4. Мебель

Уже непосредственно к утвари относится мебель. Тангуты, осев на землю, естественно, усовершенствовали и этот вид обихода, в котором почти не нуждаются кочевники.

Одним из знаков, обозначающих мебель, является иероглиф, переводимый словами "кровать", "кресло", "стул" (ТИУ, № 501). В его состав входит два раза повторенный элементарный знак "человек" и элемент "низ". Перед нами — изобразительный знак, самое расположение элементов которого подсказывает представление о чем-то, на чем находятся (сидят или лежат) люди. Впрочем, скорее всего речь идет о кровати, так как бином, в который входит данный знак (ТИУ, № 520), имеет значение "постели и матрасы".

Иконографический материал показывает, что за предмет подразумевается под этим выражением. В сцене болезни Чжан Цзюйдао (гравюра Танг. 376, инв. № 95) главное действующее лицо полусидит под балдахином на задрапиро-

ванном материей низком ложе — подобная мебель, на которой можно и лежать, и сидеть, хорошо известна по многочисленным памятникам китайского изобразительного искусства.

Кроме упомянутых выше знаков к той же категории следует отнести названия "низкая кровать" (ТИУ, № 526; второе значение "сиденье"), "складная кровать" (ТИУ, № 527), "балдахин над кроватью" (ТИУ, № 525), "перила кровати" (ТИУ, № 540, на гравюре эта деталь отсутствует). Кроме того, зафиксированы три общих термина "спальные принадлежности" (ТИУ, № 502, 503, 515), названия "матрас" (ТИУ, № 504, 505, 512, 533), "войлочная подстилка" (ТИУ, № 583) и "подушка" (ТИУ, № 514, 539, второй знак имеет значение "подушка из войлока").

Для обозначения мебели для сидения в тангутских письменных памятниках существуют два единичных знака (ТИУ, № 508, 516), переводимые как "седалище, трон", и бином (ТИУ, № 523), имеющий значение "княжеский трон".

Памятники тангутской иконографии сохранили несколько изображений парадных кресел и тронов. Из их числа можно, без сомнения, исключить троны Будд — их изображения большей частью строго канонизированы, преимущественно на основе индийских образцов. Но троны низших божеств, особенно тех, изображения которых несут на себе следы влияния китайского искусства, могут быть заимствованы из реальной жизни.

Собственно тангутская иконография сохранила два типа тронов правителей на гравюрах Танг. 286, инв. № 3861 и инв. № 8349, связанных общим сюжетом. На первой из них император изображен сидящим на троне с широким, задрапированным материей сиденьем и высокой, богато орнаментированной спинкой. На второй гравюре трон-кресло; у него не очень высокая спинка, украшенная головами драконоподобных животных, выступающими за края спинки трона.

На чжурчжэньском изображении Гуаньди, описанном М.Л.Рудовой, фигурирует простой деревянный трон, несколько напоминающий трон императора на гравюре инв. № 8349, но без каких-либо орнаментов.

На рисунках в книге Макса Тильке мы видим двух монгольских ханов, один из которых сидит на складном деревянном стуле, обтянутом материей, другой — на широком мягком диване с низкой спинкой [Тильке, с. 16, 20].

Троны, или парадные кресла, служили не только светским правителям, но и представителям высшего духовенства. Тибетский священник Лодой-чжалцань отказался давать наставления монгольскому хану Хубилаю, который вынуждал его сесть на престол ниже его, так как в винаях запрещено проповедовать перед тем, кто сидит выше. Только после обоюдных уступок они сели на троны, одинаковые по высоте [Цыбиков, с. 240].

Буддийские монахи, изображенные на гравюре Танг. 407, инв. № 2261 рядом с императором, сидят на своеобразных тронах с высокими и узкими спинками. Троны монахов, так же как и трон императора, стоят на массивных прямоугольных основаниях с богато орнаментированными сторонами.

Трон важного духовного лица на гравюре Танг. 428, инв. № 3706 представляет собой широкое сиденье на массивном кубическом основании с деревянной спинкой, крытой материей, с двумя выступающими изогнутыми концами верхней перекладины и подлокотниками. В целом трон похож на кресло Гуаньди на чжурчжэньской гравюре и трон императора на гравюре 8349.

Кроме названий тронов в тангутских источниках зафиксированы термины для обозначения простых стульев (ТИУ, № 506, 521, 522, 536). Их существование подтверждено данными иконографии. На гравюрах Танг. 320, инв. № 71 и 83 мы видим стул, чрезвычайно напоминающий современный европейский, и низкий табурет, покрытый шкурой животного, на котором сидит художник, расписывающий изображение Будды.

В тангутских словарях зафиксирован один единичный знак (ТИУ, № 510) и два бинома (ТИУ, № 524, 530), переводимые словом "стол". Единичный знак, могущий обозначать также "тарелка" и "поднос", находится под детерминативом "дерево", явно указывающим на материал, из которого был сделан предмет. В одном из биномов (ТИУ, № 524) упомянутый выше знак сочетается со знаком, переводимым как "лицевая сторона, перед" (МП, № 3149). Этот бином имеет, вероятно, еще одно значение: "сидеть у стола". Бином, имеющий значение "драгоценный столик, подставка" (ТИУ, № 530), состоит из общего термина для обозначения драгоценных вещей (ТИУ, № 234) и знака, толкуемого в "Море письмен" как "название части тела от груди до конца рук" (МП, № 3049). Этот второй знак находится под детерминативом "дерево", что как будто указывает на его возможное значение, близкое к представлению о каком-то деревянном предмете, может быть о мебели.

Существует бином, переводимый как "чайный столик" [ТИУ, № 534].

Иконография Центральной Азии донесла до нас изображения нескольких типов столов.

На одной из росписей Карашара в двух сценах с пишущими монахами фигурирует трехногий столик или подставка для книг. Монахи держат в руках листы, на которых пишут, в то время как уже исписанные листы положены на столик [Стейн, т. IV, табл. CXXIV].

Стол для книг, но другой формы встречается на фресках Безеклика [АГ, рис. 605]. Это низкий стол, покрытый материей или, может быть, имеющий форму сплошного

куба. Монах, разворачивающий на нем свиток, судя по тому что стол довольно низок, сидит на коврике, поджав под себя ноги. Подобный же стол отмечен Аннемари фон Габен [Габен, 1973, табл. 84, № 200, табл. 86, № 205].

На росписях из Идикут-шари [АГ, рис. 665; Габен, 1973, табл. 23, № 50] мы видим большой богато орнаментированный стол на пяти ножках, уставленный сосудами. Стоящие рядом два больших кувшина, около которых застыли, сложив руки на груди, слуги, как будто говорят о том, что перед нами – сцена приготовления к пиршеству, и, следовательно, стол представляет собой предмет богатой пиршественной утвари.

В памятниках тангутского искусства встречаются столы двух типов. Это, во-первых, стол, покрытый богатой скатертью и служащий в качестве жертвенника. Такие столы, отличающиеся друг от друга лишь отдельными украшениями, мы видим на гравюре Танг. 165, инв. № 150 перед сидящим на троне Буддой и на гравюре Танг. 376, инв. № 95 перед Яньло-ваном – в этом нет ничего странного, так как и в судебных учреждениях перед началом дела возжигались курения и ставилась пища для духов.

На гравюре с "докшитом и драконом" и на гравюрах Танг. 320, инв. № 71, 83 встречается простой прямоугольный стол на четырех ножках, судя по форме, деревянный. То, что на первой гравюре он, по-видимому, играет роль пиршественного стола (возле него – чаши и лютня), а на двух вторых – письменного (за ним сидит учитель, читающий сутру), говорит о широком распространении этой формы стола у тангутов.

Особенно часто встречаются в тангутских источниках упоминания о шкатулках для хранения вещей. То, что наряду со знаками, переводимыми только словом "шкатулка" (ТИУ, № 511, 513, 517, 519, 529, 531), зафиксированы знаки, имеющие второе значение "сундук, ящик, короб" (ТИУ, № 507, 509, 518, 537), заставляет отнести все упомянутые знаки к разряду мебели, а не мелких предметов утвари. Интересен знак "сундук, шкаф, прилавок, стойка" (ТИУ, № 538). Он свидетельствует о том, какую форму мог иметь прилавок в лавке тангутского купца. Китайское *гуйгуй*, первоначально обозначавшее шкаф или сундук, также имеет и значение "прилавок" (КИУ, № 13).

Можно также объединить в одну группу такие предметы, как "ширма" (ТИУ, № 535), "экран, заслоняющий свет лампы" (ТИУ, № 532), "полог от дыма" (ТИУ, № 528).

Несколько предметов мебели найдено в тангутских гробницах. Среди них – деревянные столики с гнутыми ножками, покрытые лаком грязно-красного цвета. Поверхность последнего – чрезвычайно гладкая, блестящая [Чэнь Бинъин, с. 186]. Эти столики сильно напоминают жертвенный столик на гравюре к ксилографу Т-33.

Рис. 9. Хара-хото. Народные типы (Танг. 320, инв. № 71). Слева направо: 1) учитель с учеником; 2) молящиеся в храме; 3) приносящие клятву перед статуей Будды; 4) отшельник в юрте и его ученик; 5) прислужники, подметающие храм; 6) художник, расписывающий статую Будды

5. Посуда

Помимо общего термина "посуда, сосуд" (ТИУ, № 572) в источниках сохранилось большое число терминов для обозначения посуды. Многие из этих знаков находятся под детерминативом "дерево". Таковы иероглифы "чаша" (ТИУ, № 559), "тарелка" (также переводится словами "блюдо", "поднос"; ТИУ, № 554), "чашка, пиала, деревянная чашка" (ТИУ, № 560), "маленькая чашечка для вина" (ТИУ, № 550), "чан", "ушат", "ведро" (также имеет значение "брусок"; ТИУ, № 561). Это не кажется странным, так как деревянная посуда распространена у народов Центральной Азии и по сей день. Образцы такой посуды обнаружены и в Хара-хото. Значение иероглифов, переводимых как "чарка", "кубок", "чаша из серебра" (ТИУ, № 577) и "глиняный горшок для варки пищи" (ТИУ, № 547, 548, 579), также имеющих детерминатив "дерево", неверно понято европейскими исследователями – вероятно, речь идет о каких-то разновидностях посуды из дерева. Впрочем, возможно и другое толкование – перед нами более поздние варианты знаков, относившихся первоначально к деревянным предметам.

Некоторые иероглифы, обозначающие посуду, включают в себя элемент "вода" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127–128, табл., с. 129; с. 130–131, табл.] – таковы слова "чайник" (ТИУ, № 545), "бутылка" (ТИУ, № 557). В то же время в знаке, переводимом именно как "название сосуда для воды" (ТИУ, № 541), элемент "вода" отсутствует – иероглиф состоит из элементарного знака "вкус" [Кычанов, 1964, с. 129] и элемента, обозначающего, вероятно, принадлежность данного предмета к посуде (см. также ТИУ, № 569). Тот же элемент мы встречаем в иероглифе "палочки для еды" (ТИУ, № 542), находящемся под детерминативом "дерево". Элемент "рука", входящий в этот иероглиф, характерен для тангутской иероглифики, отличающейся, как видно из предыдущих примеров, большой наглядностью. Само наличие в тангутских источниках термина "палочки для еды" показывает степень китайского влияния на бытовую культуру тангутов.

Знак "металлический чайник" (ТИУ, № 546) находится под детерминативом "металл", как и знаки, обозначающие "сковорода" (ТИУ, № 563, 573).

Названия некоторых видов посуды – "чашка для чая" (ТИУ, № 544), "тарелка", "блюдо", "поднос" (ТИУ, № 554, 555) – находятся под детерминативом "камень". Хотя каменные сосуды были известны многим народам древности и средневековья, в данном случае речь идет скорее о керамике. Существование последней подтверждается археологическими находками в Хара-хото.

9-4 280

Непонятным кажется наличие детерминатива "камень" в иероглифе "бадья", "ведро" (ТИУ, № 575); есть знак с тем же значением, но под детерминативом "вода" (ТИУ, № 562).

Общий элемент, не имеющий пока истолкования, но могущий обозначать посуду или вообще емкость, встречается в иероглифах, переводимых как "горшок", "флакон", "ваза", "кувшин" (ТИУ, № 571), "кувшин", "бутыль"(ТИУ, № 543; в том же знаке — элемент "кожа"), и в слове "патра" (ТИУ, № 558).

В иероглиф "глиняный сосуд для воды" (ТИУ, № 568) входит элемент, могущий быть воспринятым как разнопись элементарного знака "вода", и элемент "земля" [Кычанов, 1961, с. 242; 1964, с. 127—128, табл.; с. 130—131, табл.]. Оба элемента как бы слиты в одну графему, возможно имеющую смысл "глина". Детерминатив "рука" в данном идеографе показывает, что речь идет о чем-то, что носили в руках, или о предмете, имевшем ручку (типа черпака).

Детерминатив "рука" встречается также в знаках "глиняный сосуд", "бутылка" (ТИУ, № 569), "бутылка", "черпак", "ковш" (ТИУ, № 578), "палочки для еды" (второе написание — ТИУ, № 570).

Интересна упоминаемая в источниках плетеная посуда — сосуды для воды (ТИУ, № 549), блюда (ТИУ, № 552, 553; последний знак — с ключом "трава"), плошки (ТИУ, № 566; другое значение "плетенка, корзина"). Плетеная посуда известна многим народам мира, но что представляла собой эта посуда у тангутов — сказать трудно, так как изображений ее не сохранилось, а археологический материал такого рода редок. Хотя Хара-хото всегда отличался засушливым климатом, плетеной посуды в нем не обнаружено.

В словарях зафиксированы знаки "чашка" (ТИУ, №564), "черпак", "ковш", "уполовник" (ТИУ, № 565), "кубок", "чаша" (ТИУ, № 567), "блюдо" (ТИУ, № 576).

Все знаки, упоминавшиеся в данном разделе до сих пор, — одиночные. Но источники сохранили значительное количество биномов, обозначающих посуду. Это "чайник" (ТИУ, № 583, 596), "ковш" (ТИУ, № 582, 589), "горшок" (ТИУ, № 581), "патра" (ТИУ, № 584), "ваза" (ТИУ, № 590, 598), "глиняные и деревянные чашки" (ТИУ, № 585, 591), "крышка котла" (ТИУ, № 587), "плетеное блюдо" (ТИУ, № 588), "деревянный чан" (ТИУ, № 595).

Иконографический материал демонстрирует значительное разнообразие видов посуды, употреблявшейся в Центральной Азии.

На рисунках, изданных А.Грюнведелем, изображены различные образцы такой посуды. Человек в епанче на фреске из Криша держит обеими руками полукруглую небольшую чашу с геометрическим орнаментом, до краев на-

полненную светлым веществом (рисом?). На фреске из Кумтуры один из персонажей в кафтане с отворотами держит в руке подобие кубка на высокой ножке. В руках коленопреклоненной фигуры на росписи из Кизила — большая чаша или блюдо с круглым дном и знаком на краю (неизвестный алфавит?). Донаторы из Безеклика держат плоскодонные чаши с невысокими краями, простые или с орнаментом (чаще всего в виде лепестков лотоса). На фресках из Идикут-шари мы видим огромные кувшины для вина, заткнутые пробками в форме голов барана и феникса (очень близкого к его китайскому изображению), маленькие кувшины с круглыми туловами и короткими горлами, граненые кубки (?) и гофрированную и граненую чашу с ручкой [АГ, рис. 427, 53, 266, 564, 567, 665, 666; Габен, 1973, табл. 23, № 50].

Памятники тангутского искусства донесли до нас изображения чаш-пиал, широких и плоских (может быть, тех "деревянных чашек", о которых шла речь выше; гравюра с "докшитом и драконом"), больших плоских тазов для сбора крови животных (сцена с мясниками на гравюре Танг. 376, инв. № 95), ваз для цветов (Танг. 4286, инв. № 2300). В Хара-хото найдены многочисленные фрагменты гончарных изделий, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Среди них значительную часть составляют осколки посуды, сделанной в Китае.

Недавние археологические раскопки, проведенные китайскими археологами в Хара-хото и других тангутских городах, выявили большое количество фрагментированных и целых гончарных изделий, позволяющих судить о форме тангутской посуды и материале, из которого она изготовлялась.

Уже в Шаовэйчэне, древнейшем из открытых тангутских городов, были обнаружены кувшин с двумя ручками, чайник, фляга и плоские блюда, покрытые коричневой глазурью; блюда с желтой глазурью; пиалы с белой или черной глазурью, керамическая тушечница. В Нинся найдены целые и разбитые пиалы и небольшие тарелки из белого фарфора; в Ганьсу — фарфоровые пиалы, тарелки, фляги, кувшины с двумя ручками, покрытые белой, коричневой и зеленой глазурью. Некоторые из них изнутри покрыты белой глазурью, а снаружи — коричневой [Чэнь Бинъин, с. 421].

В том же районе извлечены из земли пиалы, покрытые белой глазурью, и чайники, покрытые коричневой глазурью.

Во Внутренней Монголии открыты вазы для пионов, покрытые коричневой глазурью. В Шанхайском музее есть черные глазурованные сосуды с надписями письмом Си Ся [Чэнь Бинъин, с. 423]. Найденная во Внутренней Монголии ваза для цветов расписана разноцветной глазурью [Чэнь Бинъин, с. 424].

Общие черты тангутского фарфора: преобладание белой и коричневой глазури, наличие частично глазурованных (с внутренней стороны) изделий, преобладание пиал и чайников. Была обнаружена также деревянная посуда [Чэнь Бинъин, с. 188–189].

6. Светильники

К предметам посуды близки светильники, которые в Центральной и Восточной Азии имели форму треножника или плошки. В тангутских письменных памятниках есть указание на обе формы светильников.

Общие понятия "светильник, фонарь, лампа" (ТИУ, № 606) и "печь, топка, жаровня, курильница" (ТИУ, № 603) обозначены иероглифами, заключающими в себе элемент "огонь" (в двух написаниях). Иероглиф "фонарь, лампа" входит в качестве составного в бином, переводимый словами "светильник, фитиль" (ТИУ, № 614).

Особыми иероглифами обозначено понятие "треножник" (ТИУ, № 600, 601, 613). Детерминатив "металл" указывает на материал, из которого был сделан треножник.

Судя по данным тангутской иконографии, этот же знак мог обозначать не культовый предмет, а простую хозяйственную вещь. На одном из клейм иконы, значащейся в описании С.Ф.Ольденбурга под № 79, изображен персонаж (монах?), ставящий сосуд типа котла на трехногий низкий таган, под которым разведен огонь [Ольденбург, табл. между с. 62 и 63].

Иероглиф "факел" (ТИУ, № 605) включает в себя элементарные знаки "рука" и "верх", наглядно рисующие способ употребления данного осветительного прибора – нечто, поднимаемое рукой вверх.

Особыми терминами обозначены ламповые фитили (ТИУ, № 602, 612), печь (ТИУ, № 610, 611, 617), кремень (ТИУ, № 608, 609), круглый фонарь (ТИУ, № 615), лампада (ТИУ, № 616; другое значение "лампа в форме чаши"). Не забыт в источниках и такой инструмент, как "лопата для ворошения углей в печи" (ТИУ, № 618).

На одной из росписей Безеклика [АГ, рис. 614] мы видим изображение обряда, при котором два человека устанавливают светильники на своеобразной стойке, имеющей форму обручей, насаженных на вертикальный стержень и уменьшающихся по направлению к верху всего сооружения. Светильники имеют форму круглых плошек с фитилями. По-видимому, перед нами знаменитое "дерево-светильник". Эти светильники были доставлены в Китай из Тохаристана еще в VII в. Шефер считает, что на упомянутой росписи изображено именно такое "дерево" [Шефер, с.341].

В тангутских книгах инв. № 4157 и инв. № 7688 встречаются изображения треножников-курильниц.

В руках одного из членов свиты важного духовного лица на гравюре Танг. 428, инв. № 3706 — предмет, похожий одновременно и на сосуд, и на курильницу.

7. Транспорт (экипажи и лодки)

В тангутских словарях сохранилось сравнительно немного названий, относящихся к транспорту. Три их них — "колесный экипаж" (ТИУ, № 621), "экипаж, колесница, телега" (ТИУ, № 623), "колесница, тележка" (ТИУ, № 625) — относятся к колесному транспорту. В последнем иероглифе детерминатив "дерево" и элементарный знак "корова", входящий в состав иероглифа, как будто указывают на материал, из которого была сделана колесница, и на животного, служившего тягловой силой (как мы увидим ниже, последнее предположение получает подтверждение в иконографии). Этот иероглиф входит в состав бинома "тяжелая колесница" (ТИУ, № 628) и "легкая колесница" (ТИУ, № 621). Детерминатив "дерево" фигурирует также в иероглифе, переводимом выражением "спицы в колесе" (ТИУ, № 624). Один из знаков (ТИУ, № 619) обозначает "паланкин".

Хотя государство тангутов не имело выхода к морю, источники донесли до нас не только единичные иероглифы "лодка, корабль" (ТИУ, № 620), "корабль, паром, переправа" (ТИУ, № 622), но и бином, имеющий значение "корабль" (ТИУ, № 626). Единичный знак имеет детерминатив "вода".

Изображений колесниц памятники собственно тангутского искусства не сохранили. В китайских источниках нет указаний на употребление тангутами боевых колесниц с конской тягой. Вероятно, знак, о котором говорится выше, неверно понят переводчиками и обозначает просто повозку, которую тащили волы.

В росписях Кизила [АГ, рис. 282] сохранилось изображение крытой повозки (с одной парой колес), в которую запряжен бык. На одной из фресок Дуньхуана [Пеллио, т. V, табл. CCLXXVI] мы видим повозку, напоминающую двуколку, и лежащего с нею рядом отдыхающего быка.

В одной из тангутских книг — Танг. 219, инв. № 940 — встречается изображение лодки, похожей на китайскую.

8. Деньги

В источниках зафиксирован общий термин "деньги" (ТИУ, № 631). Три знака, встречающиеся в тангутских

письменных памятниках, обозначают различные виды денег — "слиток золота или серебра" (ТИУ, № 629), "связка медных денег" (ТИУ, № 630), "монета" (ТИУ, № 632). В состав слова "монета" входит элементарный знак "имущество, товар, вещи" [Кычанов, 1964, с. 126—127, табл., с. 136].

О находках медных тангутских монет, по форме напоминающих китайские, было написано достаточно много. Бумажные деньги, обнаруженные в Хара-хото, являются уже ассигнациями династии Юань. На гравюре Танг. 376, инв. № 95 в сцене заклинания болезни в руках у женщины, прислуживающей заклинателю или врачу, — предметы, похожие на связки бумажных "жертвенных денег", аналогичных китайским.

9. Орудия наказания

Помимо общего термина "казнь", "пытка" (ТИУ, № 633) довольно значительное количество иероглифов, обнаруженных в тангутских письменных памятниках, обозначает орудия наказания и действия, связанные с их использованием. Это слова "связывать, веревка, узы, оковы, сковывать, цепь" (ТИУ, № 635), "путы, кандалы" (ТИУ, № 636, 639), знаки, переводимые словами "канга, связывать" (ТИУ, № 640), "ручные колодки" (ТИУ, № 642), "ножные колодки" (ТИУ, № 638, 643), "забивать в колодки" (ТИУ, № 637), "деревянная решетка для дробления ног" (ТИУ, № 634, 644).

В состав иероглифа "канга" (ТИУ, № 640) входит элемент, обозначающий отсутствие чего-либо, и элементарный знак "сила". Большую часть знаков "ручные колодки" и "ножные колодки" составляет элемент, не поддающийся истолкованию, но в состав последнего иероглифа входит элементарный знак "нога" [Кычанов, 1964, с. 130—131, табл.], указывающий на функцию данного предмета. Зафиксирован бином, переводимый выражением "ручные и ножные колодки" (по словарю "кандалы"), состоящий из указанных выше знаков (ТИУ, № 646). Поскольку у тангутов были слова "цепь" и "сковывать", не исключено, что им были известны ручные и ножные оковы. Но колодки на Дальнем Востоке употреблялись чаще.

Бином "канга" (ТИУ, № 645) состоит из иероглифа "дерево" (МП, № 392) и "шея" [Невский, т. I, с. 286] — наглядность, обычная для тангутской письменности. Этот бином входит в выражение "надевать кангу" (ТИУ, № 647).

Изображений людей, связанных веревкой или закованных в цепи, в памятниках тангутской иконографии не со-

хранилось. Равным образом до нас не дошло изображений ручных и ножных кандалов, названия которых зафиксированы в письменных памятниках. Но на гравюре Танг. 219, инв. № 586 и Танг. 376, инв. № 95 мы видим людей с кангами на шее. Особенно ясно изображено это орудие наказания на гравюре Танг. 376, инв. № 95. Перед нами — две доски, ущемляющие шеи жертвы. Одна из них короче другой. Доски замкнуты ниже и выше шеи наказанного деревянными засовами, концы которых выдаются за края канги. Руки узников кажутся не ущемленными кангой, а привязанными к ней. Судя по данным источников, замки канги иногда связывались веревкой [ТИУ, № 641].

10. Мелкие предметы

Сохранившиеся в памятниках тангутской письменности иероглифы, обозначающие предметы быта, относятся к мелким вещам. Наиболее часто встречаются знаки, переводимые как "запор", "замок" (ТИУ, № 649, 650, 656), "ключ" (ТИУ, № 665), "замок" (ТИУ, № 666). Первый иероглиф, состоящий из простой комбинации элементов "металл" и "дерево", входит в качестве составного знака в биномы, обозначающие два последующих понятия. В качестве второго знака в оба бинома входит иероглиф "открыть, освободить" (МП, № 3332), но в биноме, обозначающем ключ, он стоит на втором месте, а в биноме, переводимом словом "замок", — на первом.

Два одиночных знака (ТИУ, № 663, 664) и два бинома (ТИУ, № 667, 670) переводятся как "метла, щетка". В состав обоих одиночных знаков входит элемент "трава" [Кычанов, 1964, табл. между с. 127—128, с. 130—131, табл.], но второй, обозначающий собственно метлу, находится сверх того под детерминативом "дерево". Это единственный из мелких предметов, нашедший отражение в памятниках иконографии тангутов. Мы видим метлу на длинной ручке в руках персонажа, обметающего субурган, на гравюрах Танг. 320, инв. № 71, 83. На гравюре инв. № 8100 два якшаса вооружены почти такими же метлами.

Приборы для измерения представлены в письменных памятниках двумя понятиями: "безмен, весы" (ТИУ, № 648) и "ковш, мера сыпучих тел" (ТИУ, № 655). В состав знака, переводимого словом "весы", входит элемент "рука", как будто указывающий на то, что речь идет о ручных весах. Второй знак находится под детерминативом "дерево". Вероятно, речь идет о деревянной мерке, которой отмеряли зерно.

Семь иероглифов обозначают орудия птицелова и рыболова — "клетка" (также имеет значение "корзина",

ТИУ, № 651), "силки, сети" (ТИУ, № 657–658, 660) и "рыболовный крючок" (ТИУ, № 654, 661, 662). О том, что в первом случае речь идет именно о клетке для птицы, свидетельствует элементарный знак "птица" [Кычанов, 1964, с. 127–128; табл.; с. 130–131, табл.], входящий в состав иероглифа. Материал, из которого была сделана такая клетка, также не вызывает сомнения – иероглиф находится под детерминативом "дерево". Знак "рыболовный крючок" находится под детерминативом "металл".

Из названий предметов личного обихода в письменных памятниках зафиксированы слова "дождевой зонт" (ТИУ, № 668) и "зеркало" (ТИУ, № 659). Со словом "зонт" мы уже сталкивались в разделе о царских регалиях (ТИУ, № 215). В данном случае известный нам знак входит в бином, первый знак которого переводится как "головной убор, шапка" (ТИУ, № 170).

В состав иероглифа "зеркало" кроме детерминатива "человек" входит элементарный знак "глаза" [Кычанов, 1964, с. 130–131, табл., с. 136].

В Шанхайском музее хранится квадратное металлическое зеркало с тангутской надписью [Чэнь Бинъин, с. 420].

Предметом, которому можно найти место как в данном разделе, так и в разделе об осветительных приборах, являются щипцы для углей (ТИУ, № 669).

11. Игры

В источниках зафиксировано два знака (ТИУ, № 671, 672), переводимые словами "шашки, шахматы". Второй знак (ТИУ, № 672) имеет также значение "карточная игра".

Игры, подобные шашкам и шахматам, известны многим народам мира с глубокой древности. Особый интерес в данном случае представляет карточная игра. Сейчас считается доказанным ее центральноазиатское происхождение, подтвержденное археологическими находками [Картер, с. 183–192]. Не исключено, что тангуты знали ее.

Глава четвертая

ПИЩА

Если схема описания предметов одежды, оружия и утвари разработана этнографами достаточно подробно, то принципы изложения вопросов, связанных с продуктами питания, не столь определенны. Автор взял на себя смелость придерживаться классификации, основанной на связи определенного вида пищи с той отраслью хозяйства, которая производит сырье для его изготовления, — скотоводством, охотой, земледелием.

Источники донесли до нас ряд знаков, обозначающих пищу вообще. Три одиночных знака и один бином (ТИУ, № 674, 675, 679, 680) находятся под детерминативом "рот". Есть и другие знаки для обозначения пиши (ТИУ, № 676, 677, 678).

1. Профессии, связанные с изготовлением пищи

Анализ иероглифа "повар" (ТИУ, № 681) в значительной мере уточняет и раскрывает его значение. В его состав входят элементы "вода", "огонь" и "дерево". Само собой складывается представление о лице, кипятящем или варящем что-то на огне, для поддержания которого используется дерево.

Два знака (ТИУ, № 682, 683) переводятся словосочетанием "нагреватель вина". По-видимому, речь идет не о приборе, а о человеке, может быть рабе или прислужнике. В состав первого знака входит элемент "вода" в его наиболее распространенном начертании.

На одной из фресок Юйлиньку изображен процесс изготовления вина. Перед очагом сложной конструкции — две женщины, одна из которых поддерживает огонь, а другая держит в руке чашку. На очаге стоит чайник для подогревания вина и пиала на высокой ножке. Чэн Бинъин, основываясь на больших размерах очага, считает, что перед нами — изображение винокурни в богатом доме [Чэнь Бинъин, с. 42].

2. Продукты скотоводства и охоты

Мясные продукты

Представляется естественным, что важным продуктом питания народа, в хозяйстве которого значительную роль играло скотоводство, было мясо.

Помимо общих терминов, переводимых словами "мясо", "плоть" (ТИУ, № 687, 704, 708), "кусок", "порция мяса" (букв. "деленое мясо", ТИУ, № 709), в источниках можно найти названия различных сортов мяса. В иероглифе "свежее мясо" помимо указанного наличествует детерминатив "вода" (ТИУ, № 686). Знак, переводимый как "красное мясо" (ТИУ, № 688), также может обозначать "свежее нежареное мясо".

Несколько знаков переводятся как "несочное, сухое мясо" (ТИУ, № 685, 699, 700, 705, 706). Возможно, что кроме прямого значения "низший сорт мяса" (так, например, переводят знак ТИУ, № 700) речь может идти о сушеном мясе, часто заготовляемом впрок кочевыми и охотничьими народами (сушеное мясо у монголов, пеммикан у аборигенов Америки). Сушеное мясо известно и земледельческим народам, в частности китайцам.

Тангуты использовали в пищу не только мясо, но и внутренности животных. О том, насколько распространен был этот вид пищи, свидетельствует большое количество знаков, обозначающих требуху, кишки, иногда смесь из накрошенного мяса и кишок (ТИУ, № 684, 696, 697, 701, 703, 707). Кроме кишок в пищу шла печень (ТИУ, № 698) и костный мозг (ТИУ, № 694, 695).

Перечисленные в разделе, посвященном сельскому хозяйству, названия пород домашних животных позволяют судить о том, какое значительное место отводилось мясным блюдам в рационе тангутов. Наличие в памятниках письменности и иконографии сведений о домашних птицах заставляет предполагать у тангутов наличие птицеводства. Кроме мяса птиц в пищу шли и их яйца, также упоминающиеся в источниках (ТИУ, № 691–693).

Многочисленные названия диких животных говорят о том, что тангутам была известна и охота. Перечислить всех животных, на которых могли охотиться тангуты, — задача, выходящая за рамки данной работы.

Представляется интересным отметить специфический продукт охоты — мясо съедобной черепахи (ТИУ, № 689, 690).

Молочные продукты

Источники сохранили четыре знака, обозначающие молоко (ТИУ, № 710, 717, 718, 720). Тангуты употребляли

в пищу сливки (ТИУ, № 716, 721, 723), сливочное масло (ТИУ, № 713, 715, 726), творог (ТИУ, № 711, 714, 724), сыворотку (ТИУ, № 712). Два знака дают представление об изготовлении молочных продуктов: масла ("молоко в сосуде взбалтывать, масло отделять" — пояснение к знаку ТИУ, № 719) и творога ("если скисшее молоко процедить, то, что останется, есть творог из сырого молока" — пояснение к ТИУ, № 724). Судя по данным источников, тангутам были известны такие кушанья, как айрак (ТИУ, № 725; также "варенец, творог, сыворотка"). По-видимому, национальное молочное блюдо обозначено иероглифом, поясняемым в "Море письмен" фразой: "... в кипяченое молоко сливки кладут и получается..." (ТИУ, № 722). Конец фразы утрачен.

3. Продукты земледелия

Зерновые

Развитое земледелие, существовавшее у цянских племен издавна наряду со скотоводством, обусловливает наличие в письменных памятниках большого количества знаков, относящихся к зерновым культурам. Это прежде всего общие термины "зерно" (ТИУ, № 727) и "пять сортов зерна" (ТИУ, № 728). Последний термин — перевод китайского выражения, указывающего на китайское влияние.

Наиболее распространенной зерновой культурой был, по-видимому, рис. В источниках зафиксировано девять знаков, обозначающих рис как сам по себе, так и различные сорта риса и кушанья, приготовляемые из него (ТИУ, № 729, 730, 734, 741, 742, 750, 752, 755, 757). Из сортов риса можно отметить белый рис (ТИУ, № 741), рис неклейкий (ТИУ, № 734), поздний неклейкий рис (ТИУ, № 752), клейкий рис (ТИУ, № 757). В качестве блюд, приготовляемых из риса, выделены вареный рис (ТИУ, № 730), поджаренный рис (ТИУ, № 750), пареный рис (ТИУ, № 755). Особо отмечена рисовая мука (ТИУ, № 742). Знак, переводимый дословно как "рисовый отвар" (ТИУ, № 857), также обозначает жидкую кашу или просто кашу из любого сорта зерна.

Из других зерновых тангутам были известны пшеница (ТИУ, № 733, 735), просо (ТИУ, № 736, 739, 756), ячмень (ТИУ, № 737), горох (ТИУ, № 732). В источниках представлено много различных видов бобовых: черный соевый боб (ТИУ, № 747), бобы (ТИУ, № 746, также "горох"), вьющиеся бобы (ТИУ, № 748), вика (ТИУ, № 743). Какой-то особый сорт бобов обозначает бином, встречаю-

щийся в "Цзы цза" (ТИУ, № 749). Он состоит из знаков "бобы, горох" (ТИУ, № 732) и "конопля".

Ряд биномов, несмотря на то что значение составляющих их знаков известно, трудно поддаются толкованию. Такие сочетания, как "рис + ячмень" (ТИУ, № 753), "ячмень + пшеница" (ТИУ, № 758), "конопля + вика" (ТИУ, № 759), могут обозначать как простое сочетание двух одиночных знаков, так и особые сорта. Автор склоняется в пользу второго предположения, так как сравнение с другими источниками показывает, что сочетание знаков в "Цзы цза" в подавляющем большинстве представляет собою цельные выражения. Три бинома (ТИУ, № 744, 745, 754) состоят из знаков, не зафиксированных ни в одном источнике, кроме "Цзы цза".

Н.А.Невский и Э.Гринстед отмечают знак, переводимый ими как "подсолнечник" (ТИУ, № 731).

Кроме знака "рисовая мука" (ТИУ, № 742) известен знак, обозначающий муку вообще (ТИУ, № 751). С понятием "хлеб" чаще всего ассоциировалось просо (ТИУ, № 739). О других мучных изделиях будет сказано особо.

Овощи, фрукты, съедобные растения

Все упомянутые растительные продукты объединены в источниках в одну группу. Поэтому представляется закономерным рассматривать их вместе и в данной работе.

В источниках сохранился общий термин, обозначающий овощи и съедобные растения (ТИУ, № 760). Этот знак находится под детерминативом "дерево". Кроме того, зафиксирован иероглиф, переводимый словом "овощи" (ТИУ, № 761), и бином со значением "овощи, вегетарианское блюдо" (ТИУ, № 762).

К сожалению, среди множества названий овощей, обнаруженных в источниках, многие не поддаются расшифровке. Такие непонятные названия встречаются главным образом в "Цзы цза" и "Море письмен" (ТИУ, № 765, 766, 770, 772, 773, 775, 783, 784, 790–792, 794, 795, 799, 802–809). Хотя во многих из этих знаков встречаются общие элементы, указывающие на близость обозначаемых ими предметов, в целом невозможно понять, о каких овощах идет речь.

Если судить по количеству зафиксированных знаков, значительное место среди огородных растений, культивировавшихся тангутами, занимала брюква (ТИУ, № 767, 769, 788, 794, 810, 811; другой перевод – "турнепс"). В знаках, переводимых как репа, редька, корнеплоды (ТИУ, № 771, 774), присутствует графема, характерная и для всех иероглифов, обозначающих брюкву.

Из других сортов овощей в источниках упоминается
 баклажан (ТИУ, № 786, буквально "темно-синий овощ",

№ 801), лук (ТИУ, № 781), тыква-горлянка (ТИУ, № 778), шпинат (ТИУ, № 797), портулак (ТИУ, № 812). Вероятно, какие-то огородные культуры, близкие к брюкве и репе (если судить по графическому сходству знаков), обозначают знаки, переводимые Невским как "ароматный овощ" (ТИУ, № 798) и "ранний овощ" (ТИУ, № 813).

Тангуты-земледельцы разводили и фрукты. В источниках упоминаются абрикос (ТИУ, № 785), груша (ТИУ, № 789), виноград (ТИУ, № 782), гранат (ТИУ, № 780), апельсин (ТИУ, № 776). По-видимому, общее понятие "фруктовые деревья" обозначает иероглиф, поясняемый в "Море письмен" словами "деревья — каштан и абрикос" (ТИУ, № 779). Существует специальный знак, переводимый как "название мягкого, вызревшего плода" (ТИУ, № 763). Как специфический дальневосточный продукт может быть отмечен съедобный лотос (ТИУ, № 777), мята (ТИУ, № 801) и "дерево со съедобной корой" (корица? ТИУ, № 787). Впрочем, два последних растения могут быть отнесены к приправам. Отмечен специальный термин для наименования чайного листа (ТИУ, № 764). О чае как о напитке речь пойдет в соответствующем разделе.

4. Приправы

К приправам, употреблявшимся в тангутской кухне, прежде всего следует отнести соль, добыча и торговля которой занимали важное место в тангутской экономике. Бруски соли играли роль своеобразной ходячей монеты, эталона стоимости при торговле с соседними странами. К сожалению, мы не располагаем достаточно точными сведениями о том, добывали ли тангуты соль не только из солончаковых озер, но и из соляных шахт. В глоссариях к переводу Тангутского кодекса законов [Кодекс] помещено иероглифическое обозначение места добычи соли (по-видимому, не название шахты или озера, а топоним, ТИУ, № 817 [Кодекс, т. IV, с. 639]).

В тангутских источниках зафиксировано два знака для обозначения соли (ТИУ, № 814, 815) и один, имеющий смысл "соленый" (ТИУ, № 816).

Кроме минеральных приправ тангуты употребляли и растительные. Отмечен общий термин для обозначения пряностей (ТИУ, № 820; может быть, название какой-то неизвестной пряности), перец (ТИУ, № 818), горчица (ТИУ, № 819, 821; также "сурепка").

5. Напитки

Источники сохранили как общие термины для обозначения напитков (ТИУ, № 822, 823), так и знаки, имеющие отношение к самой технологии их приготовления.

В тангутских источниках отмечены иероглифы, поясняемые словами: "название того, когда закрывают с тем, чтобы заставить скиснуть" (ТИУ, № 825), "закрыть сусло, закваску и квасить вино" (ТИУ, № 831), "доу зерна смолов, с лекарственными травами смешав, сусло делают и винную закваску кладут" (ТИУ, № 824). Один из биномов дословно обозначает "сквашенный напиток" (ТИУ, № 833).

Один единичный знак (ТИУ, № 826) и бином (ТИУ, № 834) переводится как "варка риса и приготовление кумыса". Как связать эти два столь различных процесса, неясно; может быть, здесь имеет место общее понятие "готовить пищу". Какой-то напиток, изготовляющийся путем брожения, по-видимому, обозначает бином, который можно перевести словами "кислый напиток" (ТИУ, № 835).

Э.Шефер, основываясь на китайских источниках, упоминает, что тангуты варили пиво из риса [Шефер, с. 192]. Зафиксирован знак, переводимый как "сок, отвар, сироп, соус" (ТИУ, № 832).

Из названий наиболее распространенных напитков можно отметить кумыс (ТИУ, № 827, 836), вино (ТИУ, № 828, 729), чай (ТИУ, № 830, 837). Поскольку тангутам был известен виноград, можно думать, что они изготовляли и виноградные вина, как и соседний с ними Китай, но в тангутских текстах об этом не говорится.

6. Хлебные изделия

Обилие зерна, выращиваемого тангутскими земледельцами, обусловливало и большое количество хлебных изделий.

О муке и хлебе говорилось в разделе, посвященном зерновым культурам. Беднякам-тангутам пищей также служили и жмыхи — отходы продуктов земледелия (ТИУ, № 850). Более состоятельные слои общества разнообразили свой стол многочисленными сортами хлебных изделий.

Это были прежде всего пампушки, известные и в Китае (ТИУ, № 838, 842, 848). Сохранились знаки, обозначающие пироги и пирожки (ТИУ, № 839, 841), а также блины и лепешки (ТИУ, № 840). Последний знак входит как составная часть в название многих выпечных изделий, которые чрезвычайно многочисленны и разнообразны.
 Не имея возможности составить о них полное представле-

ние, автор счел должным дать описания, основанные на дословном переводе знаков, входящих в биномы, составляющие названия этих изделий.

В источниках упоминаются "сухой блин" (ТИУ, № 843; печенье?), "разноцветный блин" (ТИУ, № 845), "грубый блин" (ТИУ, № 847), "пареный блин" (ТИУ, № 849). Один из биномов (ТИУ, № 846) обозначает просто "блины".

Кроме описанных выше изделий следует отметить бином, переводимый как "пирожное (в форме) серпа" (ТИУ, № 844).

7. Сладкие блюда

В тангутских источниках кроме бинома, переводимого как "лакомство, деликатес" (ТИУ, № 853), можно найти названия таких сладких блюд, как мед (ТИУ, № 851, 855) и сахарный тростник (ТИУ, № 852, 856). Из последнего, вероятно, изготовлялся и сахар, бывший в то время большой редкостью и игравший роль самостоятельного блюда, а не приправы.

В "Цзы цза" зафиксирован бином, второй знак которого сильно испорчен лакуной. Судя по тому что в состав первого знака — "сладкий" — и поврежденного знака входят как будто бы общие элементы, можно предположить, что речь идет о каком-то сорте сахара.

8. Различные блюда

Помимо перечисленных выше специфических блюд тангуты приготовляли из растительных и животных продуктов кушанья, общие для большинства народностей самых различных эпох.

Из зерна чаще всего варилась каша или отвар (ТИУ, № 857, 862). Известно было также поджаренное зерно (ТИУ, № 858, 860). Нечто специфическое, по-видимому, представляло кушанье, название которого можно перевести как "блюдо из сухого риса" (ТИУ, № 863). О том, как его употребляли в пищу, говорится в тангутской пословице, где впервые зафиксировано это выражение: "В блюдо, приготовленное из сухого риса, воду наливают" (ТИУ, № 864).

В источниках зафиксировано такое кушанье, как "мелкая лапша с бульоном" (ТИУ, № 859, 861).

Глава пятая

АРХИТЕКТУРА

1. Типы поселений

Источники не сохранили специальных терминов для обозначения кочевий пастухов-тангутов. Однако в них встречается немало знаков, переводимых словами "юрта, кибитка, палатка" (ТИУ, № 962, 973, 975, 977, 987, 990, 1003). Поскольку многие из них имеют также значение "дом, жилое помещение, комната", можно предположить, что именно юрты представляли собой наиболее раннюю форму тангутского жилища. Тангутский вельможа Ашаганьбу в своем ответе послам Чингис-хана упоминал "решетчатые юрты". Китайские источники указывают также на то, что у тангутов-кочевников были и шатры [Кычанов, 1959, с. 122].

Иконографический материал как будто подтверждает данные источников. На гравюре Танг. 320, инв. № 71 мы видим монаха, сидящего в помещении, в котором нетрудно угадать черты жилища центральноазиатских кочевников. Налицо решетчатый верх и плетеные маты, выстилающие основание юрты.

Близость тангутов к современному населению Тибета дает основания думать, что шатры тангутов выглядели так же, как и жилища тибетских скотоводов, — палатки из грубой шерстяной материи или войлока.

Ши Цзиньбо, опираясь на китайские исторические сочинения, прямо говорит о шатрах из материи, сотканной из шерсти яков, а также о шатрах из бараньих шкур, которые меняли каждый год [Ши Цзиньбо, с. 201].

Следовательно, и тангутские и китайские источники отмечают два типа жилищ кочевников — юрту и шатер. Оба типа предполагают наличие специфической формы поселения — кочевья. Впрочем, как мы увидим ниже, юрты могли использоваться и в качестве жилищ оседлого населения.

Тангуты, занимавшиеся отгонным скотоводством, жили в глинобитных домах, как и земледельцы.

Источники сохранили названия таких типов поселений, как деревня (ТИУ, № 869), город (ТИУ, № 868; второе значение "стена"), небольшой город (ТИУ, № 865, 866, 871—874; второе значение "крепость, огороженное стеною место, лагерь"), большой город (ТИУ, № 867, 870).

 Тангуты в процессе своего расселения заняли часть

китайской территории. Поэтому города Си Ся можно разделить на бывшие китайские, впоследствии перестроенные тангутами [Кычанов, 1959, с. 112], и собственно тангутские, носившие ярко выраженный центральноазиатский характер. О том, как сильны были элементы оседлой жизни в государстве Си Ся, свидетельствуют слова Рашид-ад-Дина о том, что "племя тангут большей частью обитало в городах и селениях" [РАД, с. 143].

Большая часть городов Си Ся, как и многие средневековые города Центральной Азии, не отличались большими размерами. Это определялось самим характером центральноазиатского города. О последнем мы можем судить по дошедшему до нас описанию Каракорума, столицы монголов. Кроме ханского дворца в нем были дома только в магометанском и китайском кварталах. Кочевники часто ставили юрты внутри городских стен. Главные рынки были за воротами города [Шервуд, с. 56]. Вплоть до сравнительно недавнего времени Урга (современный Улан-Батор, столица Монголии) также состояла из небольшого ядра постоянных жилищ — домов знати, группировавшихся вокруг дворца богдо-гегена, ремесленных кварталов и улиц, представлявших собой ряды юрт.

Данные раскопок наглядно показали принципы тангутского градостроительства.

Наиболее исследованным является Хара-хото. Кроме уже обследованного П.К.Козловым мусульманского квартала с мечетью и отдельных зданий раскопки последних лет выявили основную планировку города.

Внутренняя часть Хара-хото делится на восточную и западную. В восточной части города найдено небольшое количество кирпичей и остатков деревянных конструкций. Квадратное здание в юго-восточной части, судя по толстому слою сена и овечьему помету, покрывающему пол, было овечьим загоном. От восточных ворот шла прямая улица, пересекавшая центр города.

В западной части Хара-хото сохранилось несколько субурганов и крупных построек. Там же сохранились следы многочисленных укреплений.

В центре города есть развалины большого дворца, где кроме изделий из золота и железа (золотой жезл, железные гвозди) были найдены обрывки документов [Чэнь Бинъин, с. 85—86].

Судя по преобладанию в западной части города крупных кирпичных построек, а в восточной — глинобитных, а также по характеру найденных предметов, западная половина Хара-хото была военно-административным и религиозным центром города. В восточной части располагались дома мелких чиновников и военных. За восточными воротами города обнаружены развалины квартала, где обитали простолюдины [Чэнь Бинъин, с. 87].

Интересно наличие за городской стеной еще одного ряда стен, задерживающих песок.

10-4 280

Открытием века можно считать обнаружение к северо-западу от Динчжоу древнейшего тангутского города Шаовэйчэн, построенного еще до образования империи Си Ся вождем Тоба-Дэмином. Город оказался квадратным в плане. Стены его были глинобитными, суживающимися кверху и расширяющимися книзу. На восточной и южной стенах были ворота, от которых вели улицы [Чэнь Бинъин, с.87].

Кроме этих двух городов открыто еще несколько развалин небольших поселений городского типа.

Общие черты, присущие большинству тангутских городов, таковы: 1. Обязательная квадратная планировка. 2. Преобладание глины и кирпичей в качестве строительного материала и незначительное использование камня. 3. Наличие у стен крупных городов поддерживающих их контрфорсов из битой глины, суживающихся кверху. Такие контрфорсы получили в Китае название "ма мянь" — "лошадиная голова".

Как видно на примере Хара-хото, стеной обносился административно-религиозный центр города. Простолюдины ютились за пределами стен, а вокруг, возможно, ставили свои юрты кочевники. Это не противоречит общему плану центральноазиатского города.

Г.Н.Потанин видел в северо-восточной части Ордоса развалины городища, имевшего "с севера на юг... 600 шагов длины, а с запада на восток 300" [Потанин, с. 87]. По-видимому, в данном случае речь идет о развалинах города, похожего на Хара-хото (о самом Хара-хото Г.Н.Потанин упоминает отдельно).

Следует оговориться, что города уйгуров — близких соседей и во многих отношениях учителей тангутов — часто носили иной характер. Некоторые из них, например Идикут-шари, отличаются значительными размерами.

2. Профессии, связанные со строительством

Знак "строитель" (ТИУ, № 875) включает в себя элементы "брать" и "рука". Возможно, что этот знак обозначал не только строителя капитальных зданий, но и мастеров, делавших юрты, — в Средней Азии есть эта специальность. Конечно, многие кочевники сами делали себе жилища из войлока и шерстяной ткани, хотя, вероятно, существовали и лица, специализировавшиеся в данной области.

В источниках сохранился бином, переводимый как "каменотес" (ТИУ, № 876; дословно "мастер по камню"). Этот термин уже определенно относится к человеку, занятому постройкой жилищ городского типа.

3. Материалы для построек

Прежде чем перейти к рассмотрению типов оседлых жилищ, представляется целесообразным коснуться вопроса о материалах, из которых они строились.

Китайские источники говорят о том, что крестьяне и горожане строили себе глинобитные дома [Кычанов, 1959, с. 112]. О том же повествует и "Сокровенное сказание", передающее слова монгольского полководца Толунчерби о том, что тангуты "живут в глинобитных городищах" [Козин, с. 190].

Тангутские источники сохранили немало названий таких материалов, как кирпич-сырец (ТИУ, № 884, 888), необожженная глина (ТИУ, № 879, 887), кирпич (ТИУ, № 881, 886). Следует заметить, что термины, обозначающие необожженную глину, переводились также и словом "штукатурка". Кроме них для штукатурки существовали и специальные знаки (ТИУ, № 883, 885).

Помимо глины материалом для постройки служило дерево. Сохранилось множество названий деревянных частей зданий. В качестве названий наиболее простых деревянных деталей постройки можно привести зафиксированные в источниках слова "кол" (ТИУ, № 880) и "колышек" (ТИУ, № 878). Последний термин, впрочем, мог обозначать и колышек для палатки.

Деревянные части построек иногда покрывались лаком. Иероглиф "лак, красивая, не смываемая дождем краска" (ТИУ, № 877) включает в себя детерминатив "дерево" и полностью знак "краснолицый" (одно из самоназваний тангутов). По-видимому, здесь мы имеем указание на цвет лака.

Дома знати, императорские дворцы и храмы крылись черепицей. Кроме знаков, обозначающих просто черепицу и переводимых также словом "кирпич" (ТИУ, № 881, 886), в источниках зафиксирован также иероглиф "черепица, которой помимо императорского дворца покрывают храмы" (ТИУ, № 882). Судя по китайской архитектуре и археологическим находкам в местах влияния китайской культуры, это была фигурная черепица.

Данные лексики и исторических источников подтверждаются данными археологии. Для всех обнаруженных тангутских городов характерно наличие битой глины, кирпича, черепицы и дерева. Лишь в Шаовэйчэне проемы ворот обложены камнем [Чэнь Бинъин, с. 99]. В городище на реке Юйшуй фундаменты зданий сложены из неодинаковых по величине квадратных и продолговатых кирпичей [Чэнь Бинъин, с. 101].

4. Элементы построек

Как важные части оборонительных сооружений, защищавших тангутские города, следует отметить городские стены (ТИУ, № 916, 928) и рвы (ТИУ, № 898, 955). Один из знаков, обозначающих ров (ТИУ, № 898), переводится также "водосточная канава", что указывает на наличие в городах тангутов, возможно, примитивной, но действующей системы очистки. Вероятно, мелкие города, как и в странах средневековой Европы, окружались помимо рва земляными валами с деревянной оградой сверху. Об этом свидетельствует знак, переводимый словами "ров, ограда, частокол" (ТИУ, № 930).

Отдельные здания и участки земли также обносились оградой. Источники сохранили термины "ограда, частокол" (ТИУ, № 889), "ограда, огороженное место, двор" (ТИУ, № 913), "темный круглый двор" (ТИУ, № 915), "забор, изгородь, плетень" (ТИУ, № 942, 957), "ограда, стена" (ТИУ, № 940), "садовая ограда" (ТИУ, № 938), "ограда" (ТИУ, № 942), "изгородь" (ТИУ, № 950).

Названия архитектурных элементов, общих для зданий любого периода и народа, зафиксированы в тангутских источниках во множестве. Можно привести такие иероглифы, как "ворота, дверь" (ТИУ, № 892, 908), "дверной порог" (ТИУ, № 896, 947), "окно" (ТИУ, № 900—904, 918, 920, 923, 952), "пол" (ТИУ, № 927), "стена" (ТИУ, № 932), "деревянная перегородка в помещении" (ТИУ, № 926).

Характерным для архитектуры тангутов является наличие большого количества деревянных частей. В источниках можно встретить такие названия, как "столб, колонна" (ТИУ, № 891, 922, 948), "балка, матицы" (ТИУ, № 895), "стропила, деревянные балки" (ТИУ, № 899, 906, 921), "опора, деревянная матица" (ТИУ, № 910), "большая матица, подпорка в доме" (ТИУ, № 917, 943), "большая деревянная балка в доме" (ТИУ, № 919), "потолочная балка" (ТИУ, № 924), "тонкие балки, перекладины среди бревен в помещении" (ТИУ, № 933, 944), "стропила, перекрытия в храме" (ТИУ, № 914). Встречаются и знаки, поясняющие конструкцию подобных сооружений: "стыки стропил; веревки, связывающие стропила" (ТИУ, № 953), "связывать, соединять, класть одно на другое" (ТИУ, № 954). Все эти деревянные конструкции присущи архитектуре большинства стран Центральной Азии и Дальнего Востока.

К деревянным сооружениям относятся, вероятно, и такие архитектурные элементы, как "терраса, помост" (ТИУ, № 893, 936), "веранда" (ТИУ, № 935), "перила" (ТИУ, № 912, 925), "перила моста" (ТИУ, № 946). Неоднократно упоминаемая в источниках "галерея вокруг здания" (ТИУ, № 894, 934, 956), "терраса храма" (ТИУ, № 951) еще более сближает архитектуру тангутов с архитектурой стран

Дальнего Востока. К деревянным частям здания относится также "стреха", "карниз" (ТИУ, № 911, также "свисающий край крыши"; ТИУ, № 949).

Наличие в источниках знака, переводимого как "ярусы, этажи" (ТИУ, № 909), указывает на существование у тангутов многоэтажных зданий. Скорее всего это пагоды и реже дворцы или башни. Однако в Тибете известны двухэтажные жилые постройки. Раскопки в Хара-хото обнаружили высокие глинобитные башни, иногда сплошные, иногда с помещениями внутри. Их считают башнями для сигнальных колоколов и барабанов [Чэнь Бинъин, с. 85]. Имеют ли эти башни отношение к упомянутому тангутскому знаку — сказать трудно.

Хотя в разделе, посвященном утвари, уже упоминались замки, представляется целесообразным еще раз остановиться на приспособлениях, с помощью которых тангуты запирали свои жилища. Термины, приведенные в данном разделе, имеют специфический оттенок смысла "засов, щеколда" (ТИУ, № 890, 897, 905), заставляющий отнести их к принадлежности жилища, а не к мелким предметам утвари. Один иероглиф (ТИУ, № 937), переводимый словами "запирать, завязывать", как будто указывает на обычай завязывать засов веревкой, а не запирать замки, — способ, использовавшийся, вероятно, представителями малоимущих слоев тангутского общества, обладателями скромных жилищ.

Раскопки подтверждают наличие всех упомянутых выше элементов архитектуры. Водосточные канавы и колодцы есть в городище на реке Юйшуй [Чэнь Бинъин, с. 102]. Остатки городских ворот в Шаовэйчэне особенно интересны. Сохранились каменные базы опорных столбов с пазами для крепления ворот и отверстием для шкворня, которым они запирались [там же, с. 99]. Железные щеколды для ворот обнаружены в Хара-хото [там же, с. 85, 86].

5. Типы построек

Перечисленные выше архитектурные детали, позволяющие судить о высоте строительного искусства тангутов, заставляют предполагать наличие многочисленных типов жилищ, отражающих и социальное деление общества Си Ся.

О жилищах кочевников было сказано выше. Китайские источники упоминают в качестве жилища беднейших слоев тангутского общества хижины и землянки [ССЦШ, 1888, цз. 10, с. 6а].

В тангутских источниках сохранилось шесть терминов — три одиночных знака (ТИУ, № 958, 962, 968) и три бинома (ТИУ, № 998, 1000, 1001), обозначающие шалаш из

тростника или травы. По-видимому, это хижины отшельников, но можно думать, что и бедняки-тангуты иногда делали для жилья тростниковые хижины или крыли свои дома травой.

Дома из более прочного материала обозначены прежде всего общими терминами. Наряду с терминами, обозначающими любой вид жилища, от юрты до дома, встречаются слова, которые, по-видимому, можно перевести как "дома оседлого населения" (ТИУ, № 964, 966, 974, 979, 982, 984, 987, 1008). Жилищами зажиточных людей могли быть каменные здания (ТИУ, № 1011; вспомним уже упоминавшееся название профессии "каменотес") и многоэтажные здания (ТИУ, № 979, 980, 992).

Археологические изыскания в Центральной Азии доставили нам большое количество изображений зданий. Те из них, которые восходят к эллинистическим, иранским и индийским прототипам, не оказали особого влияния на тангутскую архитектуру.

Уйгуры, соседи тангутов, их враги и одновременно учителя во многих областях культуры, несомненно, имели с ними много общего и в типе построек. На фресках из Ходжо мы постоянно встречаем одно- или двухэтажные здания с белыми, очевидно оштукатуренными, стенами, с голубовато-серыми черепичными крышами с поднятыми углами, с красными деревянными (лакированными?) колоннами и рамами окон, на фундаменте из каменных плит или блоков [Лекок, 1913, табл. 17—19, 21, 52]. Все это вполне соответствует сведениям источников, приведенным в разделах о строительных материалах и элементах построек.

Собственно тангутское искусство почти не содержит изображений зданий. Но то немногое, что мы можем извлечь — например, изображения зданий городского типа на гравюре Танг. 320, инв. № 71, — дает нам почти те же элементы, что и уйгурские фрески, правда с преобладанием деталей дальневосточной архитектуры. Мы видим крыши с поднятыми углами, круглые колонны, мелкий деревянный переплет оконных рам, характерные приподнятые фундаменты с ведущими к ним каменными лестницами.

Иероглиф, переводимый словами "дом, где живут старые родители" (ТИУ, № 972), несомненно, обозначает отдельное помещение в жилом комплексе семьи.

Своеобразным типом здания, вероятно беседкой или чем-то вроде помещений для приема гостей в богатых домах и дворцовых комплексах, являлся "огороженный изгородью зал без стен" (ТИУ, № 1005). В качестве служебных помещений в тангутских источниках упоминаются кухня (ТИУ, № 1010) и загон для скота (ТИУ, № 1007).

Специфические архитектурные формы представлены в тангутской архитектуре мостами (ТИУ, № 967, 983, 988) и колодцами (ТИУ, № 981, 989). Изображение колодезного сруба из толстых бревен мы видим на гравюре с "докшитом и драконом".

Интересно наличие в тангутских источниках многочисленных терминов, обозначающих кладовую, склад, сокровищницу (ТИУ, № 959, 969, 970, 976, 985, 986, 991). Это косвенным образом указывает, с одной стороны, на значительное накопление имущества, порожденное экономическим неравенством, с другой — на существование правительственных складов. О последних, обычно находившихся в городах, говорят и китайские источники (ССЦ, цз. 20, с. 28Б). К этой же категории относятся и книгохранилища.

Из терминов, обозначающих административные здания, следует особо отметить два знака, переводимые как "тюрьма" (ТИУ, № 971, 993).

Тангутские императоры воздвигали себе пышные жилища. Особенно прославился строительством дворцов Тоба Юаньхао (1032–1048).

В тангутских источниках зафиксирован ряд слов, обозначающих здания дворцового типа (ТИУ, № 960, 961, 965, 978, 994, 995, 996). Два термина, переводимые как "дворец, императорский город" (ТИУ, № 960, 965), свидетельствуют о существовании у тангутов целых дворцовых комплексов, подобных резиденциям дальневосточных владык.

Гравюра Танг. 320, инв. № 71 дает нам изображение огромного дворца. Хотя сюжет гравюры религиозный, здание, изображенное на ней, по-видимому, передает реальные черты дворцов светских правителей. Обращают на себя внимание крыши с поднятыми углами, покатые стены, подобные стенам надвратных сооружений китайских укреплений, и совершенно самобытные проемы в форме трапеции.

6. Культовые сооружения

Древние цяны, как и многие кочевые народы Центральной Азии, совершали религиозные обряды под открытым небом, иногда на курганах, на вершине которых ставились жертвенники. В тангутских источниках зафиксировано название кургана как игравшего, по-видимому, роль храма (ТИУ, № 1012), так и в качестве погребального сооружения (ТИУ, № 1025). Кроме того, сохранился знак, переводимый словами "жертвенник, алтарь" (ТИУ, № 1016).

В дальнейшем, с усложнением тангутской религии, появляются храмы, которые представляют собой закрытые помещения. Кроме общих терминов, обозначающих храм (ТИУ, № 1015, 1017, 1018, 1024), встречаются знаки, обозначающие храм с нишей (для статуи божества?) (ТИУ, № 1013), храм духа-хранителя (ТИУ, № 1030), буддийский монастырь (ТИУ, № 1027). Судя по изображениям на гравюре Танг. 320, инв. № 71, храмы были похожи на город-

ские дома и отличались от них пышностью отделки. Значение одного из знаков, переводимых как храм (ТИУ, № 1024), можно перевести также словом "зал". Сохранился специальный знак для окна храма (ТИУ, № 1029).

Субурганы или пагоды (ступы) как форма культовой архитектуры и по сей день широко распространены в тех районах, где господствует буддизм. Назначение их — хранение реликвий (мощей, книг, статуй) и место захоронения выдающихся представителей буддийского духовенства. "Знаменитый субурган" в Хара-хото представлял собой и гробницу, и хранилище священных предметов. Наиболее удачным переводом термина "субурган" является слово "реликварий".

Членение субургана на отдельные элементы имеет глубокое символическое значение. В архитектуре субургана отражены пять основных элементов мироздания. Его основание символизирует землю, куполообразная середина — воду, шпиль — огонь, а венчающие его диск и навершие (острие или элемент в форме лепестка) — воздух и эфир [Уоддель, с. 175].

В памятниках тангутской книжной графики и иконописи мотив субургана повторяется множество раз. Иногда это простая постройка типа современных монгольских субурганов, иногда сложное сооружение, украшенное стилизованными лепестками лотоса, сложными надстройками, лентами, свешивающимися с верхней части (гравюра 320, инв. № 71).

На иконах субурганы окрашены обычно в белый цвет. В тех случаях, когда субурган многоцветный, наиболее часто в нем чередуются красный, желтый и белый цвета.

Археологическое обследование Хара-хото обнаружило много целых и разрушенных субурганов. По дороге от Эдзин-гола к Хара-хото экспедиция П.К.Козлова отметила два башнеобразных субургана, состоящих из многогранного цоколя, колоколообразной центральной части и конусообразного шпиля [Козлов, с. 102; Ольденбург, с. 3, рис. 2]. В самом городе субурганы встречались не только как отдельные памятники, но являлись элементами архитектурного декора стен и башен. Последнее характерно и для поздней тибетской архитектуры. В книге А.Уодделя "Лхасса и ее тайны" дано изображение главных ворот столицы Тибета [Уоддель, с. 243 и 245]. Они увенчаны надвратным сооружением в форме огромного субургана. На городских стенах также размещены субурганы меньших размеров.

В тангутских источниках встречается пять терминов — три одиночных знака (ТИУ, № 1014, 1020, 1021) и два бинома (ТИУ, № 1028, 1031) — для обозначения субургана. Один из них (ТИУ, № 1031) переводится также словами "могила, гробница". Для обозначения мест погребения зафиксирован также знак, обозначающий могилу вообще

(ТИУ, № 1022), и иероглиф, имеющий специфическое значение: "Место, предназначенное для оставления умерших" (ТИУ, № 1019). Это характерно для большинства тибетоязычных народов Центральной Азии. Многие путешественники отмечали обычай тибетцев разрубать тела умерших на части и оставлять их в специально отведенном месте на съедение птицам и зверям.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Данные тангутской лексики, иконографии, археологии рисуют яркую картину своеобразного быта, обычаев и культуры Си Ся.

Тулупы кочевников, зеленые длинные халаты богатых горожан, строго регламентированная форменная одежда военных и гражданских чиновников, роскошные шелковые одеяния знати свидетельствуют о социальном расслоении и сложной структуре тангутского общества. Непробиваемые доспехи тяжелой конницы, разнообразные орудия нападения — луки, арбалеты, топоры, славившиеся по всей Центральной Азии тангутские мечи, катапульты, обитые железом колесницы — все это делало тангутскую армию грозной силой. О высоте материальной культуры свидетельствует значительное развитие земледелия, снабжавшего население Си Ся обильными и разнообразными продуктами питания. Большую роль играло и скотоводство. Процветали ремесла, дававшие возможность производить одежду, оружие, утварь. Об архитектуре тангутов мы знаем немногое, но данные лексики и иконографии свидетельствуют о том, что тангуты строили сложные и красивые постройки. Раскопки тангутских городов (Хара хото, Шаовэйчэна и др.), по-настоящему начатые только в наши дни, подтверждают сведения словарей.

Культура эта безусловно относится к центральноазиатскому ареалу, для которого характерна полукочевая, полуземледельческая социально-экономическая база и культурный синкретизм. Испытав, с одной стороны, сильнейшее влияние Китая, с другой — ирано- и тюркоязычных народов (согдийцев, уйгуров), тангуты переработали их достижения и создали на их основе свою самобытную и настолько высокую культуру, что последняя, в свою очередь, многое дала более молодым народам Центральной Азии и Дальнего Востока (чжурчжэням, монголам). О взаимовлиянии тангутов и собственно тибетцев, с которыми они состояли в ближайшем родстве, трудно сказать что-либо достаточно определенное, так как археология Тибета до сих пор недостаточно изучена. Но сравнение с культурой поздних тибетцев показывает, что такое влияние было.

Подобно другим культурам Центральной Азии и Дальнего Востока, культура Си Ся является одновременно и

синкретической и самостоятельной. Если в области материальной культуры бросается в глаза синкретизм, то в характере искусства, письменности, науки, религии сказывается самобытность. Но все это относится уже к области духовной культуры, которой должно быть посвящено отдельное исследование.

ТАНГУТСКИЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Материалы для изготовления одежды

Одиночные знаки

Шелковые ткани

1. [魚骨 — юйгу], ngwə̣, нгвэ — шелк (МП, 4964).
2. ngwə̣, нгвэ — парча (Г, I, с. 75, № 5418).
3. — детерминатив "ткань", "материя".
4. [氐, 丁 — дин], tỊ, ти — большая часть знака "шелк", полностью знак "красивый" — наименование шелковой материи, атлас (МП, 1926); судя по биному ТИУ, 56, может быть разнописью ТИУ, 18.
5. [謀 — моу], mbụ, мбу — какой-то дорогой сорт материи; судя по биному ТИУ, 63, может заменять понятие "сокровище". Зафиксировано только в этом биноме. Возможно, речь идет о ткани, вышитой бисером (Н, I, с. 421; ЦЦ (с. 3), раздел VI).
6. [令, 泠, 領 — лин, лэн], ldi̭e, лдие — шелк, кисея, сетка (МП, 4147; Г, I, с. 75, № 3973; II, с. 224).
7. [囉 — ло], rạ, ра — газ, флёр, тюль (Н, I, с. 421; ЦЦ (с. 3), раздел VI (в биноме ТИУ, 65); Г, I, с. 75, 3966; II, с. 220).
8. , nI̭aш, ниаш — разновидность тонкой шерстяной материи (Н, I, с. 423; ЦЦ (с. 3), раздел VI); в биномах ТИУ, 52, 57.
9. , sǒ, шо — значение точно не установлено (Н, I, с. 420; ЦЦ (с. 3), раздел VI); в биноме ТИУ, 55.
10. [那 — на] — креп, газ (Н, I, с. 422; Г, I, с. 75, 3979, II, с. 244).
11. — по-видимому, разнопись ТИУ, 10 (ЦЦ (с. 3), раздел VI); в биноме ТИУ, 52.

---

* Сокращения: Н — *Н.А.Невский*, Тангутская филология. Т. I, II; МП — Море письмен; ЦЦ — Цзы цза, Танг. 19, инв. 210; Г — *E.Grenstead*, The Tangut Script; ЧЧЧ — Чжан-чжун-чжу; ПИ — *Е.И.Кычанов*. Вновь собранные драгоценные парные изречения.

12. [領 — лин], ldi̯e, лдие — *кэси* (Н, I, с. 420); в биноме ТИУ, 54.

13. [六 — лю], lɪ̯wu, ливу — связывать, стягивать, сучить нить (Н, I, с. 422; МП, 4546).

14. , , nẹ, не — желтый шелк (Г, I, с. 75, 3975; II, с. 244, 257).

15. [能 — нэн], nẹ, не — креп, газ (Н, I, с. 422; ЩЦ (с. 3), раздел VI); в биноме ТИУ, 58.

16. — вышитая ткань; возможно, разнопись ТИУ, 12 (Г, I, с. 75, 3977; II, с. 251).

17. — парча (Н, I, с. 420).

18. [丁 — дин], tɪ̯, ти — камка (Н, I, с. 421; ЩЦ (с. 3), раздел VI; Г, 1, с. 75, № 3976); в биноме ТИУ, 56.

19. [果 — го], kọ, ко — правая часть знака "красивый", большая часть знака "шелк", "тафта"; парча, шелковая материя с цветами (Н, I, с. 422), шелковая материя с узорами, название пестрого, разноцветного, с разного рода цветами (МП, 2561; ЩЦ (с. 4), раздел VIII; Г, I, с. 75, 3971; ПИ, с. 5б, изречение 50).

20. — камка (ПИ, с. 5б, изречение 50).

21. [乙 — и, 㗚 — ли], i̯ə, иэ — тафта, тонкий шелк (МП, 4980; Н, I, с. 421; ЩЦ (с. 3), раздел VI; Г, I, с. 75, 3978, II, с. 244; ПИ, с. 3а, изречение 16); в биномах ТИУ, 57—60.

22. [嵬 — вэй, 外 — вай], wẹ, ве — вышивка (МП, 4861).

23. [玉 — юй] — шелк-сырец, шелковая нить (МП, 3204; Н, I, с. 423, 598; Г, I, с. 75, 3969, II, с. 244, в значении "шелковое полотенце").

24. [那 — на], no, но — китайский шелк (МП, 4282).

25. [呤 — лин], rə̣, рэ — простой, без узоров шелк (МП, 4859).

26. [你 — ни, 年 — нянь, 念 — нянь], nin, нин — пестрый шелк, цветная материя (МП, 3998).

27. [客 — кэ], khi̯ə, кхиэ — газ, тюль, кисея (?). (МП, 3980).

28. [怛 — та, 捺 — най; 巴 — ба], tạ, та — вышивка (МП, 4683).

29. [知赤 — чжичи, 軫 — чжэнь], tsi̯ə — тшиэ — левая часть знака "нитка", правая часть знака "понуждать", "подтянуть ноги" — название соединения цветного, пёстрого и бесцветного (?) путем сшивания нитками (по-видимому, вышивка) (МП, 1149).

11-2 280

Простые ткани

30. [illegible] [悉 – си], se, се – конопля; трава, из которой ткут грубую ткань (Н, II, с. 346).

31. [illegible] [訛 – э], ·o, о – войлок (МП, 4307; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 137.

32. [illegible] [[illegible] – жи], ži, жи – холст, полотно, материя (Н, I, с. 236).

33. [illegible] [昧 – мэй, 妹 – мэй], mwei, мвеи – хлопок, вата, мягкий (МП, 3923).

34. [illegible] [浪 – лан] – из частей знаков "народ", "люди", "ухаживать за скотом"; нижняя часть знака "шерсть" – название шерсти, ворса, ткани, ковёр (МП, 2816).

35. [illegible] – ковёр; разнопись ТИУ, 34 (ЧЧЧ, л. 33).

36. [illegible] [婁 – лоу, люй, 勒 – лэ, 柳 – лю] – войлок, кошма, подстилка (МП, 4174).

37. [illegible] [那 – на, но], ndou, ндоы – сермяга, грубая ткань (МП, 1801).

38. [illegible] [[illegible]]? – левая часть знака "злой", правая часть знака "грубая шерстяная ткань" – название грубой шерстяной ткани (МП, 2554).

39. [illegible] [孛 – пэй, бо], phə, пхэ – грубая шерстяная ткань, сермяга (МП, 3724; Н, I, с. 301; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 122.

40. [illegible] [丙 – бин, 餅 – бянь], pie, пие – средняя часть знака "покрывать", правая часть знака "надежно укрываться" – название подстилки, циновки, войлока (МП, 1410, ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 138.

41. [illegible] [暮 – му], mbiu, мбиу – кошма, войлок, покрывало (МП, 3254, поясняет МП, 2137; ТИУ, 50).

42. [illegible] [危 – вэй], ngwi, нгви – полностью знак "кожа", полностью знак "одежда" – наименование одежды, сшитой из шкуры животного (МП, 419); меховая одежда (Н, I, с. 556).

43. [illegible] [[illegible] – муянь], kiwe, киве – правая часть знака "волос", полностью – знак "мочь", "быть в состоянии" – изготовление грубого сукна, сермяжины, сермяжной одежды (МП, 2326).

44. [illegible] [石 – ши, 食 – ши, 植 – чжи], šie, шие – верхняя часть знака "покров", "крышка", "закрывать", полностью знак "свиток" – название грубой материи из шелка и дикой конопли (МП, 328); грубая шерстяная материя (Н, I, с. 404).

45. [illegible] [濶 – ко, 寬 – куань], khwa, кхва – холст (МП, 3579; Н, I, с. 274; ЦЦ (с. 3), раздел VI).

46. [illegible] [恤 – сюй, 雪 – сюе], swī, свиы – кошма, войлок (МП, 3874; Н, II, с. 170; ЩЦ (с. 4), раздел VII).

47. [illegible] ? — по-видимому, разнопись ТИУ, 46 (ЦЦ (с. 4), раздел VII).

48. [illegible] [嚩 — фу], vi̯a, вия — левая часть знака "нитка", правая часть знака "окружать" — грубая шерстяная ткань (МП, 2365).

49. [illegible] [(? + 知 — чжи) + 暮 — му], vi̯u, виу — кошма, войлок (МП, 3251); поясняется ТИУ, 41.

50. [illegible] [特 — тэ], thɪ̯ə, тхиэ — левая часть знака "покрывало", "кошма", правая часть знака "закрывать", "накрывать" — кошма, войлок, покрывало (МП, 2137).

Биномы

51. [illegible] [illegible] [魚骨 — юйгу], ngwə, нгвэ + nɪn, ниын — красная парча (?) (ЦЦ (с. 3), раздел VI).

52. [illegible] [illegible] [那 — на?] + nɪ̯aш, инаы — тонкая шерстяная материя (?) (ЦЦ (с. 3), раздел VI).

53. [illegible] [illegible] [六 — лю], lɪ̯wụ, ливу + си, се — сучить нить, веревка, связывать туго, скрученная нить (Н, I, с. 201, 422).

54. [illegible] [illegible] [領 — лин], ldɪ̯e + ? — *кэсы* (Н, I, с. 420).

55. [illegible] [illegible] so, шо + [呤 — лин], re, ре — не поддается истолкованию (Н, I, с. 42; ЦЦ (с. 3), раздел VI).

56. [illegible] [illegible] [丁 — дин:], tɪ, ти + [令, 泠, 領 — лин, лэн], ldi̯e, лдие — шелковая материя, атлас (Н, I, с. 421; ЦЦ (с.3), раздел VI; ЧЧЧ, л. 25).

57. [illegible] [illegible] [乙 — и, 㗚 — ли], ɪ̯ə, иэ + nɪ̯aш, ниаы — разновидность тонкой материи типа тафты (?) (Н, I, с. 423).

58. [illegible] [illegible] [乙 — и, 㗚 — ли], ɪ̯ə, иэ + [— нэн], nẹ, не — газ (?) (Н, I, с. 422, ЦЦ (с. 3), раздел VI).

59. [illegible] [illegible] [乙 — и, 㗚 — ли], ɪ̯ə, иэ + mbi, мби — тонкая разновидность тафты, шелка (ЦЦ (с. 3), раздел VI).

60. [illegible] [illegible] [乙 — и, 㗚 — ли], ɪ̯ə, иэ + [石 — ши, 食 — ши, 植 — чжи], ši̯e, шие — "как по-китайски грубую шелковую материю называют" (Н, I, с. 404).

61. [illegible] [illegible] [皆 — цзе, 庚 — гэн], ke̯i, кеи + [呤 — лин], re, ре — золотая нитка (Н, II, с. 204).

62. [illegible] [illegible] [昧, 妹 — мэй], mwei, мвеи + [果 — го], ko, ко — разноцветный ковер (Н, I, с. 422).

63. [illegible] [illegible] [悮 — у], u, у + [謀 — моу], mbụ, мбу — ткань, вышитая бисером (?) (Н, I, с. 421; II, с. 421 ЦЦ (с. 3), раздел VI).

11-3 280

64. , pu̦, пу + [七 — ци], tshḭe, цзие — тонкая ткань (?) (ЦЦ (с. 3), раздел VI).

65. [濶 — ко, 寬 — куань], khwa, кхва + [囉 — ло], ra̦, ра — тонкий холст (?) (ЦЦ (с. 3), раздел VI).

66. [?] + [果 — го], ko, ко — вышитая парча (Н, II, с. 500).

Одежда

Общие термины. Одиночные знаки

67. [危 — вэй] — одежда (МП, 3455, поясняет МП, 176; Н, II, с. 258).

68. , lhwu, лхву — большая часть знака "сукно", шерстяная ткань", "платье из сукна", правая часть знака "панцирь", "латы" — одежда, платье; то, что надевают, наименование одежды, одеяния; дорожить, любить (МП, 2854; Н, I, с. 301).

Биномы

69. [危 — вэй] + [勒 — лэ] — одежда (Н, II, с. 258; ЧЧЧ, л. 24).

70. , lhwu, лхву + [危 — вэй] — одежда (Н, I, с. 301, II, с. 258; ЦЦ (с. 4), раздел VII).

71. , lhwu, лхву + [危 — вэй] — надевать одежду (Н, I, с. 301).

Мужская одежда

Социальные группы

72. [奴 — ну], ndu, нду — левая часть знака "девочка", полностью фамильный знак и имя — раб, слуга, работник, посыльный, женская прислуга (МП, 197; Н, II, с. 88); судя по звучанию, является калькой с китайского.

73. [皮 — пи], phi, пхи — левая часть знака "заставлять", правая часть знака "посыльный", "слуга", — раб, работник, прислуга, посыльный, слуга, домашняя прислуга, название рабов, слуг (МП, 352; Н, I, с. 592).

74. [精 — цзин], tsɪ̭ə, тсиэ — правая часть знака "должность", "чин", левая часть знака "птица" — чиновник, положение, влияние, наименование служебного поста, должности, чина, ранга (МП, 2557, Н, II, с. 496).

Одиночные знаки

75. [], lhɪ̭u, лхиу — левая часть знака "пояс", правая часть знака "держать" — пояс, кушак, опояска, средство закрепить, подвязать (МП, 2838).

76. [孛 — бо], phə, пхэ — черные одежды (МП, 3719; Н, I, с. 300; ЩЦ (с. 4), раздел VII; ПИ, с. 4[a], изречение 30); в биноме ТИУ, 113.

77. [浪 — лан], lon, лон — рубашка (Н, I, 301, 308).

78. [名 — мин, 明 — мин], min, мин — исподняя одежда, белье (МП, 5079; Н, II, с. 224; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 116.

79. ? — штаны, надевать штаны (МП, 4387).

80. [勒 絶 — лэцзюе], lwa, лва — левая часть знака "бедро", правая часть знака "правый", "противостоящий", "ответ" — набедренная подкладка под пояс (МП, 757).

81. tsi̭ə, тшиэ — левая часть знака "окружать", "обвязывать", правая часть знака "набрюшник" — набрюшник, окружать; евнух (?). (МП, 2109).

82. [奴 — ну], ndu, нду — нагрудник, набрюшник (МП, 3225).

83. [尼 則 御 — ницзэцзо], ndzu, ндзу — левая часть знака "протяженный", средняя часть знака "соразмерять", "мера" — название длиннополой одежды (МП, 2924).

84. [鎊 — пан, 婆 — по; 頗 — по], pho, пхо — правая часть знака "маленький", правая часть знака "шерсть", "оперение" — название короткой и простой одежды без рукавов (МП. 1542).

85. ·I, ıы — название верхней одежды (МП, 3860).

86. [如 — жу], ži̭wu, живу — длинное одеяние темного цвета для лиц благородного сословия (МП, 3170; Н, I, с. 529; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 113.

87. [姑 — гу], ku, ку — верхняя часть знака "ущелье", нижняя часть знака "одежда" — верхняя одежда, название одежды, носимой сверху (МП, 176).

88. [尼 説 — нишо], ndži̭wa, нджива — из частей знаков "одежда", "на", "находиться на...", "стена", "одежда" — платье, одежда с поясом, свешивающимся до края, до полы (МП, 2724; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 139.

11-4 280

89. [浪 — лан], ldwon, лдвон — теплая куртка (Н, II, с. 205; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 118.

90. [字 — no], phə, пхэ — платье из грубой ткани, сермяга (также в значении ткани ТИУ, 39) (МП, 3724; Н, I, с. 301; ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 112.

91. ni, ни — карман (сума, кошелек, мешок) (ЧЧЧ, л. 25).

92. [刻 — кэ, 克 — кэ], khɪ, кхи — левая часть знака "нога", правая часть знака "не", "не мочь", "не быть в состоянии" — нога, бедро, исподнее белье (МП, 1057; Н, II, с. 157).

93. [菊 — цзюй], ki̭u, киу — левая часть знака "пояс", нижняя часть знака "держать" — пояс, пряжка; то, что удерживает пояс (МП, 1804).

94. , ži̭e, жие — штаны (Н, II, с. 231; ЩЦ (с. 4), раздел VII; Г, II, с. 252); в биноме ТИУ, 127.

95. [領 — лин] — левая часть знака "шкатулка", полностью знак "вид", "цвет", "наружность" — исподнее, нижняя часть мужского белья (МП, 2820).

96. [尼周 — ничжоу], ndzi̭e, нджиы — знак "юбка", без верхней части — талия, поясница, пазуха, кошелек, юбка, обвязка на теле, пояс, ремень (МП, 2745; Н, II, с. 303. ЩЦ (с. 4), раздел VII); в биноме ТИУ, 128.

97. [嚅特 — нюйтэ], ndɪ̭ə, ндиэ — полностью знак "пояс", "веревка", правая часть знака "большой город" (?) — пояс, веревка, шнур (МП, 2139).

98. [雞 — цзи], kie, кие — юбка, пояс со свешивающимся концом (может быть, пояс от юбки-"плахты") (МП, 4866).

99. [說 — шо] — пояс, подпруга (МП, 3647).

100. , tshɪ̭e, цхие — пурпурная одежда (ПИ, с. 3[a], изречение 16, по МП, 4131 — фиолетовая, коричневая, бордо).

101. [膽 — чжань, 檐 — чжань] — полностью знак "тонкий", правая часть знака "одежда" — тонкая одежда без подкладки (МП, 815, Н, II, с. 593).

102. [旦 — дань], tan, тан — тонкая одежда без подкладки (Н, II, с. 689, разнопись ТИУ, 101?).

103. [旁 — пан, бан, 朋 — пэн, 坡 — по], phon, пхон — левая часть знака "соединяться", полностью знак "одежда" — ворот или полы исподней одежды; название складок и швов на одежде; пазуха (МП, 1649).

104. [危 — вэй], ngwi, нгви — полностью знак "кожа", полностью знак "одежда" — наименование одежды, сшитой из шкуры животного, меховая одежда (МП, 419; Н, II, с. 556; Г, I, с. 100, № 5018).

105. ? — пазуха (ЧЧЧ, л. 25).

106. [呤 — лэн], mbIn, мбиын — завязки, ленты, бахрома (МП, 4857).

107. , khwâ, кхва — полностью знак "высокий", правая часть знака "кость" — пояс с одним свешивающимся концом (МП, 665).

108. , ngi̯u, нгиу — правая часть знака "мясо", левая часть знака "красный" — пояс с одним свешивающимся концом (МП, 2261).

109. , pIe, пие — пояс, брюхо (МП, 4574).

110. , ži̯əɯ, жизы — карман (Г, 1, с. 126).

111. , thIẹ, тхиэ — платье из хлопчатой материи (Г, I, с. 126, № 3520).

Биномы

112. , ne + ? — траурные одежды (ПИ, с. 9[б], изречение 104; 1-й знак имеет значение "пролитая кровь") (МП, 2798).

113. [孛 — бо], phə, пхэ + ži̯wu, живу — черные одежды для знатных людей (Н, I, с. 300, ЦЦ (с. 4), раздел VII); коричневая грубая шерстяная рубашка (ПИ, с. 4[а], изречение 30).

114. [我 — во], ngọ, нго + lhwu, лхву — мужская одежда (ЦЦ (с. 4), раздел VII, название раздела).

115. [名, 明 — мин], min, мин + ngia (?) — исподнее белье (МП, 1057, в пояснениях).

116. [明, 名 — мин], min, мин + [— гу], khụ, кху — нижнее белье (Н, I, с. 333; II, с. 224; ЦЦ (с. 4)).

117. [局 — цзюй], khî̯u, хиу + žəɯ, жэы — нижняя одежда (?) (ЦЦ (с. 4), раздел VII). Второй знак в словарях, кроме ЦЦ, не зафиксирован. Он же встречается в биноме "верхняя одежда" (ТИУ, № 133). Может быть, это знак, имеющий смысл "одежда вообще" и встречающийся только в двух данных сочетаниях.

118. , ldwon, лдвон + [姑 — гу], khu, кху — куртка (халат) на вате (Н, I, с. 205, ЦЦ (с. 4), раздел VII).

119. , žəɯ, жэы + phIn, пхин — значение точно не установлено (ЦЦ (с. 4), раздел VII); 1-й знак — в биномах (ТИУ, № 77, 78), 2-й знак — в МП, 3110.

120. ·I + [姑 — гу], ku, ку — верхняя одежда (МП, 776).

121. ·In, ин + ku, ку — значение точно не установлено (ЦЦ (с. 4), раздел VII).

122. [孛 — пэй, по], phə, пхэ + [浪 — лан], lon, лон — грубая шерстяная материя, рубашка (Н, I, с. 301—308).

123. [隆 — лун], phu, пху + [則, 子 — цзэ, цзы], tsI,

тси — значение точно не установлено (ЩЦ (с. 4), раздел VII). Приблизительное значение — узкий, тесный, название неширокого (МП, 2245, 1-й знак; МП, 1062, Н, II, с. 432, 2-й знак).

124. [illegible] [刻 — кэ], khI, кхи + [夜 — е], ·iwe, ыве — вероятно, штаны или тангутские чулки до колен — букв. "нога, хорошо (плотно) закрытая" (ЩЦ (с. 4), раздел VII).

125. [illegible] [尼責 — ницзэ], ndzI, ндзи + [危 — вэй], ngwi, нгви — нагольный тулуп (?) (ЧЧЧ, л. 25).

126. [illegible] [墨 — мо], mbe, мбе + [危 — вей], ngwi, нгви — шуба (ПИ, с. 6б, изречение 64).

127. [illegible] [力 — ли], ži̯ə, жыэ + [隆 — лун], ru, ру — узкие штаны (подштанники?) (ЩЦ (с. 4), раздел VII).

128. [illegible] [尼周 — ничжоу], ndži̯ew, нджиэы + [折 — чжэ], ši̯a, шиа — судя по значению обеих частей (1-й знак см. ТИУ, 96; 2-й — связывать, веревка, Н, I, с. 260), бином может обозначать и юбку — "плахту", и военный набедренник, и пазуху кафтана, как у современных тибетских и монгольских халатов (Н, II, 303).

129. [illegible] [危 — вэй]? + [勒 — ле], ldeɯ, лдеы — одежда (Н, II, с. 100, 258; ЩЦ (с. 4), раздел VII).

130. [illegible] [危 — вэй]? + [外 — вай], wẹ, ве — накидка от дождя (ПИ, с. 6б, изречение 64).

131. [illegible] [怛 — да], tạ, та + [嵬 — вэй], wẹ, ве — шелковое покрывало (ЧЧЧ, л. 25).

132. [illegible] [骨 — гу], ngu, нгу + ndzeɯ, ндзеы — отложной воротник (Н, I, 181).

133. [illegible] tši̯a, тшиа + žəɯ, жэы — верхняя одежда (ЩЦ (с. 4), раздел VII); первый знак сильно попорчен лакуной.

134. [illegible] [寬 — куань], khwa, кхва + [危 — вэй] — холщовая рубашка (ЧЧЧ, с. 24).

135. [illegible] [精 — цзин], tsi̯ə, тшыэ + lnwu, лхву — чиновничье платье или (что менее вероятно) платье духовенства (ЩЦ (с.4), раздел VII); 1-й знак — закон, уложение, дхарма (Н, I, с.341; МП, 2556).

136. [illegible] [萼 — э], ldo, лдо + [領 — лин], ldi̯e, длие — жилет (Н, I, с. 469).

137. [illegible] [恤 — сюй, 雪 — сюе], swI, свы + [訛 — э], ·o, о — войлочная одежда или накидка (ЩЦ (с. 4), раздел VII).

138. [illegible] [恤 — сюй, 雪 — сюе], swI, свы + [丙 — бин], pIe, пие — одежда из войлока (ЩЦ (с. 4), раздел VII).

139. [illegible] [那 — на], no, но + [尼說 — нишо], ndži̯wa, нджива — платье знати из китайского шелка с поясом, свешивающимся до края (Н, II, с. 545).

140. , lhI, лхи + [領 — лин], mbo, мбо — какая-то особая одежда знати (ЩЩ (с. 4), раздел VII); 1-й знак — хорошее влияние, могущество, название белоснежной перламутровой раковины (МП, 1800); 2-й знак — белая перламутровая раковина, одежда всадника (МП, 4881).

141. [尚 — шан], ŝi̯o, шио + [嵬 — вэй], wa̯ī, вай — сорочка, нижняя рубаха, тельник (ЩЩ (с. 4), раздел VII; Н, I, с. 303, 346).

142. — phə? nIa ngwi ldaш mi (пха ниа нгви лдан ми) — Если черное платье наденешь, грязных пятен не (будет заметно) (ПИ, с. 4а, изречение 30).

143. — wa mbe ngwi mgwi wẹ kha ndẑi̯ei (ва мбе нгви нгви ве кха нджиеи) — В дождь путешествуешь — на шубу накидку от дождя надеваешь (ПИ, с. 6б, изречение 64).

144. — tshi̯e ngwi In zi ri̯ə ri̯ə ki̯a (тшие нгви ин жи риэ риэ киа) — Одетому в пурпурные одежды все кланяются (ПИ, с. 3а, изречения 16 и 19).

Женская одежда

Одиночные знаки

145. [魔 — мо], mbo, мбо — большая часть знака "одежда", левая часть знака "просторный" — название женской одежды, просторное узорчатое платье (Н, I, с. 300; МП, 1545).

146. [沒 — мэй], mbə, мбэ — набрюшник (Н, I, с. 399; МП, 3753; ЩЩ (с. 5), раздел VIII); бином ТИУ, № 152.

147. ( ) [能 — нэн], ni̯ə, ниэ — полностью знак "юбка", "пояс с одним свешивающимся концом"; полностью знак "кольцо", "охватывать, окружать" — женская юбка. (Н, II, с. 544; МП, 969; ЩЩ (с. 5), раздел VIII); биномы ТИУ, № 153, 154.

148. [奴 — ну], ndu, нду — нагрудник, набрюшник (Н, II, с. 450; МП, 3225; ЩЩ (с. 5), раздел VIII); бином ТИУ, № 104.

149. [奴 — ну], ndu, нду — передник (Н, II, с. 450).

150. ? — левая часть знака "преграда", полностью знак "пола халата" — подол, край платья, одежды (МП, 1918).

Биномы

151. [西 — си], ŝi, ши + lhwu, лхву — женская одежда (ЩЩ (с. 4–5), раздел VIII, название раздела).

152. [illegible] [没 – мэй], mbə, мбэ + [奴 – ну], ndu, нду – набрюшник (Н, I, с. 399, II, с. 450; ЩЦ (с. 5), раздел VIII).

153. [illegible] [能 – нэн], nɪ̣ə, ниэ + [力 – ли], ʑɪ̣e, жиэ – женское нижнее белье (?), панталоны (?) (Н, I, с. 231, 254; ЩЦ (с. 5), раздел VIII).

154. [illegible] ([illegible]) [illegible] – разнопись ТИУ, № 153 – панталоны (ЧЧЧ, л. 24).

155. [illegible] [果 – го], kọ, ко + [磨 – мо], mbo, мбо – просторное узорчатое платье (Н, I, с. 300; ЩЦ (с. 4), раздел VIII).

156. [illegible] [骨 – гу], ngu, нгу + ndzem, ндзэм – отворот халата (?), подол (?) (Н, I, с. 181, II, с. 216; ЩЦ (с. 5), раздел VIII).

157. [illegible] [吴 – у], wə, вэ + [臘 – ай], ldạ, лда – рукав (?), запястье (?) (ЩЦ (с. 5), раздел VIII; 1-й знак – до, перед (МП, 3779); 2-й знак – название руки от пальцев до плеча, МП, 1957).

158. [illegible] [萼 – э], ldo, лдо + [領 – лин], ldɪ̣e, лдие – жилет (Н, I, с. 180, 496; ЩЦ (с. 4), раздел VIII) (см. также ТИУ, № 136).

159. [illegible] ? + [名 – мин], mɪe, мие – шлейф (?) (ЩЦ, (с. 5), раздел VIII), 2-й знак – хвост, зад, тыл, конец (Н, II, с. 297; МП, 1343).

Детская одежда

160. [illegible] ngɪwe, нгиве – одежда для мальчика-младенца (Н, II, с. 572; МП, 476; Г, I, с. 84, 2432).

Головные уборы (мужские и женские)

Одиночные знаки

161. [illegible] [多 – до] – левая часть знака "надзиратель", правая часть знака "хозяин" – носящий большую шапку (также "надзиратель", "инспектор", "глава", "большой", "великий") (МП, 541).

162. [illegible] [車 – чэ] – носить шапку (также фамильный знак) (МП, 4326).

163. [illegible] [馬 – ма], mba, мба – женский головной убор (Н, I, с. 252; МП, 3589).

164. [吾 — у], ·u, у — шапка (МП, 3091).

165. ? — шляпа, защищающая от дождя (Г, I, с. 97, 5288).

166. [爭 — чжэн], tseI, тшэи — левая часть знака "одежда", "головной убор", полностью знак "голова" — головной убор, шапка, название головного убора (Н, II, с. 113; МП, 1246).

167. ( )? — шапка (Н, II, с. 211; МП, 3945).

168. [捺 — на], пша, ныа — головная повязка, косынка, тюрбан (МП, 4685).

169. [布 — бу] — шапка, покрывать (возможно, разнопись следующего знака) (МП, 4531).

170. [布 — бу], pIu, пыу — шапка (Н, I, с. 242; Г, I, с. 109, 4074).

Биномы

171. ( ) [馬 — ма], mba, мба + gnIu (SIn?) — женский головной убор (ЩЩ (с. 4), раздел VIII). В зависимости от начертания второго знака это или лисья шапка, или маленькая шапочка-наколка (ЧЧЧ, л. 25, со вторым начертанием) — ватная шапка.

172. [尼節 — ницзи], ndzI̯ə, ндзиэ + [布 — бу], pI̯u̯, пыу — женский головной убор (Н, II, с. 64).

173. [擺 — бай], paI, пай + [布 — бу], pI̯u̯, пыу — наколка на волосы (мужская?) (ЩЩ (с. 4), раздел VII).

174. ?+[勒 — лэ], ldem, лдеы — головной убор (Н, II, с. 211).

175. [耿 — ган], kaI, кай + [爭 — чжэн], tšêI, тшэи — шапка пограничных племен (?) (ЩЩ (с. 4), раздел VII).

176. [尼頃 — ницин], ndži̯we, ндзиве + [爭 — чжэн], tšêI, тшэи — летняя шляпа из бамбуковой щепы (Н, II, 199).

177. [祖 — цзу], tsu̯, тсу + [爭 — чжэн], tšêI, тшэи — теплая шапка (Н, I, с. 286).

178. [恤 — сюй, 雪 — сюе], swI, сви + [爭 — чжэн], tšêI, тшэи — войлочная шапка (Н, II, с. 170).

179. ? + [爭 — чжэн], tšêI, тшэи — корона, тиара, чиновничья шапка (ЧЧЧ, л. 25).

180. ·u nI̯a swI mbom? (у ниа сви мбом) — черноголовые (простой народ) войлочные шапки носят (Н, II, с. 299).

Обувь

Одиночные знаки

181. [唾 — ту], tho, тxо — подошва сапога (Н, II, с. 159; МП, 4273; Г, I, с. 72, № 2996).

182. [追說 — чжуйшо], tši̯wa, тшива — левая часть знака "сапоги", левая часть знака "перекручивать" — обувь, которую надевают в дождь и снег (МП, 700).

183. [割 — гэ], ka, ка — правая часть знака "обувь", "сапоги", правая часть знака "большой", "вместительный" — название обуви, которую носят в дождь и снег, сапоги для снега (Н, I, с. 554; МП, 563; Г, I, 86, 5011; II, 254).

184. , êi̇ — туфли, сапоги; разнопись ТИУ, 186.

185. ? — сапог (Г, II, 204).

186. [夷 — ди] — туфли, обувь (Н, II, с. 159; МП, 1253; Г, II, 244; ЩЦ (с. 5), раздел VIII); бином ТИУ, 198.

187. [部 — бу], phu, пху — обувь, надеваемая в дождь и снег (МП, 3066).

188. , thwẹI, тхвеи — полностью знак "дно", правая часть знака "приделывать дно", "ставить подошву на обувь" — ставить подошву на обувь, подошва (МП, 1232).

189. tšhi̯weu, тшхивэи — полностью знак "подметка"; полностью знак "кожа" — ставить подметки, набойки (МП, 1578).

190. ? — обувь (Н, II, с. 160; МП, 3781).

191. [口移 — и], ži̯eI, жыэй — левая часть знака "нога", правая часть знака "вид", "цвет" — название обуви, плотно, как раковина, облегающей ногу; сапоги (МП, 2071).

192. , ži̯ei̇, жыэи — сапог (Г, II, 204).

193. , ži̯ei̇, жыэи — обуваться (Н, I, с. 303).

194. [盈 — ин], ·i̯e, иэ — чулки, носки (Н, I, с. 357; МП, 4119).

195. ? — надевать носки (?) (МП, 1603, в пояснениях).

196. ? — правая часть знака "погружаться", правая часть знака "надевать носки" — надевать носки, название (того, когда) надевают носки, чулки (МП, 1603).

Биномы

197. ei + [盈 — ин], ·i̯e, иэ — сапоги, башмаки и носки (Н, II, с. 159, 357).

198. [克 – кэ], ·khI, кхи + žI̭eİ, жыэй – сапоги (Н, II, с. 157).

199. ? + [勇 – ди] – женская обувь (ЦЦ (с. 5), раздел VIII).

200. žI̭eI, жыэи + [唾 – ту], tho, тхо – подошва сапога (Н, II, с. 159).

201. žI̭eI, жыэи + [勒 – лэй], lde, лдеы – обувь (Н, I, с. 303).

Одежда и титулы духовенства

Буддисты

202. [僧 – сэн], sen, сэн + lhwu, лхву – монашеская одежда (Н, I, 552).

Народная религия (бон)

Одиночные знаки

203. [領 – лин] – шаман, шаманка (МП, 4056).

204. kеш (?), кэы (?) – шаман (Г, II, 243).

205. [訛 – э], ·о, о – шаманство (МП, 4302).

206. pI̭e, пыэ – шаман, тот, кто приносит жертвы, название того, кто защищает от бедствий (МП, примеч. к 81, 1869).

207. [吉 – цзи], khIn (?), кхин – шаман, шаманка (МП, 4025).

208. [巴 – ба], pI̭a, пыа – шаман, шаманка (МП, 4682).

209. [乙 – и], ·Iə, ыэ – левая часть фамильного знака, правая часть знака "шаман" – шаман, шаманка, тот, кто приносит жертвы, жрец (МП, 2474).

210. [寺 – бо], phI̭o, пхыо – гадание (Н, I, с. 394).

211. (?) – гадатель (Н, I, с. 277).

212. [耶 – е], ·In, ин + səш, сэы + (служебная частица) – гадатель (Н, I, с. 220).

213. ndzI̭e, ндзие + [在 – цзай], seI, сей – астролог, гадатель (Н, II, с. 9).

214. [珠 – чжу], tŝI̭u, тшыў – из левых частей знака "сверток", "цзюань", "опираться на..." – наименование шамана западного происхождения (МП, 81).

Регалии и одежда императора

215. [罨 — янь], ·I̯a, иа — зонт (в архитектуре "балкон", "настил") (Н, I, с. 399; Г, I, с. 81, 5565).

216. ? (?) — венец, корона (Г, I, с. 82, 1911).

217. [胃 — вэй], mbo, мбо — трость, посох, палка (Н, II, с. 381; МП, 4264).

218. , ndzI̯wə, ндзивэ — нижняя часть знака "посох", "палка", правая часть знака "ехать на коне", "ехать верхом" — посох, палка, батог (МП, 2644; ПИ, с. 10б, изречение 19).

219. ? — зонт (Г, I, с. 102, № 5643, II, с. 235).

220. [沒 — мэй], mo, мо + [栗 — ли], ldI̯ə, лдиэ + lhwu, лхву — императорская одежда (Н, I, 301).

Материалы, из которых делались украшения, оружие и орудия

221. , ngon, нгон — жемчуг (Н, I, с. 430; Г, I, с. 76, 5401).

222. , sI̯u, сиу — серебро (достигшее славы драгоценного металла) (МП, 234).

223. [皆 — цзе], kei̯, кеи — золото (Н, I, с. 204).

224. , gnI̯u, нгыу — латунь (Н, II, с. 532).

225. [尚 — шан], ši̯on, шион — большая часть знака "золото", правая часть знака "вода" — железо (в толковании МП-бирюза, небесно-голубой цвет) (II, с. 528; МП, 30).

226. [菊 — цзюй], ki̯u, киу — из частей знаков "драгоценный", "корова", правая часть знака "золотистый" — сокровище, название всех вещей, драгоценность (МП, 4374).

227. [勒 — лэй], li̯ə, лиэ — левая часть знака "ветер", "молва", левая часть знака "драгоценность" — янтарь (МП, 997).

228. [搦 — нэ], ni̯e, ние — жемчуг, жемчужина, драгоценный камень (Н, I, с. 340).

229. [周 — чжоу], tšI̯weu, тшизеы — янтарь (МП, 4230).

230. [塊 — вэй], khwe, кхве — большая часть знака "рога", левая часть знака "драгоценность" — коралл (МП, 963).

231. ? — коралл (Г, II, с. 209).

232. , šwə̂, швэ — коралл, там же.

 233. [乙 — и], ·I̯ə, иэ — верхняя часть знака "тяжелый", "вес",

левая часть знака "жемчужина", "драгоценность" — жемчужина, драгоценность (МП, 2479).

234. [栗 — ли], ldIə, лдиэ — всякого рода драгоценные вещи (Н, II, с. 362).

235. [嚜 — мо], nIaш, ниаы — глазурь, стекло (МП, 3684).

236. [乙 — и] — яшма, нефрит (Н, I, с. 523).

237. [吾 — у], ndo, ндо — верхняя часть фамильного знака, полностью знак (?) — имущество, ценности, сокровище, название всех вещей (МП, 201).

238. [日 — жи], rə̂, рэ — медь, красная медь (Н, II, с. 533).

Биномы

239. [我 — во], ngôn, нгон + [溺 — нэ], nIe, ние — жемчуг (ЩЦ (с. 3), раздел V).

240. [皆 — цзе], kẹi, кеи + ngwo, нгво — золото, серебро (ЩЦ (с. 3), раздел V).

241. ? + [溺 — нэ], nie, ние — бирюза (ЩЦ (с. 3), раздел V).

242. , liə, лиэ + [周 — чжоу], tsIwe, тшивеы — янтарь (ЩЦ (с. 3), раздел V).

243. , swə̂, швэ + [塊 — вэй], khwe, кхве — коралл (ЩЦ (с. 3), раздел V).

244. [賊 — цзэй], tse, тсе + [尚 — шан], ši̭on, шион — олово (и) железо (ЩЦ (с. 3), раздел V).

245. [要 — яо], •iaш, иаы + [喻 — мин], mbIn, мбин — золото (Н, II, с. 362).

246. [暮 — му], mbu, мбу + [瑊 — сянь]? — слоновая кость (дословно "слоновый клык", "бивень") (Н, I, с. 239; Г, I, с. 394, 5225; II, 215).

247. [嚜 — мо], nIaш, ниаы + [乙 — и] — глазурь (и) яшма, "драгоценная яшма" (ляпис-лазурь?) (ЩЦ (с. 3), раздел V).

248. [日 — жи], rê, рэ + gnIu, нгиу — медь, латунь (ЩЦ (с. 3), раздел V).

249. , [我 — во], kẹI, кэы — серебро (Н, II, с. 411; МП, 4315).

Предметы украшения, косметика

Одиночные знаки

250. [illegible] [馬 – ма], mba, мба – женское головное украшение, женский головной убор (МП, 3589; Г, I, с. 85, 1178).

251. [illegible] [麻 – ма], ma, ма – левая часть знака "круглый", правая часть знака (?) – серьги, ушные кольца (МП, 727).

252. [illegible] ndzu, ндзу – пудра (Г, I, с. 82, 4063).

253. [illegible] [墨 – мо], mbẹI, мбеи – шпильки (Н, II, с. 434; ЩЦ (с. 5), раздел VIII).

254. [illegible] [大 – лю], lIwụ, ливу – пудра (Н, II, с. 651; МП, 4547; Г, I, с. 132, 4393).

255. [illegible] [勒 – лэ], lde, лде – украшение для прически (МП, 4181).

256. [illegible] [每 – мэй], tIoш, тиоы – пудра (Н, II, с. 252; МП, 4700; ЩЦ (с. 5), раздел VIII); бином ТИУ, № 269.

257. [illegible] [尼说 – нишо], ndźiwa, ндживa – правая часть знака "вершина", "край", "конец", правая часть знака "переходить через" – шпильки, приспособления для укладки волос, прически (Н, II, с. 434; МП, 2726; ЩЦ (с. 4), раздел VIII); биномы ТИУ, № 271, 272.

258. [illegible] ([illegible]) [易 – и], ·iə, иэ – ожерелье (Н, II, с. 142; МП, 4973).

259. [illegible] [尼则 – ницзэ], ndzwə, ндзвэ – верхняя часть знака "железо", полностью знак "поймать" – щипцы для выщипывания усов (МП, 2664).

260. [illegible] [智 – чжи], tsie, тшие – румяна (МП, 3359).

261. [illegible], тшэ – браслеты (Г, I, с. 101, 1976; ЩЦ (с. 4), раздел VIII); бином ТИУ, № 278.

262. [illegible] [嘮 – цза], źa, жа – шпилька, гребень, расческа (Н, II, с. 276; МП, 3573; ЩЦ (с. 5), раздел VIII); бином ТИУ, № 276 (Г, I, с. 98, 5340).

263. [illegible] [李 – ли], lIe, лие – ароматы, благовония (МП, 3373).

264. [illegible] ? – румяна (МП, 3709).

265. [illegible] ? – тесьма, бант в волосах (Г, I, с. 122, 1663).

266. [illegible] [菊鋸 – цзюйцзюй], kin, кин – полностью транскрипционный знак, средняя часть знака "ухо" – ушное украшение, камень с ушком (МП, 129; Г, I, с. 117, 4649).

267. [illegible] [屈 – цюй], khwI, кхви – браслет, запястье (Н, II, с. 453; Г, I, с. 125, 4432; ЩЦ (с. 4), раздел VIII); бином ТИУ, № 278.

268. [六 — лю], lIwu, ливу + [每 — мэй], tIow, тиоы — пудра (Н, II, с. 252, 615; ЧЧЧ, л. 25).

269. [每 — мэй], tIow + ? — пудра (?) (ЦЦ (с. 5), раздел VIII); 2-й знак испорчен лакуной.

270. [溺 — нэ], nịe, ние + tshIe, тшие — жемчужное ожерелье (?); 2-й знак "нанизывать" (МП, 4746; ЦЦ (с. 5), раздел VIII).

271. [尼説 — нишо], ndẑịwa, нджива + ? — какое-то головное украшение (ЦЦ (с. 4), раздел VIII).

272. [尼説 — нишо], ndẑịwa, нджива + [墨 — мо], mba, мба — шпилька для волос (Н, II, с. 434; ЦЦ (с. 5), раздел VIII).

273. , ·Iə, biə + [唥 — лэн], rə, рэ — ожерелье (?) (Н, II, с. 142, 148; ЦЦ (с. 5), раздел VIII).

274. nịu, ниу + [麻 — ма], ma, ма — ушные кольца (Н, I, с. 278, II, с. 418; ЦЦ (с. 4), раздел VIII).

275. , nịu, ниу + swa, сва — разновидность серьги (ЧЧЧ, л. 25).

276. [吳 — у], wə, вэ + [吋步 — цза], ẑa, жа — деревянный гребень (Н, II, с. 276, 277; ЦЦ (с. 5), раздел VIII).

277. ·Ian, иан + [智 — чжи], tŝịe, тшие — румяна (Н, I, с. 302).

278. [屈 — цюй], khwi, кхви + tsê, штэ — браслет (Н, I, с. 308, II, с. 453; ЦЦ (с. 4), раздел VIII).

279. — ndzịə kha thịow ldịə (ндзиэ кха тхиоы лдиэ) — среди волос тонкие драгоценности (Н, II, с. 64).

Прически

280. [吋步 — цза], ndzIə, ндзиэ — левая часть знака "голова", нижняя часть знака "смешивать" — волосы, узел волос, прическа, делать прическу (Н, II, с. 64; МП, 2639).

281. tswa, тсва — большая часть знака "темя", правая часть знака "волосы" — название волос на темени (МП, 648).

282. [妹 — мэй], mwei, мвэи — волосы (Н, I, с. 189).

283. swa, сва — правая часть знака "волосы", средняя часть знака "волосы", "перья", "шерсть" — название волос, свешивающихся надо лбом (МП, 618).

284. [擺 — бай], paI, паи — волосы (Н, I, с. 396). 179

285. [末 — мо], mba, мба — волосы (Н, I, с. 305).

Мелкие предметы одежды

286. [巴 — ба] — носовой платок (МП, 4685; Г, I, с. 106, 2812).
287. [臘 — ла], lda, лда + [巴 — ба] — носовой платок (Н, I, с. 202).

Военное дело, оружие

Общие термины

288. [量 — лян], i̭u (?), иу — лагерь (Н, II, с. 456).
289. [尼栽 — ницзай], ndzai, ндзаи — левая часть знака "скот", правая часть знака "опора" — всадник, кавалерист, (Н, II, с. 293; МП, 2651).
290. [遏 — э], nga, нга — верхняя часть знака "столпиться", "собраться", полностью знак "страх" — солдат, армия (Н, II, с. 457; МП, 741).
291. [名 — мин], mi̭e, мие — левая часть знака — название местности, правая часть знака (?) — солдат, рядовой (Н, II, с. 594; МП, 2213).

Доспехи

Одиночные знаки

292. [普 — пу], phu, пху — доспехи (Н, I, с. 307).
293. [星 — син], sin, син — латы, доспехи (МП, 4044).
294. , ži̭e, жие — доспех, броня (Н, II, с. 534).

Биномы

295. [尼責 — ницзэ], ndzi, ндзи + ži̭e, жие — чешуя, броня (Н, II, с. 534).

296. [illegible] [星 – син], sin, син + [危 – вэй], ndwi, ндви – латы, доспехи (Н, II, с. 558).

Оружие нападения

Одиночные знаки

297. [illegible] [則 – цзе] – секира, топор (Н, I, с. 212, Г, I, с. 73, 4315, II, 202).

298. [illegible] [外 – вай], wei, вэй – копье (Г, I, с. 87, № 0824; II, 227).

299. [illegible] [沒 – мэй], mbI̯ə, мбиэ – верхняя часть знака "железо", полностью знак "маленький" – меч, нож (Н, II, с. 531; МП, 2456; Г, I, с. 82, 2570).

300. [illegible], mbẹi (?) мбеи – верхняя часть знака "железо", полностью знак "пробивать насквозь" – копье (МП, 2002, разнопись знака ТИУ, № 301?).

301. [illegible], mbẹi, мбеи – пика, копье (Н, II, с. 527, Г, I, с. 98, 2562, II, 246).

302. [illegible] [麻 – ма], ma, ма – левая часть "палочка", "ось", средняя часть знака "крепкий", "острый" – наименование мечей, ножей и другого холодного оружия, имеющего режущее лезвие (МП, 801).

303. [illegible] [盧 – лу], ldu, лду – древко копья, рукоятка (Н, I, с. 395; МП, 4520).

304. [illegible], ndzi̯wə, ндзивэ – полностью знак "иметься", правая часть служебного слова – рукоять ножа, древко стрелы (МП, 2646).

305. [illegible] [耆 – ци], khi, кхи – из правых частей "прекращаться", "переправляться", "переходить через" – лезвие, бритва, меч, кинжал, наименование холодного оружия, режущего и колющего (МП, 378).

306. [illegible] [兵 – бин], pI, пи (из частей знаков): "лезвие" (?), правая часть знака "рог" – лезвие топора, острие, наименование режущего орудия (МП, 1922).

307. [illegible], ndI̯wa, ндива – средняя часть знака "копье", "меч", правая часть знака "футляр" – ножны, название того, в чем орудие так спрятано, что его не видно (МП, 2399).

308. [illegible] ndẑi̯a, нджыа – верхняя часть знака "железо", полностью знак "достойный", "смелый", "благородный" – копье, меч, холодное оружие (Н, II, с. 531, МП, 2952).

309. [illegible] [尼足 – ницзу], ndzu, ндзу – большая часть знака "глава", правая часть "холодное оружие" – меч, холодное оружие, колющее и режущее (Н, II, с. 106; МП, 2874).

310. [— лю] — копье, пика (МП, 3164).

311. [— янь], a̤, а — полностью знак "железо", правая часть знака "земля" — меч, секира, топор (Н, II, с. 660; МП, 1953).

312. [— тэ] — полностью знак "священный камень", правая часть знака "ущелье", "глухая долина" — нечто схожее с топором, секирой (МП, 906).

313. ? — булава (Н, II, с. 13).

314. [— вэй], vi̭eɪ, визы — полностью знак "железо", правая часть знака "использовать" — меч, секира, топор, бердыш (Н, II, с. 660; МП, 2030; Г, II, с. 202). Ср. с № 315.

315. ? — булава, молот (Г, II, с. 222).

316. [— гу], kxwu̧, кхву — нож, режущий инструмент (Н, II, с. 530; МП, 4513; Г, I, с. 124, № 2569, II, 266).

Биномы

317. ? + [— вэй], vi̭eɪ, виеи — топор (Н, I, с. 212).

318. [— мэй], mbɪ̭ə, мбиэ + мбо — палка с ножом (Н, II, с. 381).

319. mbe̩ɪ, мбэи + [— юн] — короткое копье (Н, II, с. 13).

320. mə, мэ + ? — небесная булава (Н, II, с. 13).

321. [— ницзу], ndzu, ндзу + nin, нин — меч, алебарда (Н, II, с. 321).

322. ? + khwei, кхвэн — большой молоток (Н, II, с. 19).

323. ? + tu, ту — булава (Н, II, с. 13).

Лук и стрела

Одиночные знаки

324. [— ду], thu, тху — левая часть знака "укреплять", "устанавливать", правая часть знака "вытаскивать", "извлекать" — сгибать лук, натягивать тетиву на лук, изготовлять тетиву для лука (Н, II, с. 110; МП, 20).

325. [— пан] — средняя часть знака "стрельба", правая часть знака "белый" — лук (Н, II, с. 376; МП, 1698; Г, I, с. 77, 2634).

326. , tšhi̭we, тшиве — из правых частей знаков "наконечник

стрелы", "три", "обрывистая местность" — название стрелы с тремя наконечниками (МП, 668).

327. [illegible] ? — лук (МП, 4196).

328. [illegible] ? — стрела (Н, II, с. 304).

329. [illegible] [濕 — ши], šĭwə, шивэ — левая часть знака "натягивать тетиву", правая часть знака "стрела" — стрела (Н, II, с.452; МП, 2119; Г, I, с. 131, № 2916).

330. [illegible] ? — стрела (Г, II, с. 201).

331. [illegible] ? — стрела (Г, I, с. 131, № 3538, Н, II, с. 201).

332. [illegible] ([illegible]) [囉 — ло], ria, риа — левая часть знака "холм", правая часть знака "цель", "смысл" — мишень, место, куда стреляют из лука (МП, 2386).

333. [illegible] [力 — ли], ldeĭ, лдэи — нижняя часть знака "наконечник", "острие", правая часть знака "древко", "тонкий прут" — стрела (Н, I, с. 442, МП, 2066; Г, I, с. 145, № 2259, II, с. 201).

334. [illegible] [納 — на], nda, нда — большая часть названия дерева, полностью знак "стрела" — название древка стрелы, стрела без наконечника (МП, 1939).

335. [illegible] [干 — гань], kan, кан — древко (стрелы, копья) (Н, I, с. 500).

336. [illegible] [萬 — ван], wan, ван — наконечник стрелы (Н, II, с.535; МП, 3706; Г, I, с. 145, № 2572).

337. [illegible], thu, тху — средняя часть знака "тонуть", левая часть знака "тонуть", "погружаться" — натягивать лук, натягивать тетиву на лук, название того, когда на лук, оружие для запуска стрел, натягивают тетиву (МП, 117).

338. [illegible] [徹 — чэ], tshĭa, тшиа — стрела (МП, 3605).

339. [illegible], lhĭwə, лхивэ — левая часть знака "лук", правая часть знака "цель" — лук, стрелять из лука (Н, II, с. 386; МП, 2837).

340. [illegible] [呤 — лэн], re, ре — из частей знаков "кожа", "корова", правая часть знака "плеть", "кнут" — тетива лука, стрела (Н, II, с. 554; МП, 2290).

341. [illegible] kha, кха — из правых частей знаков "препятствовать", "задерживать", "стрела", "земля", "почка" — стрельба из лука (Н, I, с. 203; МП, 648).

342. [illegible] [觜 — цзуй], tswĭ, тсви — левая часть знака "стрела", правая часть знака "петь" — стрела, поющая при полете (Н, I, с. 442; МП, 420; Г, I, с. 125, № 2244, II, с. 20).

12-4 280

Биномы

343. ? + [龐 — пан] — лук (Н, II, с. 376, 387).

344. [力 — ли], ldẹɨ, лдэи + [干 — гань], kan, кан — древко стрелы (Н, I, с. 500).

345. , lhi̭wə, лхивэ + ли, ldei, лдэи — лук и стрела (Н, I, с. 442)

Знамена

346. ? — знамя (Г, I, с. 319, № 0185; II, с. 202).

347. ( ) [尼長 — ничжан], ndźion, нджион — левая часть знака "играть на духовых инструментах", правая часть знака "большой" — знамя, хоругвь (Н, I, с. 633; МП, 2699; Г, I, с. 149, № 5177, II, с. 202).

348. ngɨ̭we, нгиве — верхняя часть знака "копье", полностью знак "длинный" — знамя, сигнальный флаг (Н, II, с. 535; МП, 465; Г, I, с. 107, № 2592; II, с. 202).

Скотоводство

Домашние животные

Одиночные знаки

349. , phu, пху — вол, бык (МП, 101).

350. [幢 — чуан], tšhê, тшэ — из частей знаков "небо", "драгоценность", средняя часть знака "земля", "почва" — скот домашний, источник благополучия и богатства (МП, 1590).

351. [玉 — юй], ngi̭u, нгиу — левая часть знака "свинья", полностью знак "три" — свинья, вепрь (Н, II, с. 147; МП, 138).

352. [竹 — чжу], tši̭u, тшиу — большая часть фамильного знака, нижняя часть знака "лошадь" — хорошая лошадь, добрый конь, лучшая среди лошадей (МП, 75).

353. [力 — ли], ldi̭eɪ, лдиеи — лошадь, конь (Н, II, с. 291).

354. [竹 — чжу] — нижняя часть знака "верблюд", правая часть знака "верблюд" — верблюд (МП, 77).

355. [怛 — да], ti̭a, тиа — левая часть знака "лошадь", левая часть знака "крепкий", "здоровый" — мул, осел (Н, II, с.289; МП, 1984).

356. [磨 — мо], mīn, мин — бык, корова (Н, II, с. 201; МП, 3257).

357. [郎 — лан], la, ла — верблюд (МП, 3568).

358. tsi̯u, тшиу — верблюд (МП, 3886).

359. [浪 — лян], la, ла — верблюд (Н, II, с. 165).

360. [那 — на], na, на — левая часть знака "собака", левая часть знака "черный" — пес, собака (Н, I, с. 142; МП, 550).

361. [要 — яо], ·i̯aɯ, иаы — петух, курица (Н, II, с. 566, МП, 4934).

362. [七 — ци], tshī, тши — левая часть знака "черный козел", правая часть знака "дикий" — баран, дикий горный козел (Н, I, с. 215; МП, 1071).

363. ( ) [嵬 — вэй], we, ве — осел (Н, II, с. 52; МП, 3305).

364. , maī — лошадь (?) (Н, I, с. 530).

365. [嶺 — лин], ri̯e, рие — левая часть знака "лошадь", правая часть знака "конь" (шахматная фигура) — конь, лошадь (Н, II, с. 287; МП, 2225).

366. [悟 — у] — нижняя часть знака "бык", нижняя часть знака "большой слон", "носорог" — бык, корова (Н, I, с. 223; МП, 2240).

367. mbīu — корова, бык (Н, II, с. 201; МП, 66).

368. [訛 — э], wa, ва — левая часть знака "свинья", полностью фамильный знак — свинья (Н, II, с. 114; МП, 605).

369. [能 — нэн], ndī, нди — верблюд (Н, II, с. 448; МП, 3841).

370. [奄 — янь], a, а — левая часть знака "сторожевая собака", правая часть знака "собака" — собака (Н, II, с. 484; МП, 584).

371. [屈 — цюй], khwī, кхви — левая часть знака "пес", полностью знак "собака" — собака, щенок (Н, II, с. 143; МП, 1099).

372. [莫 — мо], mbu, мбу — бык (Н, II, с. 213; МП, 3184).

373. ? — бык, вол (разнопись предыдущего знака?) (Н, II, с. 523).

374. ? — пахотный вол (Г, II, с. 237).

375. [宿 — су], su, су — домашнее животное, скот (МП, 3205).

376. [野 — е], ·īn, ин — овца, баран (Н, I, с. 209).

377. [客 — кэ] — як (МП, 3340; Г, II, с. 256).

Биномы

378. [你 — ни], nɪn, нин + ·a, a — собака (?) (Н, II, с. 484).

379. tšįu, тшиу + [竹 — чжу], tsiu, тшиу — верблюд (Н, II, с. 253).

380. [浪 — лян], la, ла + sɪwɪ, сиви — отара верблюдов (Н, II, с. 165).

381. [浪 — лян], la, ла + [口能 — нэн], ndɪ, нди — верблюд (Н, II, с. 165).

382. [每 — мэй], mai, маи + ndzu, ндзу — конь (Н, I, с. 530).

383. [迎 — ин], ngɪn, нгин + [口領 — лин], rie̯, рие — лошадь (Н, II, с. 287).

384. ? + ɪ̯ə, иэ — пахотный вол, буйвол (ЧЧЧ, л. 27).

385. [宿 — су], su, су + ndzu, ндзу — домашний скот (МП, 1590).

Утварь скотоводов

Одиночные знаки

386. [奄 — янь], ·a, a — левая часть знака "сума", полностью знак "один" — переметная сума, кошель для ценностей и денег (МП, 581).

387. ngwe, нгве — узда, недоуздок (МП, 3325).

388. [迎 — ин], ngįə, нгиэ — попона, потник (МП, 4580; Г, I, с. 81, № 0930).

389. [麻 — ма], ma, ма — стремя (МП, 729).

390. [則 — цхэ] — плеть, кнут, хлыст (Н, I, с. 412; МП, 5026).

391. ? — ездить верхом, ездить на колеснице (Н, I, с. 369; МП, 4737).

392. [外 — вай], wai, вай — деревянная соска для теленка (МП, 4760).

393. [使 — е], keɯ, кеы — лука у седла (МП, 4142).

394. [賊 — цзэй], tsheɯ, тшеы — узда, взнуздывать (МП, 4166).

395. [那 — на], ndoɯ, ндоы — переметная сума (МП, 4372).

396. [則 – цзэ], ẑeɯ, жэы – узда (МП, 5002).
397. [擺 – бай], pai, паи – плеть, кнут (МП, 4754).
398. [米 – ми], mbi̯e, мбие – лассо (МП, 3495, в значении "силки"; Г, I, с. 103, № 3599, II, с. 227).
399. [騾 – ло], lo, ло – из частей знаков "круглый", "принимать", правая часть знака "терпеть" – кольцо, вдетое в нос быка (МП, 1571).
400. [薩 – са], sa, са – лассо (МП, 577; Г, I, с. 113, № 3573, II, с. 227).
401. ndẑi̭u, нджиу – левая часть знака "силки", "ловушка", правая часть знака "игра", "забава" – лассо, силки, ловушка (МП, 2988).
402. [力 – ли], ldi̯ei, лдиеи – кисти на груди у лошади (Н, I, с. 446).
403. [說 – шо], ŝi̯wa, шива – левая часть знака "промежуток" "между", полностью знак "бока" – затягивать у седла подпругу (веревку, ремень), оседлывать (МП, 773).
404. [易依 – ии], i̯ei, ыеи – седло (Н, I, с. 491; МП, 5126; Г, I, с. 123, № 0928).
405. [營 – ин], kwan, кван – левая часть знака "привязывать" полностью знак "седло" – оседлывать, привязывать седло, используя войлочную подстилку и траву для оседлывания коня, верблюда (МП, 839).
406. [味 – вэй], mba, мба – седло (МП, 3620).
407. [尼 則 – ницзэ], ndzwon, ндзвон – правая часть знака "мост", полностью знак "седло" – название луки у седла (МП, 2606).

Биномы

408. , ri̯a, риа + [則 – цзэ] – хлыст для лошади (Н, I, с. 412).
409. , ri̭a, риа + ? – лошадиное седло (вероятно, второй знак – разнопись ТИУ, № 404) (Н, II, с. 544).
410. , ndzai, ндзаи + ? – ездить верхом (Н, I, с. 369).

Общие термины,
производственные процессы

Одиночные знаки

411. ( ) [勒 — лэ] — поле (МП, 5140).

412. [囉 — ло], rIa, риа — левая часть знака "управление", левая часть знака "зерно" — поле, пахотная земля (Н, I, с. 217; МП, 2383).

413. [菊 — цзюй], ki̯u, киу — левая часть знака "косить", "срезать", правая часть знака "копье" — косить, жать, срезать (Н, I, с. 207; МП, 1803).

414. [謀 — моу], mbu, мбу — полностью знак "поле", левая часть знака "обрабатывать землю" — предварительное обсаживание (обсеивание) одного поля; обработка перелога (Н, II, с. 325; МП, 10).

415. [力 — ли], ldIei, лд — левая часть знака "земля", левая часть знака "обрабатывать землю", "заниматься земледелием" — сеять (Н, II, с. 329; МП, 2067).

416. [高 — гао], keɯ, кеы — левая часть знака "земля", полностью знак "управление", "ведомство" — пахотная земля (Н, II, с. 325; МП, 1447).

417. [玉 — юй] — сельскохозяйственные орудия (МП, 3199).

418. , ndžiei, нджиеи — левая часть знака "рука", полностью знак "серп" — косить, жать (?) (Н, I, с. 211, МП, 2757).

419. [蹤 — цзун], sIon, сион — левая часть знака "обрабатывать землю", правая часть знака "и тот и другой" — сельское хозяйство (Н, II, с. 372; МП, 2206).

420. ·ê, е — орошать (Н, II, с. 12; МП, 3347 в значении "польза", "выгода", "прибыль").

421. [藥 — яо], i̯u, иу — средняя часть знака "фамилия", правая часть знака "канава" — канава, арык (МП, 145).

422. [藥 — яо], kho, кхо — левая часть знака — название местности и имя; правая часть знака "название девяти каналов" — каналы; название девяти каналов (МП, 1558).

423. [苟 — гоу], kêɯ, кэы — нижняя часть знака "одна двухсотсороковая лана"; правая часть знака "канава", "ров" — каналы, название 249 каналов (МП, 1486).

424. [冷 — лэн], rại, раи — арык, ручей (МП, 4770).

Одиночные знаки

425. [囉 — ло], ri̭a, риа — из частей знаков "обрабатывать землю", "соха", правая часть знака "зерно" — сеялка, машина для сеяния (Н, II, с. 382; МП, 2384).

426. [斜 — се], sīn, син — грабли (МП, 4045).

427. kə, кэ — серп (Г, I, с. 83, № 0748).

428. [郎 — лан], lo, ло — каменный каток (МП, 4310).

429. [青 — цин], tshin, тсхин — нижняя часть знака — название дерева, правая часть знака "мелкий", "маленький" — орудие, с помощью которого копают землю (лопатка? камень?) (МП, 1280).

430. [播 — бо] — левая часть знака "небольшой город", полностью знак "железо" — мотыга, заступ, лопата, название орудия для рытья земли (МП, 1537).

431. [羅 — ло], lo, ло — верхняя часть знака "дерево", из частей знаков "сошник", "дерево", "рукоять" — соха, плуг (Н, I, с. 498; МП, 1573; Г, II, с. 237).

432. [念 — нянь] — грабли (МП, 4014).

433. [八 — ба], pâ, па — из правых частей знаков "огонь", "вырывать", "копать" — приспособление для рытья (также "кочерга") (МП, 633).

434. [刮 — гуа], kwạ, ква — заступ (Н, I, с. 359).

435. [果 — го], mba, мбэ — заступ (МП, 4291).

436. [攀 — пань], pha, пха — из левых частей знаков "бить", "расходиться", "рассыпаться", "разделять" — серп (МП, 639).

437. [客 — кэ], khi̭ə, кхиэ — нижняя часть знака "зубы", правая часть знака "ряд", "стоять в ряду" — название жернова и других (приспособлений) с рядами зубьев (МП, 1145).

438. [尼率 — нишуай], ndẑi̭ə, нджиэ — верхняя часть знака "жернов", полностью знак "колесо", "вращаться" — жернов (Н, I, с. 531; МП, 2987).

439. khu, кху — ступа (ПИ, с. 4б, изречение № 35).

440. [乙 — и], i̭ə, иэ — верхняя часть знака "рассоха", "лемешница", из частей знаков "обрабатывать землю", "бык" — земледельческое орудие, которое тянет тягловый бык (соха?) (МП, 993).

441. ndwə, ндвэ — левая часть знака "земля", полностью фамильный знак — пест, дубинка, бить, толочь (МП, 1138).

442. [姑 — гу], ku, ку — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "кривой" — лепешница, рассоха (МП, 179).

443. [更 — гэн], kêi, кэи — большая часть знака "сад", "парк", полностью знак "кривой" — название лемеха, имеющегося на шейке плуга (МП, 1243).

444. ndẑiei, нджиэи — левая часть знака "рука", полностью знак "серп" (Н, II, с. 636; МП, 2758).

445. [左 — цзо], tsuo, тсуо — левая часть знака "нога", правая часть знака "могила" — орудие толчения, разминания, с помощью которого отделяют шелуху от зерен; пест (МП, 2532; ПИ, с. 4б, изречение № 35).

446. [爲 — вэй] — жернов (Н, I, с. 535; МП, 5137).

447. [恰 — ця], khâ, кха — сошник, кирка, заступ (МП, 3594).

448. [暮 — му] — серп, коса, жать, косить (МП, 3677).

449. [琶 — па] — из правых частей знаков "орудие для ворошения огня", "жечь", "разжигать", "аргал" — приспособление для рытья, копания, ворошения, ковыряния (также "кочерга") (МП, 637).

450. [其賈 — цигу], khâ, кха — сошник, кирка, заступ (разнопись ТИУ № 447?) (Н, II, с. 532; Г, I, с. 109, № 2573).

451. ? — серп, жать (МП, 3536).

452. [拏 — на], ndẑâ, нджа — верхняя часть знака "растение", полностью знак "мясо и тонкие кишки", "требуха" — серп, коса (Н, I, с. 486; МП, 2991).

453. , thə, тхэ — верхняя часть знака "камень", полностью (?) — каменный каток для выравнивания почвы, для измельчения почвы, для помола зерна (МП, 897).

454. [皮 — пи], phi, пхи — левая часть знака "рука", полностью знак "бросить", "отбросить" — сито, веялка, корзина-совок (Н, I, с. 210; МП, 353).

455. [西 — си] — левая часть знака "волдырь на носу", левая часть знака "сито" — веялка, веяльная корзина, приспособление для отделения зерна (от мякины) (МП, 2064).

Биномы

456. [念 — нянь] + [斜 — се], sĭn, син — грабли (Н, I, с. 479, 494).

457. [羅 — ло], lo, ло + [令 — лин], lįwe, ливе — "шея сохи" (примечания к МП, 179).

458. [羅 — ло], lo, ло + [恰 — ця], khâ, кха — сошник (Н, I, с. 498).

459. [力 — ли], ldi̯ei, лдиэи + [王 — юй], ngi̯u, нгиу — сельскохозяйственное орудие (H, I, с. 62).

460. ? + mbei, мбэи — мельница (?), веялка (?) (ЩЩ (с. 29), раздел XXV).

461. [奴 — гу], ku, ку + [更 — гэн], kẽī, кэи — рассоха (?) (МП, примеч. к № 179).

462. [左 — цзо], tsuo, тсуо + [來 — лай] — пест (ЩЩ (с. 29), раздел XXV).

463. [為 — вэй] + [尼率 — нишуай], ndži̯ə, нджыэ — жернов (ЩЩ (с. 29), раздел XXV).

464. [皮 — пи], phī, пхи + [西 — си] — совок для веяния (ЩЩ (с. 29), раздел XXV).

465. ? + [尼責 — ницзэ] — каменный каток для обрушивания зерна (H, II, 496).

466. — tsuo khu vīe? khī? na (тсуо кху вие кхи на) — пест прячет ногу в ступе (ПИ, с. 4б, изречение № 35).

Ремесла

Одиночные знаки

467. [老 — лао], la, ла — ткать (H, I, с. 563).

468. [呤 — лэн], rə, рэ — средняя часть знака "между", "промежуток", полностью знак "пятна на лошади" — шить, сшивать, шить одежду (H, I, с. 205; МП, 2424).

469. [吃 — чи], ki̯ə, кые — левая часть знака "мускулы", правая часть знака "мастер", "искусный" — мастер, мастерить (H, I, с. 378; МП, 2538).

Биномы

470. [皆 — цзе], kei, кеи + thī, тхи — золотых дел мастер (H, II, с. 205).

471. [宜則 — ицзэ], ngəш, нгэы + [腊 — ла], lda, лда — портной (H, I, с. 214).

Инструменты

Одиночные знаки

472. ( ) [捺 – на] — левая часть знака "уток", "основа", левая часть знака "вступать в брак" — приспособление для тканья, для изготовления грубой шерстяной материи (МП, 1988).

473. ngın, нгин — наковальня, каменная подставка (МП, 4240).

474. [奄 – янь], •a, а — верхняя часть знака "железо", полностью знак "тонкий" – швейная игла, приспособление для шитья (Н, II, с. 529; МП, 593).

475. , lhi̯o̯n, лхион — левая часть (?), полностью знак "войлок"— катать войлок (МП, 3023).

476. [果 – го], kon, кон — тигель, орудие для плавления (МП, 4378).

477. [宜 – и], ngi, нги — средняя часть знака "железо", средняя часть знака "острый" — острый стержень для отковыривания и дробления сухой туши (также "режущий предмет") (МП, 386).

478. ( ), nu, ну — большая часть знака "железо", полностью знак "маленький" — шило, иголка (Н, I, с. 533; МП, 25).

479. ngın, нгин — основа (Н, II, с. 358).

480. [尼貝 – ницзэ], ndzwə, ндзвэ — кузнечные щипцы (Н, II, с. 532).

481. [史 – ши], sə̂, сэ — средняя часть знака "уток ткани", "ткань", левая часть знака "промежуток", "между" — нитка; нитка и иголка; швейное рукоделие; приспособление для шитья; соединять, связывать (Н, II, с. 499; МП, 951).

482. , pu̯, пу — уток (Н, I, с. 233; МП, 4494).

483. [迎 – ин], ngi̯e, нгие — верхняя часть знака "нож", "сабля", полностью знак "резать" – ножницы (МП, 1898).

484. [尼足 – ницзу], ndzi̯e, нджие — левая часть знака "долото", правая часть знака "бить" — долото (МП, 2879).

485. [[illegible] – цзе], ndza, ндза — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "долото" – долото, сверло, бурав (Н, I, с. 466, МП, 2668).

486. [大 – лю], li̯wu, ливу — приспособление для тканья, уток (?) (МП, 3163).

487. [鄭 – чжэн], tŝhi̯ei, тшхиеи — долото, бурав (МП, 5053).

488. [枯 – гу], khwu̯, кхву — пила (МП, 4513).

489. [路 – лу], lu, лу — плотничный шнур для разметки бревен (досок?) (МП, 3101).

Биномы

490. [乃 — най] + [姑 — ну], nu, ну — утюг (Н, I, с. 347).

491. , ngĭn, нгин + [六 — лю], ldi̭u, лдиу — наковальня (Н, II, с. 193, 384).

492. [[illegible] — чжи], tsi̭ə, тсиэ + ? — рубанок (?) (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

493. [[illegible] — янь], •a, a + [泥六 — нилю], niu, ниу — ушко иголки (Н, I, с. 278); 2-й знак — ухо (Н, I, с. 278; МП, 119).

494. , ngĭn, нгин + pu̧, пу — основа и уток (Н, I, с. 233, II, с. 358).

495. [史 — ши], sâ, сэ + [[illegible] — янь], •a, a — нитка с иглой (Н, II, с. 499).

496. [宜則 — ицзэ], ngə̧ш, нгэы + [枯 — гу], khwu̧, кхву — ножницы (Н, II, с. 530).

497. [[illegible] — цза], ndza, ндза + ? — долото, бурав (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

498. [[illegible] — цза], ndza, ндза + [枯 — гу], khwu̧, кхву — сверло и пила (?) (Н, I, с. 466).

499. [枯 — гу], khwu, кхву + ? — раздувальные меха (Н, I, с. 496).

500. [枯 — гу], khwu̧, кхву + ndĭ̂e, ндие — нож для плотничных работ (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

Мебель

Одиночные знаки

501. [尸追 — ничжуй], ndžĭwe, ндживе — нижняя часть знака "четыре", нижняя часть знака "сидеть" — кровать, кресло, стул (Н, II, с. 195; МП, 2994).

502. ? — спальные принадлежности (МП, 4388).

503. ? — постельные принадлежности; ложе; подстилка для скота (Г, I, с. 72, № 4413, разнопись предыдущего знака?).

504. , ldiu, лдиу — матрас, тюфяк (Г, I, с. 72, № 4877).

505. [大 — лю], ldiu, лдиу — целиком знак "плотный", "крепкий", "суровый", нижняя часть знака "подстилка" — матрас, тюфяк, простыня, войлочная подстилка (МП, 149).

506. [餘 – юй] – стул, сиденье (МП, 3210).
507. [令 – лин], kha, кха – ящик, шкатулка (Н, I, с. 463).
508. , lu, лу – седалище, трон, ранг (Н, I, с. 263).
509. [續 – сюй], su, су – сундук, ларь (Н, I, с. 312).
510. [量 – лян], lho, лхо – большая часть знака "часть тела от груди до конца рук", правая часть знака "тарелка", "поднос" – стол (также "тарелка", "поднос") (Н, I, с. 473; МП, 3050).
511. [馬 – ма] – шкатулка (МП, 3590).
512. ( ) [丙 – бин], pɪe, пие – средняя часть знака "покрывать", правая часть знака "надежно укрываться" – подстилка, циновка, войлок (МП, 1410).
513. [野 – е], •i̯e, иэ – шкатулка (МП, 4117).
514. [智 – чжи], tśi̯e, тшиэ – подушка (МП, 3360).
515. [綠 – люй], ndzan, ндзан – постельные принадлежности (МП, 3270).
516. , kə, кэ – трон (Г, II, с. 251).
517. [賈 – гу], kâ, ка – из левых частей знаков "собирать", "бутылка", "нападать" – название шкатулки, скрепленной клеем (МП, 647).
518. [枯 – гу], khu, кху – ящичек, шкатулка, ларец, короб (Н, I, с. 69; МП, 3073; Г, I, с. 124).
519. [特 – тэ], kə, кэ – большая часть знака "щенок", правая часть знака "канал", "канава" – шкатулка, в которой хранят вещи (МП, 899).

Биномы

520. [尼追 – ничжуй], ndži̯we, ндживе + ldɪu, лдиу – постели и матрасы (Н, I, с. 195).
521. [尼祖 – ницзу], ndzu, ндзу + [尼追 – ничжуй], ndži̯we, ндживе – стул (ЩЩ (с. 27), раздел XXIV).
522. [餘 – юй] + [尼追 – ничжуй], ndži̯we, ндживе – стул (?) (Н, I, с. 196; ЩЩ (с. 27), раздел XXIV).
523. nɪn, нин + lu, лу – княжеский трон (Н, I, с. 264).
524. [藥 – яо], •i̯u, иу + [量 – лян], lho, лхо – стол (Н, I, с. 473).
525. [普 – пу], phi̯oш, пхыоы + [奄 – ян], •иэ – балдахин над кроватью (?) (ЧЧЧ, л. 23).
526. [更 – гэн], kêi, кеи + [尼追 – ничжуй], ndži̯we, ндживе – низкое сиденье, низкая кровать (ЩЩ (с. 27), раздел XXIV; ЧЧЧ, л. 24).

527. [折 — чжэ], tsi̯a, тшиа + [尼追 — ничжуй], ndẑi̯we, ндживе — складная кровать (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).
528. [餘 — юй], ·i̯u, иу + [客 — кэ] — полог от дыма (?) (ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).
529. [栗 — ли], ldi̯ə, лдиэ + [野 — е], ·iə, иэ — драгоценная шкатулка (Н, II, с. 260).
530. [栗 — ли], ldi̯ə, лдиэ + [量 — лян], khu, кху — драгоценный столик, подставка (Н, I, с. 472).
531. [栗 — ли], ldi̯ə, лдиэ + [枯 — гу], khu, кху — дорогая шкатулка (Н, I, с. 69).
532. [丁 — дин], tɪe, тие + [普 — пу], phu, пху — экран, заслоняющий свет лампы, ширма (Н, I, с. 583).
533. ? + ldi̯u, лдиу — матрас, тюфяк (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).
534. [則 — цзэ], tsə, тсэ + tətu, тэы — чайный столик (?) (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).
535. [吃 — гэ], kə, кэ + pai, пай — ширма (ЩЦ (с. 28), раздел XXV).
536. [[illegible] — э], ngi̯ə, нгиэ + [尼追 — ничжуй], ndẑɪwe, ндживе — стул (Н, I, с. 180; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV, л. 24).
537. [西 — си], si, си + kha, кха (?) — ящик, шкатулка (Н, I, с. 478).
538. [西 — си], si, си + su, су — сундук, шкаф, прилавок, стойка (Н, I, с. 478).
539. , wo, во + [六 — лю], ldi̯u, лдиу — подушка из войлока (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).
540. [呤 — лэн], rẹ, ре + [月 — юе], ·ɪə, иэ + [尼追 — ничжуй], ndẑiwe, ндживе — перила (?) кровати (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

Посуда

Одиночные знаки

541. [我 — во], ngôn, нгон — название сосуда для воды (Н, I, с. 410; Г, II, с. 254).
542. [泥得 — нидэ], ndwu, ндву — палочки для еды (Н, I, с. 495).
543. [吃 — гэ] — левая часть знака "уже", служебное слово, левая часть знака "бутылка" — горшок, кувшин, бутыль (Н, II, с. 556; МП, 1049; Г, I, с. 86, № 5025, II, с. 237).

13-2 280

544. [姐 — цзе], tsIn, тсин — чашка чая, чайник (МП, 4039; Г, I, с. 90, № 4932).

545. , tsI̯wu, тсиву — левая часть знака "влажный", "сырой", правая часть знака "промежуток" — чайник (Н, I, с. 346; МП, 1787).

546. [足 — цзу], tswu, тсву — верхняя часть знака "железо", знак полностью — счетное слово при подсчете выпитого — металлический чайник (Н, I, с. 532; МП, 155, Г, I, с. 83; № 2555).

547. , ·а, а — глиняный горшок для варки пищи (ЧЧЧ, л. 23).

548. ? — горшок (Г, I, с. 94, № 0714, разнопись предыдущего знака?).

549. [迹 — цзи], tsi, тси — плетеный или деревянный сосуд для варки пищи (или плетеная корзина) (МП, 3432).

550. [積 — цзи], tsI̯ę, тсие — верхняя часть знака "чашка", "плошка", правая часть знака "молния" — маленькая чашечка, из которой пьют вино (МП, 2319).

551. [尼積 — ницзи], ndzI̯ęi, ндзиэи — левая часть знака "опора", правая часть знака (?) — сковорода, вертел (МП, 2864).

552. [木 — мо], lho, лхо — верхняя часть знака "плетенка для пищи", полностью знак "заступ" — плетенка, блюдо для пищи, тарелка, поднос (МП, 809, 3050).

553. ? — блюдо, тарелка (ЧЧЧ, л. 23).

554. ? — тарелка, блюдо, поднос (Н, I, с. 482; разнопись ТИУ, 552?).

555. [戮 — лу], ri̯u̯, риу — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "установить" — поднос (МП, 2275).

556. [丙 — бин], pI, пи — сковорода (МП, 4606).

557. [大 — лю], li̯wu, ливу — бутылка (Н, I, с. 329; МП, 3162).

558. [聒 — гуа], kwaɯ, кваы — левая часть знака "ваза", "чаша", средняя часть знака "кувшин", "сосуд" — патра (Н, II, с. 621; МП, 792, 3666).

559. [領 — лин], lhi̯ę, лхие — верхняя часть знака "вид утвари", правая часть знака "государство" — блюдо, чаша (Н, I, с. 504; МП, 2819; Г, I, с. 93; № 0938; II, с. 213).

560. [枯 — ку], khu, кху — верхняя часть знака "ложка", полностью знак "рот" — чаша, пиала, плошка, деревянная чашка (Н, I, с. 469; МП, 180; Г, II, с. 247, в значении "ложка").

561. [奴 — ну], nu̥, ну — чан, ушат, ведро, брус, брусок (Н, I, с. 464; МП, 4496).

562. [營 — ин], kwan, кван — левая часть знака "вода", пол-

ностью знак "брать", "взять" — бадья, колодезное ведро (Н, I, с. 333; МП, 840).

563. [絶 — цзюе], tshwa, тсва — верхняя часть знака "железо", полностью знак "нагревать", "делать теплым" — противень, сковорода, приспособление для поджаривания лепешек (МП, 756).

564. [[illegible] — нэн], ndɪ, нди — чашка (МП, 3840).

565. [掃 — сао], sa, са — черпак, ковш, уполовник (МП, 3577, в значении "изложить", "доложить"; Н, I, 553).

566. [尼則 — ницзэ] — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "ткать" — плетенка, корзина, домашняя утварь, чашка, плошка, название того, куда кладут пищу (МП, 2598).

567. [夷隋 — игэ], ·eɪ, еи — кубок, чаша (Н, I, с. 542).

568. [賈 — гу] — глиняный сосуд для воды (Н, II, с. 382).

569. [賈 — гу] — левая часть знака "наполнять", полностью знак "глина" — кувшин, бутылка, фляжка, сосуд для воды, название глиняного сосуда (МП, 645).

570. [則 — цзэ], tsə, тсэ — из частей знаков "палочки для еды", "помогать", правая часть знака "один" — название палочек для еды (МП, 2105).

571. [令 — лин], lɪe, лие — горшок, флакон, ваза, кувшин (Н, II, с. 621; МП, 4122).

572. [加 — цзя], ka, ка — левая часть знака "посуда", правая часть знака "сосуд" — сосуд, посуда (Н, II, с. 591; МП, 644).

573. [宜則 — ицзэ], ngə, нгэ — верхняя часть знака "замок", "запор", полностью знак "гора" — противень, жаровня, сковорода, приспособление для выпечки блинов (МП, 2422).

574. [無 — у] — левая часть знака "ложка", "ковш", левая часть знака "сосуд", "бутылка" — бутылка, сосуд, утварь для подношения пищи духам умерших (МП, 1792).

575. , phi, пхи — бадья, ведро (Н, I, с. 527; МП, 4368).

576. [積 — цзи] — верхняя часть знака "плошка", полностью знак "сосуд" — блюдо (МП, 425).

577. [丁 — дин], twɪn, твин — из частей знаков "чашка", "сорт", "вид", "разряд", правая часть знака "серебро" — кубок, чаша, чарка (из серебра?) (МП, 1306).

578. [無 — у], vɨu, виу — левая часть знака "сосуд для жидкостей"; правая часть знака "счищать" — черпак, ковш, ложка (Н, II, с. 378; МП, 1791; Г, I, с. 121, № 2731, II, с. 247).

579. [唵 — янь], ·a, а — глиняный (?) горшок для варки пищи (Н, I, с. 473; Г, II, с. 237).

13-3 280

580. [illegible] [玉 — юй], ngi̯u, нгиу + [[illegible] — во], ngôn, нгон — название сосуда (?) (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

581. [illegible] [吃 — гэ] + [令 — лин], li̯e, лие — горшок, кувшин, бутылка (Н, II, с. 556; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

582. [illegible] teɯ, тэы + [危 — вэй], vi̯e, вие — ковш, черпак(?) (Н, I, с. 213; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

583. [illegible] [姐 — цзе́], tsɪn, тсин + [玉 — юй], ngiu, нгиу — чайник (Н, I, с. 531; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

584. [illegible] tsɪwụ, тсиву + kwa, кваы — патра (Н, I, с. 346; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

585. [illegible] [乙 — и], ·i̯a, иа + [領 — лин], lhi̯e, лхие — глиняная чашка (ЩЦ (с. 28), раздел XXV).

586. [illegible] tsheɯ, тшеы + [丁 — дин], twɪn, твин — чаша, кубок (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

587. [illegible], riə̣, риэ + [奄 — янь], ·i̯a, иа — крышка котла (ЧЧЧ, л. 23).

588. [illegible] [末 — мо], lho, лхо + ? — плетеное блюдо (Н, I, с. 482).

589. [illegible], ·i̯ə, иэ + [無 — у], viu, виу — ковш, черпак, чарка (ЩЦ (с. 28), раздел XXV).

590. [illegible] [六 — лю], li̯wu, ливу + [丁 — дин], twɪn, твин — ваза, бутыль (Н, I, с. 491).

591. [illegible] [枯 — ку], khu, кху + i̯eɪ, ыэи — плошка, деревянная чашка (ЩЦ (с. 28), раздел XXV).

592. [illegible] [絶 — цзюе], tswa, тсва + [宜則 — ицзэ], ngə̣, нгэ — сковорода (Н, II, с. 530; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

593. [illegible] ([illegible]) [illegible] [則 — цзэ], tsə̣, тсэ + [麽 — мо], mu, му — носик чайника (Н, I, с. 498; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

594. [illegible], ngwə, нгвэ + [令 — лин], li̯e, лие — ваза (?) (Н, II, с. 621; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

595. [illegible] [西 — си], si, си + [奴 — ну], nu, ну — деревянный чан (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

596. [illegible] ? + tswu, тсву — чайник (Н, I, с. 489).

597. [illegible], tsə, тсэ + [尼得 — нидэ], ndwu, ндву — палочки для еды (Н, II, с. 372; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

598. [illegible], ndɪẹ, ндие + [丁 — дин], twɪn, твин — чаша, кубок, ваза (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

Одиночные знаки

599. [瀆 – ду], ndwu, ндву – щипцы для углей (МП, 3115).
600. ? – треножник (Г, II, с. 252).
601. [倉 – цан] – треножник (Н, II, с. 531; МП, 4403).
602. ? – ламповый фитиль (Г, I, с. 98, № 2750).
603. [窯 – яо], ·i̭uo, иуо – печь, топка, жаровня, курильница (Н, II, с. 425; МП, 4492).
604. [路 – лу] – из правой части знаков "имя предка", "имя" (?) – жаровня, курильница (МП, 51).
605. [哕足 – ицзу] – факел (Н, II, с. 525).
606. [丁 – дин], tɪ̭e, тие – нижняя часть знака "огонь", полностью знак "светлячок" – светильник, фонарь, лампа, факел (Н, I, с. 583; МП, 1307; Г, II, с. 227).
607. ? – свеча (Г, II, с. 206, разнопись предыдущего знака?)
608. [沒 – мэй], mɪ, ми – кремень (?), то, что производит огонь (МП, 3823).
609. [謀 – моу], tu, ту – правая часть знака "бить", нижняя часть знака "огонь" – предмет, с помощью которого добывают огонь (кремень) (МП, 110).

Биномы

610. [捞 – цза], tsə, тсэ + [羅 – ло], ldwon, лдвон – печь (ЩЩ (с. 28), раздел XXIV).
611. , mə, мэ + [窯 – яо], ·iuo, иуо – печь, топка, курильница, жаровня (Н, I, с. 476).
612. , nɪ̭wə, нивэ + ŝı, шиэ – травяной фитиль (Н, II, с. 370).
613. , riə, риэ + tshon, тшон – треножник, котел, таган (ЩЩ (с. 28), раздел XXV).
614. [丁 – дин], tɪ̭e, тие + [割 – гэ], khạ, кха – светильник, фитиль (Н, I, с. 275).
615. [丁 – дин], tɪ̭e, тие + ? – круглый фонарь (Н, I, с. 583).
616. [丁 – дин], tɪ̭e, тие + [頂 – дин], twɪn, твин – лампада (?), лампа в форме чаши (?) (Н, I, с. 583).

13-4 280

617. , шэ, мэ + [藥 — яо], ·i̯uo, иуо — печь, горн, топка (Н, I, с. 476; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

618. , шэ, мэ + [丙 — бин], pɪ̣, пи — лопата для ворошения углей (?) (Н, I, с. 476; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

Транспорт

Одиночные знаки

619. [折 — чжэ], ndzɪ̯ə̣, ндзиэ — полностью знак названия местности, нижняя часть знака "сидеть" — экипаж, паланкин (МП, 687, текст источника сильно поврежден).

620. [尼卒 — ницзу], ndzɪ̯ə̣, ндзиэ — паром, лодка, корабль (Н, I, с. 336; МП, 2632).

621. () [車 — чэ], tshɪ̯a, тшиа — верхняя часть знака "колесо", нижняя часть знака "сравнение", "сравнивать" — повозка, колесный экипаж (Н, I, с. 179; МП, 682).

622. [嘴精 — цзин], ndzɪ̯ẹ, ндзие — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "переплавляться по воде", "плыть" — корабль, паром, переправа (МП, 2647; Г, II, с. 244).

623. , u, у — экипаж, колесница, телега (Н, I, с. 290).

624. , no, но — спица в колесе (Н, I, с. 464).

625. [果 — го], ko, ко — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "двигаться", "идти" — колесница, тележка (Н, I, с. 496; МП, 1555).

Биномы

626. [嘴精 — цзин], ndzɪe, ндзие + [折 — чжэ], ndi̯ə, ндзиэ — корабль (Н, I, с. 336, 496).

627. [果 — го], ko, ко + [使 — е], ·ɪn, ин — легкая колесница (Н, I, с. 496).

628. [果 — го], ko, ко + [革 — гэ], ldɪ, лдиэ — тяжелая колесница (Н, I, с. 496).

Деньги

Одиночные знаки

629. [涅 — не], ndẓe, ндие — слиток золота или серебра (Н, II, с. 205; МП, 4090).

630. [薩 — сэ], sa, са — из левых частей знаков: "мера сыпучих тел", "пронизывать", "проникать", "становиться большим" — связка медных монет (Н, II, с. 522, МП, 578).

631. [嚒 — мо], sa, са — деньги (МП, 3685).

632. [尼精 — ницзи], ndzẓe, ндзие — левая часть знака "спокойствие", "благополучие", правая часть знака (?) — монета (Н, II, с. 589; МП, 2653; Г, I, с. 127).

Орудия наказания

Одиночные знаки

633. [與 — юй], ẓuo, иуо — левая часть знака "раскаиваться", полностью знак "преступление" — казнь, пытка, пытать, наименование всех орудий пыток (МП, 1755).

634. , swi̇, сви — деревянная решетка для дробления ног (пытка) (МП, 1920).

635. ( ) | 折 — чжэ |, śẓa, шиа — верхняя часть знака "цепь", "заковывать", "запирать", нижняя часть знака "связывать", "сковывать" — связывать, привязывать, веревка, узы, оковы, сковывать, цепь, названия того, когда опутывают путами (Н, I, с. 260; МП, 690).

636. [姑 — гу], khu, кху — кандалы (МП, 4502).

637. [[illegible] — фу], mbeɪ, мбеи — правая часть знака "связывать", "левая часть знака "опоясывать" (?) — забивать в колодки (МП, 1213).

638. [桃 — тао], tha, тха — ножные кандалы (колодки?) (МП, 3530).

639. [貞 — чжэнь], tśẓe, тшие — левая часть знака "нога", правая часть знака "веревка", "лассо" — путы, кандалы (Н, II, с. 230; МП, 1861).

640. [裴 — пэй], pheɪ, пхеи — левая часть знака "управление", правая часть знака "судороги" — канга, связывать (Н, I, с. 216; МП, 1204).

641. , žu, жу — верхняя часть знака (?), нижняя часть знака

"зернохранилище" — веревка для связывания, приспособление для закрепления (завязывания) канги (МП, 55).

642. ? — ручные кандалы (колодки?) (Н, I, с. 208).

643. , si̯u, шиу — левая часть знака "нога", правая часть знака (?) — ножные кандалы (колодки?), путы, оковы, связывать (Н, II, с. 160; МП, 88).

Биномы

644. [西 — си], si, си + swi̯, сви — деревянная решетка для дробления ног (пытка) (Н, II, с. 531; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

645. [西 — си], si, си + [令 — лин], li̯we, ливе — канга (Н, I, с. 286).

646. śi̯u, шиу + ? — ручные и ножные кандалы (колодки?) (Н, II, с. 160).

647. phei si li̯we (пхеи си ливе) — надевать кангу (Н, I, с. 216).

Мелкие предметы утвари

Одиночные знаки

648. [葛 — гэ], kaш, каы — безмен, весы (Н, I, с. 362).

649. [貴 — гуй], kwi, кви — верхняя часть знака "железо", верхняя часть знака "держать" — запор, замок (Н, II, с. 535; МП, 415; Г, I, с. 72, № 2550).

650. tśhäi, тшхаи — то, что запирает (замок) (МП, 1392).

651. [普 — пу], phi̯oш, пхиоы — клетка, корзина (Н, I, с. 505; МП, 4383; Г, I, с. 95, № 0696).

652. [特 — тэ] — левая часть знака "глиняный сосуд", полностью знак "священный камень" — сума, мешок (МП, 909).

653. [呤 — лэн], rẹ, рэ — сеть, силок (Н, I, с. 148).

654. [尼則 — ницзэ], ndzwon, ндзвон — большая часть знака "железо", правая часть знака "коготь", "ноготь" — рыболовный крючок (Н, II, с. 535; МП, 2609; Г, I, с. 100, № 2606, II, с. 218).

655. [奴 — ну], nụ, ну — ковш, мера сыпучих тел (Н, I, с. 474; МП, 4497).

656. [呤 — лэн] — полностью знак "связывать", правая часть знака (?) — запирать, связывать, замок (МП, 2292).

657. [illegible] [都 — ду], tu, ту — левая часть знака "трава", правая часть знака "силки" — силки, сеть, приспособление для ловли птиц и зверей (МП, 1759).

658. [illegible] [底 — ди], tɪ̯u, тиу — левая часть знака "слюна", правая часть знака "силки" — силки (МП, 1818).

659. [illegible] ([illegible]) [頂 — дин], tɪ̣, ти — зеркало (Н, II, с. 127; МП, 4609).

660. [illegible] [瀆 — ду], ndeɯ, ндеы — ловушка, силок (МП, 4155).

661. [illegible] [令 — лин] — рыболовный крючок (МП, 4141).

662. [illegible] ([illegible]) [把 — ба] — правая часть знака "использовать", "употреблять", правая часть знака "рыболовный крючок" — рыболовный крючок (МП, 718).

663. [illegible] [戮 — лу], rɪu, риу — метла, щетка (Н, II, с. 345).

664. [illegible] [量 — лян], ldIe, лдие — большая часть знака "смахивать рукой"], полностью знак "метла", "веник", "мести" — метла (Н, I, с. 472; МП, 2818).

Биномы

665. [illegible] [illegible] [貴 — гуй], kwi, кви +[拍 — бо], phe, пхе — ключ (Н, II, с. 371).

666. [illegible] [illegible] [拍 — бо], phe, пхе +[貴 — гуй], kwi, кви — замок (Н, II, с. 371).

667. [illegible] [illegible] ? + [戮 — лу], ri̯u̯, риу — метла (Н, II, с. 345; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

668. [illegible] [illegible] pɪ̯u̯, пиу + ·i̯a, иа — дождевой зонт (Н, I, с. 399).

669. [illegible] [illegible] [沒 — мэй], mə, мэ + ? — щипцы для углей (Н, I, с. 476; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

670. [illegible] [illegible] [常 — чан] + [外 — вай] — метла (?) (Н, I, с.257; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

Игры

671. [illegible] ([illegible]) [納 — на] — большая часть названия дерева, правая часть знака "игра", "забава" — шахматы, шашки, шахматные фигуры, игра (МП, 1938).

672. [illegible] [口領 — юй], rɪ̯e, рие — левая часть знака "клевать", полностью знак "лошадь" — игра, шахматы, шахматный конь; то, что передвигает игрок (МП, 2226; Г, II, с. 207, в значении "карточная игра").

Пища

Общие термины

Одиночные знаки

673. [濕 — ши], ŝi̯wə, шивэ — из частей знаков: "трусливый", "низ", левая часть знака "маленький" — еда (МП, 2120; Г, I, с. 73, № 5549).

674. [萼 — э] — пища (МП, 4727).

675. [奴 — ну], mbi, мби — еда, пища, питаться (МП, 4371).

676. [成 — чэн], ŝi̯e, шие — пища, провизия (МП, 1400).

677. [水 — шуй], ŝi̯we, шиве — еда, кушанье (МП, 3385).

678. [宜 — и], tshi, тши — левая часть знака "язык", правая часть знака "еда", "кушанье" — еда, кушанье, снедь (МП, 387).

679. [底 — ди], lo, ло — левая часть знака "пить", правая часть знака "есть" — еда, кушанье, название разного рода кушаний (МП, 2050).

Биномы

680. , ndzịe, нджие + ? — есть, питаться, еда (ЦЦ (с. 30), раздел XXV).

Профессии, связанные с приготовлением еды

681. le, ле — повар (Г, I, с. 72, № 4959).

682. tsɪwụ, тсиву — нагреватель вина (речь может идти и о сосуде для нагревания вина) (МП, 1787; Г, I, с. 91, № 4214, II, с. 256).

683. kwaш, кваы — нагреватель вина (Г, II, с. 256).

Продукты скотоводства и охоты

Мясные продукты

Одиночные знаки

684. [羅 — ло], rạ, ра — требуха (МП, 4914).

685. [小 — сяо] — левая часть знака "появление нароста на ноге у лошади", полностью знак "несочное мясо" — несочное, сухое мясо (МП, 1453).

686. , ni̯on, нион — правая часть знака "масло", правая часть знака (?) — свежее, сочное мясо (МП, 2204).

687. [樹 — шу], śi̯n, шин — мясо, плоть (МП, 3144, 4638).

688. [水 — шуй], siwe, сиве — красное (свежее?) мясо (МП, 3487 (в значении "темно-красный, розовый"); Г, II, с. 239).

689. [哈 — лин] — съедобная черепаха (МП, 5085).

690. [没 — мэй], mbə, мбэ — съедобная черепаха (?) (МП, 3750).

691. ? — яйцо (Г, II, с. 215).

692. ? — яйцо (Г, II, с. 215).

693. [尼 — ни] — яйцо (МП, 3703; Г, II, с. 215).

694. [勒 — лэ] — левая часть знака "ветер", правая часть знака "кость" — название костного мозга (?) (МП, 999).

695. [没 — мэй], mbə, мбэ — большая часть знака "внутренность", "находиться внутри", правая часть знака "кость" — костный жир, костный мозг (также "сгустки крови") (МП, 890).

696. , kha, кха — левая часть знака "есть", правая часть знака "прямая кишка" — название действия, когда мясо и тонкие кишки режут на куски (требуха?) (МП, 911).

697. [赤 — чи] — требуха, мелко накрошенное мясо и тонкие кишки (МП, 3806).

698. [喜 — си], si, си — печень, ливер, требуха (МП, 3438; Г, I, с. 117, № 2308, II, с. 228).

699. ? — сухое (несочное) мясо (Г, II, с. 214).

700. swu, сву — из правых частей знаков "мясо", "ров", "не иметься", "не" — простое (грубое, несочное, жесткое) мясо (МП, 59, разнопись предыдущего знака?).

701. [局 — цзюй], khi̯û, кхиу — требуха (МП, 3194).

702. , žôn, жон — требуха (МП, 4443).

703. [赤 — чи], tśhi̯ə, тшиэ — требуха (МП, 3806).

704. [赤 — чи], tśhi̯ə, тшиэ — правая часть знака "мясо", правая часть знака "жизнь", "живой" — мясо, плоть, живая плоть (МП, 321).

Биномы

705. [赤 — бо], phə, пхэ + ? — несочное мясо (ЦЦ (с.30), раздел XXV).

706. [荅 – да], tha, тха +[小 – сяо] – несочное мясо (ЩЦ (с. 30), раздел XXV).

707. [赤 – чи], tŝhi̯ə, тшиә +[局 – цзюй], khi̯u, кхиу – требуха (ЩЦ (с. 30), раздел XXV).

708. [赤 – чи], tŝhi̯ə, тшиэ + ndzi̯ẹi, ндзиэи – мясо (?) (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

709. [赤 – чи], tŝhi̯ə, тшиэ + [卓 – чжо] – порция мяса (?), кусок мяса (?); букв. "мясо делить" (ЩЦ (с. 30), раздел XXV).

Молочные продукты

Одиночные знаки

710. , ži̯u, жиу – молоко (Г, I, с. 85, № 4210, II, с. 230).

711. ( ) [賣 – май], mêi, мэи – большая часть знака "сок", "влага", "жидкость", правая часть знака "маслянистый", "жирный" – название творожной массы, маслянистой жидкости (МП, 1235).

712. [刀 – дао], teɯ, теы – большая часть знака "вода", правая часть знака "вода", "жидкость", "влага" – сыворотка (МП, 1435).

713. , ndzu, ндзу – масло (Г, I, с. 96, № 4396, II, с. 234).

714. [特 – тэ], kə, кэ – полностью знак "священный камень", "правая часть знака "творог" – творог (МП, 907).

715. ? – масло (Г, II, с. 234).

716. , lhɪ, лхи – большая часть фамильного знака, левая часть знака "молоко" – сливки, сметана (МП, 1085; Г, I, с. 96, № 3376; ПИ, с. 7б, изречение 81).

717. [周 – чжоу], tŝi̯weɯ, тшивеы – молоко (?) (МП, 4231).

718. , lhi̯u, лхиу – нижняя часть "кормить грудью", полностью знак "любить" – молоко (МП, 2804; Г, II, с. 230).

719. , ndzu, ндзу – из частей знаков "шпильки", "масло", левая часть знака "причина" – делать масло; молоко в сосуде взбалтывать, масло отделять (МП, 2672).

720. ? – разнопись ТИУ, 718.

721. [孛 – пэй], phə, пхэ – сливки (МП, 3717).

722. , ndži̯e, нджиэ – верхняя часть знака "ухаживать за скотом", правая часть знака "сало", "жир" – в кипяченое молоко сливки кладут и получается ... (МП, 3004).

723. [能 – нэн], nwɨ, нви – сливки (Н, I, с. 353).

724. [欄 — лань] — полностью знак "священный камень", левая часть знака "молоко" — если скисшее молоко процедить, то останется творог из сырого молока (МП, 833).

Биномы

725. ( ), žiu, жиу + ? — варенец, айрак, творог, сыворотка (Н, I, с. 344; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

726. [能 — нэн], nwɪ, нви + [尼祖 — ницзу], ndzu, ндзу — сливочное масло (Н, I, с. 353).

Продукты земледелия

Зерновые

Общие термины

727. [食 — ши], śie, шие — зерно (Н, I, с. 392; Г, II, с. 221; ЩЦ (с. 8), раздел XI).

728. [魚骨 — юйгу], ngwə, нгвэ + [食 — ши], śie, шие — пять сортов зерна (Н, II, с. 392).

Сорта зерна и способы его приготовления

Одиночные знаки

729. ( ) [害 — кэ], khê, кхэ — рис (Н, II, с. 391; МП, 3341; Г, I, с. 77, № 1701; II, с. 240, 253).

730. ? — приготовленный (вареный) рис (Г, I, с. 77, № 194).

731. , ton, тон — подсолнечник (Г, I, с. 87, № 5095, II, с.249).

732. [瀆 — ду], ndwu, ндву — горох (Н, II, с. 392).

733. [瀨 — лай] — левая часть знака "злак", правая часть знака "сладкий", "вкусный" — пшеница (Н, II, с. 393; МП, 3055).

734. [尼足 — ницзу] — название первосортного риса, риса позднего созревания, рис неклейкий (МП, 2888; Г, II, с. 240).

735. [果 — го], kwo, кво — левая часть знака "название злака", из частей знаков "сокровище", "плоды" — пшено, название провизии (МП, 1579).

736. (?) [日率 — жишуай] — левая часть знака "название злака", правая часть знака "клей" — просо и пшеница, клейкое просо (МП, 2468).

737. [捨 — шэ], ŝi̯ei, шиеи — ячмень (МП, 6059).

738. [尼穀 — нигу], ndẑi̯uo, нджиуо — из частей знаков "зерно", "тереть", правая часть знака "зерно" — мука (МП, 2998).

739. [索 — со] — просо, хлеб (МП, 4298).

Биномы

740. [勿 — у], wə, вэ + [維 — вэй], ki̯e, кие — подсолнечник (?) (Н, II, с. 343).

741. [客 — кэ], khê, кхэ + [龐 — пан], phôn, пхон — белый рис (Н, II, с. 391).

742. [客 — кэ], khê, кхэ + [尼穀 — нигу], ndẑɪuo, нджиуо — рисовая мука (ЦЦ (с. 29), раздел XXV).

743. [敗 — бай], phêi, пхэи + [昊 — хао], ha, ха — вика (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

744. ? + [麻 — ма], rie, рие — ? (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

745. ? + [麻 — ма], ri̯ẹ, рие — ? (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

746. [瀆 — ду], ndwu, ндву + [慶 — цин], khɪn, кхин — бобы, горох (ЦЦ (с. 8), раздел XI, Н, II, с. 392).

747. [瀆 — ду], ndwu, ндву + [嘿 — хэй], nɪ̯a, ниа — черный соевый боб (Н, II, с. 392).

748. [瀆 — ду], ndwu, ндву + [百 — бай], pê, пэ — вьющиеся бобы (?) (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

749. [瀆 — ду], ndwu, ндву + se, се — бобы и конопля(?) (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

750. [拏 — на], ndẑa, нджа + [客 — кэ], khê, кэ — поджаренный рис (ЦЦ (с. 8), раздел XI; Н, I, с. 582).

751. [六 — лю] + [每 — мэй] — мука (рисовая, бобовая) (Н, II, с. 615; ЦЦ (с. 29), раздел XXV).

752. [尼足 — ницзу] + [客 — кэ], khə, кхэ — поздний неклейкий рис (Н, II, с. 130).

753. [尼足 — ницзу] + [捨 — шэ], ŝi̯ei, шиеи — неклейкий рис и ячмень (?) (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

754. [多 — до], ton, тон + [索 — со], so, со — ? (ЦЦ (с. 8), раздел XI).

755. [婁 — лоу], lweɯ, лвеы + [客 — кэ], khê, кхэ — пареный рис (ЦЦ (с. 8), раздел XI, Н, II, с. 542).

756. [illegible] [illegible] [索 — со] + [果 — го], kwo, кво — просо (ЦЦ (с.8), раздел XI).

757. [illegible] [illegible] ndẑia, нджиа + [客 — кэ], khê, кхэ — клейкий рис (Н, I, с. 344; ЦЦ (с. 8), раздел XI).

758. [illegible] [illegible] [捨 — шэ], šɪei, шиеи + [癩 — лай] — ячмень и пшеница (Н, II, с. 344; ЦЦ (с. 8), раздел XI).

759. [illegible] [illegible] se, се + [敗 — бай], phêi, пхэи — конопля и вика(?) (Н, II, с. 346).

Фрукты, овощи, съедобные растения

Общие термины

Одиночные знаки

760. [illegible] [沒 — мэй], mə, мэ — овощи, съедобные растения (МП, 3735).

761. [illegible] [那 — на], nа, наы — овощи (Н, I, с. 304; МП, 3661).

Биномы

762. [illegible] [illegible] sɪ, си + [那 — на], na, наы — овощи, вегетарианское блюдо (Н, I, с. 304).

Сорта растений и их части

Одиночные знаки

763. [illegible] ẑweɯ, жвеы — полностью знак "кожа", полностью знак "знать", "понимать" — название мягкого незрелого плода (МП, 1471).

764. [illegible] [則 — цэ], tsəɯ, тсэы — левая часть знака "широкий и низкий", "приземистый", средняя часть знака "коленце", "сустав" — наименование чайного листа (МП, 2499).

765. [illegible] [沒 — мэй], mbə, мбэ — ? (МП, 3751).

766. [illegible] [領 — лин], ldɪ, лди — ? (МП, 4615).

767. [illegible] [七 — ци], tshɪ, тсхи — турнепс, брюква (МП, 3853).

768. [illegible] [泥 — ни], niu, ниу — большая часть знака "ухо", левая часть знака "овощ" — ? (МП, 121).

769. [塊 — вэй], khwâ, кхвэ — большая часть знака "рога", левая часть знака "овощ" — турнепс, брюква (МП, 962).

770. ( ), wə̣, вэ — большая часть знака "старый", левая часть знака "овощ" — ? (МП, 2094).

771. [羅 — ло], ṛa, ра — редька, репа, корнеплоды (МП, 4910).

772. [沒 — мэй], bə, мэ — ? (МП, 3727).

773. [有 — ю], ·êш, эы — ? (МП, 4217).

774. [孛 — пэй], phə, пхэ — редька, репа (МП, 3721).

775. [吃 — чи], kı, ки — ? (МП, 3842).

776. kı, ки — апельсин (Г, I, с. 82, № 3867, II, с. 234).

777. [流 — лю], kha, кха — левая часть знака "овощ", левая часть знака "болото", "низина" — съедобный горький лотос (МП, 2500).

778. [吴 — у], ·wə, вэ — тыква-горлянка (МП, 3781).

779. ( ) [沒 — мэй], mbe, мбе — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "красноречие" (?) — деревья — каштан и абрикос (МП, 431).

780. [外 — вай], we, ве — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "птица" — гранат (МП, 262, в значении "название стропил, перекрытий в храме"; Г, 1, с. 146, № 0802).

781. [菊 — цзюй] — левая часть знака "трава", полностью знак "горький" — лук, чеснок (МП, 1800).

782. [麥 — мэй], mbê, мбэ — виноград (МП, 3334).

783. [王 — юй] — ? (МП, 3201).

784. ndeш, ндеы — ? (Г, , с. 110, № 4366).

785. [杏 — син], xai, хаи — абрикос (МП, 4108).

786. [尼長 — ничжан], ndẑi̭on, нджион — левая часть знака "трава", правая часть знака "темно-синий" — овощ, окрашенный в темно-синий цвет (баклажан?) (МП, 2695).

787. [衣 — и], i, и — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "множество", "иметься во множестве" — название дерева со съедобной корой (также "вяз"). Возможно, корица (МП, 402).

788. [菊 — цзюй], ki̭u, киу — полностью транскрипционный знак, левая часть знака "овощ" — брюква, турнепс (МП, 128).

789. ? — груша (Г, II, с. 235).

Биномы

790. ? + [有 — юй], ·êш, эы — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

791. [沒 — мэй], mbə, мбэ + [— лин], ldi̭, лди — ? (ЩЦ (с. 7), раздел XI).

792. śiə, шиэ + лие — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

793. ri̯a, риа + naш, наы — брюква, турнепс (Н, I, с.304).

794. ri̯a, риа + [赤 — чи], tśhi̯e, тшие — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

795. ri̯a, риа + ? — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

796. êш, эы + naш, наы — полынь (Н, I, с. 304).

797. mba, мба + naш, наы — шпинат (Н, I, с. 304; ЩЦ (с. 6), раздел IX).

798. ? + naш, наы — ароматный овощ (?) (Н, I, с. 304).

799. li̯e, лие + naш, наы — ? (ЩЦ (с. 6), раздел IX).

800. sɪwan, сиван + naш, наы — баклажан (Н, I, с. 304; ЩЦ (с. 7), раздел IX).

801. tśhi̯weш, тшивеы + naш, наы — мята (Н, I, с. 304; ЩЦ (с. 6), раздел IX).

802. kha, кха + [留 — лю], ri̯eш — рис ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

803. [留 — лю], ri̯eш, риэы + naш, наы — ? (Н, I, с.304; ЩЦ (с. 6), раздел IX).

804. [菊 — цзюй], ki̯u, киу + [濯 — чжо], tśwôn, тшвон —? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

805. [麻 — ма], ma + ndeш, ндеы — ? (Г, II, с. 220).

806. [折 — чжэ], kâ, ка + [路 — лу], lwon, лвон — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

807. [賤 — цзэй], tsha, тсха + vi̯a, виа — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

808. [玉 — юй] + ndži̯on, нджион — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

809. lu, лу + [尼長 — ничжан], ndži̯o, нджио — ? (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

810. ri̯a, риа + [上 — ци], tshɪ, тсхи + [韋 — вэй], khwâ, кхвэ — брюква, турнепс (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

811. ri̯a, риэ + [吃 — чи], kɪ, ки + ki̯u, киу — брюква, турнепс (ЩЦ (с. 7), раздел IX).

812. ri̯e, рие + tśi̯we, шиве + naш, наы — портулак кухонный (Н, I, с. 304; ЩЦ (с. 7), раздел IX).

813. ndžiwe, ндживе + khwa, кхва + naш, наы — ранний овощ (?) (Н, I, с. 304, ЩЦ (с. 7), раздел IX).

Приправы

Минеральные вещества

814. [吾 — у], ·u, у — соль (МП, 3088; Г, I, с. 107, № 1156, II, с. 242).
815. [七 — ци], tshɪ, тсхи — соль (МП, 3852; Г, I, с. 108, № 2826).
816. , tŝhi̭we, тшиве — соленый (Г, II, с. 242).
817. tŝi̭on, тшион + êɯ, эы + kôn, кон — место добычи соли (глоссарий к переводу Тангутского кодекса законов |Кодекс, № 138|).

Растительные вещества

Одиночные знаки

818. [拶 — цза], tsa̩, тса — полностью знак "горький", правая часть знака "название травы" — перец (МП, 2354; Г, II, с. 236).
819. , se, се — горчица, сурепка (ЧЧЧ, л. 14).
820. [每 — мэй], ɯe, ме — название пряности (МП, 3475).

Биномы

821. , se, се + naɯ, наы — горчица, сурепка (ЦЦ (с. 6), раздел IX).

Напитки

Общие термины

Одиночные знаки

822. [泥 — ни], ndi, нди — питье, напиток, пить (МП, 3412).

Биномы

823. , tshi̭uo, тсхиуо + [提 — ти], thi, тхи — питье, напиток (ЩЦ (с. 30), раздел XXV).

Сорта напитков
и технология их приготовления

Одиночные знаки

824. ( )? — левая часть знака "название злака", правая часть знака "лисва" — доу зерна смолов, с лекарственными травами смешав, сусло делают и в винную закваску кладут (сусло?) (МП, 624).

825. [准 — чжунь], tśi̭wə, тшивэ — верхняя часть знака "квасить"; полностью знак "ягоды", "квасить ягоды" — название действия, при котором что-нибудь закрывают с тем, чтобы оно скисло (МП, 1153).

826. ( ) [— цза], pei, пеи — левая часть знака "получить ягненка, верблюжонка, жеребенка", левая часть знака "варить рис" — название варки риса и (приготовления) кумыса. (МП, 1203). По-видимому, речь идет все-таки о приготовлении опьяняющего напитка из риса.

827. we, ве — кумыс (Г, II, с. 227).

828. [訛 — э], ·o, о — вино (МП, 4305; ПИ, с. 10б. изречение 19; Г, II, с. 256).

829. tho, тхо — вино (Г, II, с. 256).

830. [則 — цзэ], tsə̣, тсэ — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "лекарство" — чай (Н, I, с. 489; МП, 2104; Г, I, с. 103, № 1012, II, с. 250).

831. [底 — ди], ti̭ei, тиэи — верхняя часть знака "квасить", полностью знак "ставить", "располагать" — приготовление вина (закрыть сусло, закваску и квасить вино) (МП, 2045).

832. [青 — цин], ndin, ндин — отвар, сок, сироп, соус (МП, 4018).

Биномы

833. , tshi, тшиэ + [領 — лин], rie, риэ — сквашенный напиток (ЩЦ (с. 30), раздел XXV).

834. [則 — цза], pei, пеи + [馬 — ма] — варка риса и приготовление кумыса (ЩЦ (с. 30), раздел XXV).

14-3 280

835. [領 — лин], rie, риэ + tsɪwe, тсиве — кислый напиток (?) (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

836. zie, жие + we, ве — кумыс (Н, I, с. 371).

837. [則 — цзэ], tsə, тсэ + [則 — цзэ], tsə, тсэы — чай (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

Блюда

Хлебные изделия

Одиночные знаки

838. [六 — лю], lɪwu, ливу — пампушка (МП, 4549; Г, I, с. 47, № 0171).

839. [乙 — и], ngɪu, нгиу — верхняя часть "жарить", "поджаривать", из частей знаков "жечь", "жарить", "греть", "делать горячим" — пирог (МП, 2252 (в значении "поджаривать"); Г, II, с. 202).

840. [遏 — э] — блин, лепешка (МП, 4687).

841. ? — пирог, пирожок (Г, I, с. 149, № 0536, II, с. 206, разнопись предыдущего знака?).

Биномы

842. [六′ — лю], lɪwu, ливу + ? — пампушка (Н, II, с.210; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

843. [浪 — лан], ruo + [遏 — э] — сухой блин, сухое печенье (Н, II, с. 446; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

844. [提 — ти], thwi, тхви + [拏 — на], ndʑê, нджэ — пирожное в форме серпа (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

845. [嚩 — фу], vi̯a, виа + [遏 — э] — разноцветный блин, разноцветное печенье (пирожное?) (ЩЦ (с. 29), раздел XXV; Н, II, с. 31).

846. pu, пу + [遏 — э] — блины (Н, I, с. 475; ЩЦ (с.29), раздел XXV).

847. [乙 — и], ngɪu, нгиу + [遏 — э] — грубый блин (блин из грубой муки?) (Н, II, с. 528).

848. ki (?), ки + ? — разновидность пампушки (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

849. ki (?), ки + [遏 — э] — разновидность блина (букв. "пареный блин") (Н, II, с. 542).

850. , viei, визэ + [遏 — э] — жмыхи (Н, II, с. 548).

Сладкие блюда

Одиночные знаки

851. [率 — шуай], śwê, швэ — левая часть знака "сладкий", полностью знак "насекомое" — мед (Н, I, с. 331; МП, 302, Г, I, с. 150, № 4244).

852. [則 — цзэ], źẹ, жэ — сахарный тростник (Н, I, с. 493; МП, 4950; Г, I, с. 96, № 0756).

Биномы

853. [領 — лин], ldɪ, лди + [爲 — вэй], viei, визи — лакомство, деликатес (Н, I, с. 407, знаки в обратном порядке; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

854. [率 — шуай], thwi, тхви + ? — сладкий ... (?). (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

855. [率 — шуай], śwê, швэ + lhə, лхэ — мед (Н, I, с. 331; ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

856. [甘 — гань], źi, жи + [折 — чжэ], tśia, тшиа — сахарный тростник (Н, II, с. 420).

Различные блюда

Одиночные знаки

857. ( ) [名 — мин] — рисовый отвар, жидкая каша, каша. (МП, 6081; Г, I, с. 77, № 5194, II, с. 222).

858. [乙 — и], ngɪu, нгиу — большая часть знака "печь", левая часть знака "делать" — сушить, поджаривать злаки на огне (МП, 2253).

859. [冷 — лэн], ldâi, лдаи — левая часть знака "двигаться", правая часть знака "толочь", "тереть", "измельчать" — мелкая лапша с бульоном (МП, 1851).

860. [乙 — и], ngɪu, нгиу — верхняя часть знака "поджаривать", из частей знаков "жечь", "жарить", "греть", "делать горячими" — поджаривание злаков и употребление их в пищу (МП, 2252).

Биномы

861. [冷 – лэн], ldâi, лдаи + [嚩 – фу], via, виа – мелкая лапша с бульоном (?) (ЩЦ (с. 29), раздел XXV).

862. [底 – ди], tɪ̯̂e̤i, тиэи + ? – рисовый отвар (ЧЧЧ, л. 33).

863. , khɪn + khê + tɪei (кхин кхэ тиеи) – блюдо, приготовленное из сухого риса (ПИ, с. 3[б], изречение 26).

864. khɪn + khê + tɪ̂ei + kha + ̀zie+ ku +·o (кхин кхэ тиен кха жие ку о) – в блюдо, приготовленное из сухого риса, воду наливают (ПИ, с. 3[б], изречение 26).

Архитектура

Типы поселений

Одиночные знаки

865. [播 – бо], po, по – левая часть знака "город", правая часть знака "маленький" – небольшой город (Н, I, с. 379; МП, 1535).

866. [周 – чжоу], tśi̯e, тшие – левая часть знака "площадь", "плац", "позиция", левая часть знака "земля" – небольшой город, острог, укрепленное место, лагерь, позиция, обнесенная стеной площадь (МП, 1490).

867. ? – большой город (Н, II, с. 502; МП, 3533).

868. [嵬 – вэй], we, ве – город, стена (Н, I, с. 374).

869. [勿 – у], vi̯u, виу – деревня (Н, I, с. 187).

870. [嚩 – фу], nwei, нвеи – большой город (МП, 3925, 4837).

871. ( ) [尼卒 – ницзу], ndzɪ, ндзи – правая часть знака "ограда", "стена", правая часть знака "небольшой город" – небольшой город, крепость, укрепление, ограда (МП, 2629).

872. ( ), phe, пхе – левая часть знака "смелый", "отважный", правая часть знака "стена", "крепость" – небольшой город, крепость, острог, владение, удел (МП, 244; Г, I, с.125, № 2199).

Биномы

873. [播 – бо], po, по + [嵬 – вэй], we, ве – небольшой город (пояснение к МП, 244).

874. [尼卒 — ницзу], ndzɪ, ндзи + phe, пхе — небольшой город (Н, 1, с. 587, II, с. 480; ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

Профессии, связанные с градостроительством

Одиночные знаки

875. [名 — мин], mbɪ̂ɛ̤, мбиз — строитель (МП, 4576).

Биномы

876. [盧 — лу], ldu, лду + [力 — ли] — каменотес (Н, I, с. 410).

Материалы для изготовления построек

Одиночные знаки

877. [則 — цзэ], ndzɪ̂u, ндзиу — верхняя часть знака "название дерева", полностью знак "краснолицый" — лак, красивая, не смываемая дождем краска (МП, 2600).

878. [外 — вай], wei, веи — колышек (для палатки?) (МП, 3900).

879. [嚜 — мо], nɪaɯ, ниаы — необожженная глина, штукатурка (МП, 3683).

880. , ndzu, ндзу — левая часть знака "земля", полностью знак "тонкий" — кол, заостренная палка (МП, 2920).

881. [乙 — и], i, иэ — средняя часть знака "глина", левая часть знака "жечь" — кирпич, черепица (Н, II, с. 330; МП, 2126; Г, II, с. 205).

882. [尼則 — ницзэ], ndzwon, ндзвон — правая часть знака "мост", правая часть знака "черепица" — черепица, которой помимо императорского дворца покрывают храмы (МП, 2605).

883. [旁 — пан], tŝi̭uo, тшиуо — штукатурка (Н, I, с. 336; МП, 5025).

884. [骨 — гу], kwə̣, квэ — левая часть знака "делать", полностью знак "двор" — необожженные кирпичи, высушенные на солнце, кирпич-сырец (Н, II, с. 402; МП, 2099; Г, I, с. 107, № 2416).

Биномы

885. [嚜 — мо], nɪaш, ниаы + [莊 — чжуан], тшиуо — штукатурка (Н, I, с. 335).

886. [乙 — и], ·i̭ə, иэ + [尼 則 — ницзуэ], ndzwon, ндзвон — черепица, кирпич (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

887. [旁 — пан], tŝi̭uo, тшиуо + [嚜 — мо], nɪaш, ниаы — необожженная глина, штукатурка (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

888. [骨 — гу], kwə, квэ + ? — сырые необожженные кирпичи (?) (Н, II, с. 333, ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

Элементы построек

Одиночные знаки

889. [郎 — лан], lo, ло — ограда, частокол (Н, II, с. 651).

890. ldi̭e, лдие — правая часть знака (?), правая часть знака (?) — запор, щеколда (МП, 1006).

891. ? — столб, колонна (МП, 4527).

892. , ie, ие — ворота, кумирня (Н, I, с. 190).

893. [則 — цзэ] — терраса, помост (Н, I, с. 279; Г, I, с.84, № 1867).

894. [尼 辛 — ницзу], ndzwɪ, ндзви — верхняя часть знака "блюдо", "поднос", полностью знак "крылья" — галерея вокруг здания (МП, 2894; Г, I, с. 86, № 0697, II, с. 254).

895. [悟 — у], ngu, нгу — балки, матицы (МП, 3075).

896. [麻 — ма], ma, ма — левая часть знака "восток", левая часть знака "ворота", "двери" — дверной порог (МП, 725).

897. — дверной засов (Н, II, с. 421; МП, 3960; Г, I, с. 81, № 4505, II, с. 219).

898. , ·eш, еы — крепостной ров, ров вокруг города (МП, 1458).

899. [尼 專 — ничжуань], tŝi̭wan, тшиван — верхняя часть знака "дерево", правая часть знака "тонкий", "мелкий" — стропила, деревянные балки (МП, 861).

900. [每 — мэй], mei, мэи — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "пещера", "нора", "дыра" — окно (МП, 1211; Г, II, с. 256).

901. [庖 — пао], phô, пхо — окно (Н, II, с. 35; МП, 4319; Г, II, с. 256).

902. — разнопись предыдущего знака.

903. ? — окно (Г, I, с. 98, № 3428).

904. ( ) [每 — мэй] — разнопись ТИУ, 900 (Н, I, с. 477; МП, 1211, Г, I, с. 97, № 0860).

905. [果 — го], kon, кон — запор, замок (МП, 4376).

906. [唯 — дуй], twẹi, твеи — стропила, балки (МП, 4704).

907. , rįẹ, риэ — замок, затвор, запор (ЧЧЧ, л. 23). Может также иметь значение "треножник", "котел на ножках" (Н, II, с. 529).

908. [奄 — янь], ·a, а — ворота, дверь (также "семья") (Н, II, с. 559; Г, II, с. 213).

909. [領 — лин], ldįen, лдиен — этажи, ярусы (МП, 4140).

910. [尼積 — ницзи], ndzįei, ндзиэи — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "ставить" — опора, столб, колонна, деревянная матица, балка в жилище (Н, I, с. 503; МП, 2865).

911. [則 — цзэ], ẑəш, жэы — стреха, карниз, свисающий край (Н, I, с. 501; МП, 4255).

912. [叔 — шу], śįwu, шиву — изгородь, перила, барьер (МП, 3157, 3268).

913. ( ) [關 — гуань], kwân, кван — правая часть знака "прекратить отсылать вещи" (?!); левая часть знака "часто"(?) — ограда, огороженное место, двор (МП, 852).

914. ( ) [外 — вай], we, ве — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "птица" — название стропил, перекрытий в храме (МП, 262).

915. [屈 — цюй], khwa, кхва — левая часть знака "круглый", левая часть знака "связывать" — темный круглый двор (МП, 611).

916. sɪwi, сиви — левая часть знака "деревянная матица", "подпорка у здания", правая часть знака "пояс", "веревка" — крепостная стена, городское укрепление (МП, 427).

917. lie, лиэ — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "крепостная стена" — название большой матицы, деревянной подпорки у здания (МП, 426).

918. ( ) swei, свеи — левая часть знака "окно", нижняя часть знака "тереть" — окно, отверстие (МП, 1227).

919. [六 — лю], lɪwu, ливу — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "ровный" — большая деревянная балка в доме (МП, 1831).

920. khu, кху — окно (Г, I, с. 101, № 4087; II, с. 256).

921. [尼准 — ничжунь], tsiwan, тшиван — стропила (МП, 3710).

922. [聖 — шэн], sie, шие — подпорка, столб (МП, 4114).

923. ? — верхняя часть знака "окружать", полностью знак "гнездо" — окно (также "колодец", "арык", "канава") (МП, 1476).

924. , vi̯uo, виуо — потолочная балка (Г, I, с. 102, с. 732).

925. [冷 — лэн], re, ре — ограда, перила (МП, 4856).

926. [憍 — цзяо], ngaɯ, нгаы — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "почитать", "изогнутый" — деревянная стенка, перегородка в помещении (МП, 1488).

927. , ndziuo, нджиуо — пол (Г, I, с. 108, № 1697).

928. [嵬 — вэй], we, ве — стена, городская стена (МП, 3308).

929. , len, лен — стена (Г, I, с. 109, № 1299).

930. ? — из частей знака "окоп", "траншея", "чиновник", правая часть знака "земля" — ров, ограда, частокол (МП, 2688).

931. [迦 — се], ki̯a, киэ — правая часть знака "доходить до ...", правая часть знака "терпеть" — опора, подпорка, фундамент (МП, 759).

932. , mbɪ̯ei, мбиэы — стена (Г, I, с. 111, № 5299).

933. [那 — на], no, но — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "ребро" — название тонких ба́лок, перекладин и бревен в помещении (МП, 1549).

934. ( ) [叔 — шу], śi̯wu, шиву — веранда, галерея вокруг здания (Н, I, с. 506; МП, 3158; Г, I, с. 115, № 0899).

935. ? — веранда (Г, II, с. 254, разнопись предыдущего знака).

936. ? — терраса (Г, II, с. 250).

937. ( )? — верхняя часть знака "трудиться", полностью знак (?) — запирать дом, завязывать; прикрытие, заслон, запор; (способ запирать дверь с помощью веревки (МП, 1198).

938. [由 — ю], êɯ, еы — из частей знаков "возрастать", "собираться", "накапливаться", правая часть транскрипционного знака — садовая ограда (МП, 1496).

939. [永 — юн], vi̯e, вие — замок (МП, 4566).

940. [尼卒 — ницзу], ndzɪ, ндзи — ограда, стена (Н, I, с. 587).

941. [鐺 — чэн], tśhêi, тшэы — забор, изгородь, плетень (МП, 3948).

Биномы

942. [[illegible] — пи], pɪ̯a, пиа + [郎 — лан], lo, ло — ограда (ЦЦ (с. 29), раздел XXV).

943. [悟 – у], ngu, нгу + [六 – лю], lɪ̭wu, ливу – большая матица, деревянная балка (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

944. [尼專 – ничжуань], tŝiwan, тшиван + [七 – ци], tshɪe, тсхие – тонкие балки (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

945. lɪ̭a, лиа + ·i̭u, иу – плетень (Н, II, с. 227; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

946. [口堆 – дуй], twẹi, твеи + vi̭uo, виуо – перила моста (?) (Н, I, с. 485; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

947. [奄 – янь], ·a, а + [麻 – ма], ma, ма – дверной порог (Н, I, с. 393; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

948. [尼積 – ницзи], ndzɪ̂ei, ндзиэи + [迦 – се], ki̭a, киа – колонна, матица, подпорка (?) (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

949. [則 – цзэ], ẑəɯ, жэы + [六 – лю], lɪ̭wu, ливу – карниз (Н, I, с. 501; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

950. [叔 – шу], ŝɪ̭wu, шиву + [唥 – лэн], rẹ, рэ – изгородь (?) (Н, I, с. 492; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

951. ri̭ə, риэ + [則 – цзэ] – терраса храма (Н, I, с.279).

952. khû, кху + [眉 – мэй], mei, мэи – окно (Н, I, с.279).

953. [尼準 – ничжунь], tŝi̭wan, тшиван + [折 – чжэ], ŝia, шиа – стыки стропил (?), веревки, связывающие стропила (?) (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

954. phə, пхэ + [閣 – гэ], ka, ка – связывать, соединять, класть одно на другое (Н, I, с. 177; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

955. ? + eɯ, еы – ров (Н, II, с. 496; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

956. [叔 – шу], ŝi̭wu, шиву + [尼卒 – ницзу], ndzwɪ, ндзви – галерея вокруг здания (Н, I, с. 506; ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

957. [高 – гао] + [鐺 – чэн], tŝhên, тшеи – забор, изгородь, плетень (?) (ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

Типы построек

Светские здания

Одиночные знаки

958. [君 – цзюнь], kɪ̭wên, кивэн – левая часть знака "трава",

левая часть знака "комната", "помещение" — шалаш, название жилища из травы и дерева (МП, 516).

959. [外 — вай], wei, веи — кладовая, склад, хранилище (МП, 3898).

960. [西 — си], sɪ̯ei, сиэи — левая часть знака "дом", "помещение", правая часть знака "дворец" — дворец, императорский город (Н, II, с. 21; МП, 2062; Г, I, с. 74, № 3447, II, с. 235).

961. ( ) [哺 — ву], pɪ̯u, пиу — дворец, палаты, хоромы (Н, I, с. 242; МП, 4532; Г, I, с. 74, № 4076, II, с. 235; ПИ, с. $2^{а}$, изречение 2).

962. [長 — чжан], tŝhi̯on, тшион — полностью транскрипционный знак, левая часть знака "юрта", "помещение", "жилье" — жилье, юрта, шалаш из травы (МП, 1720).

963. [野 — е], ·i̯e, ие — помещение, юрта, палатка, кибитка, шатер (МП, 4115; ПИ, с. $4^{б}$, изречение 35, с. $6^{а}$, изречение 60).

964. [皮 — пи], phi, пхи — левая часть знака "опора", нижняя часть знака "комната" — жилище, помещение, дом, комната (Н, I, с. 356; МП, 350).

965. ( ) [斡 — во], wa̩, ва — императорский дворец, императорский город (Н, I, с. 507; МП, 4673; Г, I, с. 84, № 0456).

966. ( ) [吃 — чи] — комната (Н, II, с. 81; Г, I, с. 84, № 3696).

967. [閣 — гэ], ka, ка — левая часть знака "ровный", левая часть знака "промоина", "пересеченная местность" — мост (МП, 566, в значении "промоина"; Г, I, с. 92, № 5383, II, с.205).

968. ? — левая часть знака "хороший конь", левая часть знака "растение" — шалаш, название жилища из травы (МП, 848).

969. [奴 — ну], ndu, нду — левая часть знака "копить", правая часть знака "накоплять", "много" — кладовая, копить, класть в кладовую (МП, 198).

970. [路 — лу] — верхняя часть знака "кладовая", полностью знак "складывать" — кладовая, сокровищница, место, где хранят разные ценности (МП, 52).

971. [屈 — цюй], khwɪ, кхви — тюрьма (МП, 3869).

972. [加 — цзя], ka, ка — левая часть знака "жилое помещение", левая часть знака "ворота" — дом, где живут старые родители (МП, 642; Г, I, с. 91, № 1258, II, с. 224).

973. [能 — нэн], ndɪ̯wə, ндивэ — левая часть знака "влажный", правая часть знака "сочный" — намокшая палатка, сырое помещение (?) (МП, 2144).

 974. [謀 — моу] — дом, жилище, кумирня (МП, 3067).

975. [illegible], khwai, кхваи — левая часть знака "кумирня", левая часть знака "внешний вид", "лицевая, наружная сторона" — дом, жилище, комната, палатка, юрта, шатер (Н, II, с. 121; МП, 1324; Г, I, с. 95, № 3432, II, с. 224).

976. [illegible] [相 — сян], sɪ̂o, сио — большая часть знака "кладовая", средняя часть знака "класть", "ставить" — хранить, класть в кладовую (Н, I, с. 321; МП, 1617).

977. [illegible] [奄 — янь], ·a, а — левая часть знака "комната", "дом", правая часть знака "место" — дом, комната, покои, хоромы, палатка, шатер, юрта (МП, 583).

978. [illegible] [領 — лин], ldɪ̂en, лдиен — палаты, дворец, здание (Н, I, с. 451; Г, I, с. 138, № 0668).

979. [illegible] [峨 — э], ngo, нго — полностью знак "ровный", "равный", правая часть знака "столпиться", "собираться" — комната, дом, многоэтажное здание (Н, I, с. 554; МП, 1561).

980. [illegible] [婁 — лоу], lew, леы — из частей знаков "дворец", "ограда", "дом", "помещение", "центр", "середина" — многоэтажное здание, башня (пагода?) (МП, 1461).

981. [illegible], lu, лу — колодец (Н, II, с. 326).

982. [illegible] [骨 — гу], ngu, нгу — жилище, обиталище (МП, 3128).

983. [illegible] [尼則 — ницзэ] — левая часть знака "вода", правая часть знака "императрица" — мост, переход, выстроенный над рекой (МП, 2608; Г, II, с. 205).

984. [illegible] riə̂, риэ — зал, комната (Г, I, с. 149, № 0933).

985. [illegible] [暮 — му], mbu, мбу — сокровищница, кладовая (Н, II, с. 308; МП, 3179).

986. [illegible] [捺 — на], ndɪ̂u, ндиу — левая часть знака "кладовая", правая часть знака "иметь" — склад, кладовая, копить (МП, 227).

987. [illegible] [名 — мин], mɪ̂e, мие — правая часть знака "дворец", правая часть знака "комната" — дом, здание, юрта, комната, помещение, название жилья (МП, 458; Г, II, с. 244, в значении "дворец"; Н, I, с. 187; Г, II, с. 235).

988. [illegible] [亡 — ван], viuo, виуо — верхняя часть знака "дерево", полностью знак "спина" — мост, переход (МП, 2524).

989. [illegible] [渴 — кэ], kha, кха — колодец (Н, I, с. 336; МП, 3628; Г, I, с. 107, № 4199; ПИ, с. 3а, изречение 20).

990. [illegible], ni, ни — левая часть знака "комната", полностью знак "жить" — дом, жилище, юрта, шатер, кибитка, комната, жилье (МП, 371; Г, II, с. 224).

991. [illegible] [須 — сюй], ·u, у — из правых частей знаков "хранить", "прятать", "содержать в...", "шкатулка", "находиться в..." — кладовая, чулан, сокровищница, место, где хранят ценности (Н, I, с. 311; МП, 143).

15-2 280

992. [tangut] [奴 — ну] — полностью знак "высокий", правая часть знака "оставаться спокойным" — многоэтажный дом, башня, название того, что ниже, чем башня (МП, 173; ПИ, л. 2[a], изречение 2).

993. [tangut] [野 — е], ·i̭e — тюрьма, хлев, загон для скота (также в значении "ад") (Н, II, с. 180; МП, 3092, 4116).

994. [tangut] [名 — мин], mi̭e, мие — дворец (МП, 4774).

Биномы

995. [tangut] [tangut] [西 — си], si̭e̥i, сиэи + [哺 — бу], pi̭u, пиу — дворец (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

996. [tangut] [tangut] [哺 — би], pi̭u, пиу + ? — дворец (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

997. [tangut] [tangut], ki̭u, киу + [皮 — пи], phi, пхи — жилище, дом (?) (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

998. [tangut] [tangut] ? + tŝôn, тшон — шалаш (?) (ЦЦ (с. 28), раздел XXIV).

999. [tangut] [tangut] [姑 — гу], khu̥, кху + [斡 — во], wa, ва — дворцовый комплекс, императорский город (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

1000. [tangut] [tangut], li̭ə, лиэ + pho, пхо — шалаш из тростника (?) (Н, I, с. 347; ЦЦ (с. 28), раздел XXIV).

1001. [tangut] [tangut], mbḁi, мбаи + ? — травяной шалаш (?) (Н, II, с. 350; ЦЦ (с. 28), раздел XXIV).

1002. [tangut] [tangut] ? + [底 — ди], ti̭ei, тиэи — ? (ЦЦ (с. 28), раздел XXIV).

1003. [tangut] [tangut] [奄 — янь], ·a, a + ? — комната (?), палатка (?) (Н, I, с. 358; ЦЦ (с. 28), раздел XXIV).

1004. [tangut] [tangut] [奄 — янь], ·a, a + ? — дом, жилище, комната (?) (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

1005. [tangut] [tangut] ri, риэ + [姑 — гу], khu, кху — огороженный изгородью зал (без стен) (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV; ЧЧЧ, л. 22).

1006. [tangut] [tangut] [耿 — гэн], kâi, каи + [哺 — бу], pi̭u, пиу — (граница + дворец?) (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

1007. [tangut] [tangut] [悟 — у], ngu̥, нгу + ? — загон для коровы (?) (ЦЦ (с. 28), раздел XXIV).

1008. [tangut] [tangut] [名 — мин], mi̭e, мие + ? — дом, комната (ЦЦ (с.28), раздел XXIV).

1009. [tangut] [tangut] [名 — мин], mi̭e + ? — глинобитный + обходить границы дозором (ЦЦ (с. 27), раздел XXIV).

1010. [tangut] [tangut] [底 — ди], tsi̭ei, тшиэи + [峨 — э], ngɑ, нго — кухня (ЧЧЧ, л. 22).

1011. [奴 — ну], ndu, нду + [領 — лин], ldɪ̂en, лдиен — каменное здание (Н, II, с. 354; МП, примеч. к № 173, в значении "многоэтажный дом").

Культовые сооружения

Одиночные знаки

1012. [尼積 — ницзи], ndzɪ̂ei, ндзиеы — холм, курган (Н, I, с. 418).
1013. [那 — на], ndạ, нда — большая часть знака "беседка", левая часть знака "глотка", "горло" — кумирня, дом с нишей (также "протыкать", "делать отверстие") (МП, 1942).
1014. [沒 — мэй] — пагода (субурган) (МП, 3752; Г, I, с.81, № 3674, II, с. 235).
1015. [野 — е], ·i̭e, иэ — кумирня, храм (Н, I, с. 190; Г, I, с. 83, № 1279, II, с. 250).
1016. [斡 — ва], wạ, ва — жертвенник, алтарь (Н, I, с. 281).
1017. [名 — мин], mɪ̂e, мие — храм (МП, 4775).
1018. [沒 — мэй], mə, мэ — храм (МП, 3739).
1019. [烏 — у], ·u, у — левая часть знака "умереть", "хоронить", средняя часть знака "класть", "помещать" — название того места, которое предназначают для оставления умерших (кладбище) (МП, 48).
1020. [奴 — ну], ndu, нду — ступа, субурган (Н, I, с. 617; МП, 3224; Г, II, с. 248).
1021. [那 — на], no, но — ступа, субурган (МП, 4287).
1022. [涅 — не] — могила (МП, 4091).
1023. ([illegible])[[illegible] — ло], lwa, лва — могила, курган (МП, 3586).
1024. [㗚 — ли], ri̭ə, риэ — зал, храм (Н, I, с. 493).
1025. ? — из частей знаков "высокий", "десять", правая часть знака "доблестный" — могильный холм, курган, могила (Н, II, с. 356; МП, 2851).
1026. [菩 — пу], mbu, мбу — могила (МП, 4160).
1027. ([illegible]) [自 — цзы], tshə, тсхэ — левая часть знака "большой", правая часть знака "серебро" — буддийский храм, монастырь (МП, 914; Г, I, с. 127, № 0965).

15-3 280

1028. [没 — мэй] + [奴 — ну], ndu, нду — ступа (Н, II, с. 332, 617).

1029. () [野 — е], ·i̯e, ие + [庖 — пао] — окно в храме (Н, I, с. 190; ЩЦ (с. 28), раздел XXIV).

1030. li̯o, лио + [野 — е], ·i̯e, ие — храм духа-хранителя (ЩЦ (с. 27), раздел XXIV).

1031. [菩 — пу], mbu, мбу + [奄 — янь] — могила (?), гробница (?), субурган (?) (МП, пояснение к № 173).

Одиночные знаки

1. 玉 *юй* — яшма, нефрит
2. 羊 *ян* — баран, овца
3. 手 *шоу* — рука
4. 冔 *сюй* — китайская шапка, известная с эпохи Инь
5. 胄 *чжоу* — шлем, шишак
6. 犭 *цюань* (полное написание 犬) — собака, пес
7. 刀 *дао* — нож, меч (в редких случаях алебарда)
8. 刃 *жань* — лезвие, острие, меч, заколоть, зарезать
9. 袴 *ку* — штаны
10. 馬 *ма* — лошадь
11. 侯 *хоу* — титул
12. 環 *хуань* — кольцо

Биномы

13. 匱櫃 *гуйгуй* — прилавок, стойка, шкаф
14. 唐巾 *танцзинь* — шапка императора и высших чиновников
15. 胭脂 *яньчжи* — румяна, косметика
16. 帶絆 *дайбань* — опутывать поясом, пояс
17. 大夫 *дафу* — титул
18. 幞頭 *путоу* — название головной повязки, а позднее шапки китайских чиновников
19. 謀克 *моукэ* — чжурчжэньское слово "сотник"
20. 冠弁 *гуаньбянь* — охотничья шапка императора
21. 冕旒 *мяньлю* — корона китайского императора
22. 禿髮 *туфа* — прическа тангутов (дословно "лысая голова")
23. 髡髮 *куньфа* — прическа киданей (дословно "нагая голова", "лысая голова")

15-4 280

24. 寶劍 *баоцзянь* — "драгоценный меч"

25. 烏紗帽 *ушамао* — чиновничья шапка XVI в.

26. 天寶衣 *тяньбаои* — императорская одежда

27. 通天冠 *тунтяньгуань* — головной убор императора и высших сановников

БИБЛИОГРАФИЯ

АГ — *Albert Grünwedel*. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesish Turkistan. B., 1922.
Байе — *Байе*. Византийское искусство. СПб., 1888.
Бичурин, 1833 — *Н.Я.Бичурин (отец Иакинф)*. История Тибета и Хухунора. СПб., 1833, ч. II.
Бичурин, 1950. — *Н.Я.Бичурин*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М., 1950.
Бретшнейдер — Альбом Э.В.Бретшнейдера. — Архив ЛОИВ, ф. 8, оп. 1, № 27 (1212) — 38 (1212).
Брэм — *А.Э.Брэм*. Жизнь животных. Т. III. СПб., 1897.
ВМ — Византийская миниатюра. М., 1977.
Воробьев — *М.В.Воробьев*. Древняя Корея. М., 1961.
ВСЗ — Вновь собранные записки о сыновней любви и почтительности.— Изд. текста, введ. и пер. К.Б.Кепинг. М., 1990.
ВСИ — Всеобщая история искусств. М., 1961, т. II, кн. 12.
Вэньу — 文物 (Вэньу, 1963, № 3) (три репродукции в начале номера — собственно картина и ее сунские перерисовки).
Габен, 1963 — *Annemarie von Gabain*. Notes on Dress and Ornaments in Uigur Kingdom of Khocho. — Uralic and Altaic series, Bloomington, 1963, vol. 23 (отдельный оттиск).
Габен, 1973 — *Annemarie von Gabain*. Das Leben in Uigurischen Königreich von Qočo. Wiesbaden, 1973.
Гафуров — *Б.Г.Гафуров*. Таджики. М., 1972.
Готтенрот — *Ф.Готтенрот*. История внешней культуры. Т. I. СПб., 1911.
Гринстед — *E.Greenstead*. The Analysis of Tangut Script. [Lund], 1972.
Дютрейль — *J.L.Dutreil de Rhins*. Mission scientifique dans la Haute Asie 1890—1895. P., 1898.
Дх — 敦煌壁画服飾資料，北京 (Дуньхуан дихуа фучжуан цзыляо, Бейцзин (Пекин). 1959).
Картер — *T.F.Carter*. The Invention of Printing in China and its Spread Westward. N.Y., 1955.
Кодекс — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание. Изд. текста, пер. с тангутского, исследов. и примеч. Е.И.Кычанова в 4-х книгах. М., 1987, 1989.
Козин — *С.А.Козин*. Сокровенное сказание. Т. 1. М.—Л., 1941.
Козлов — *П.К.Козлов*. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.—Пг., 1923.
Кочетова — *С.М.Кочетова*. Божества светил в живописи Хара-хото. — Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока, т. IV. Л., 1947.
Кычанов, 1959 — *Е.И.Кычанов*. Некоторые сведения китайских источ-

ников об этнографии тангутов. — Советская этнография. М., 1959, № 4.
Кычанов, 1961 — *Е.И.Кычанов*. Новые словари в тангутской коллекции ЛО ИВАН. — Страны и народы Востока, вып. II. М., 1961.
Кычанов, 1964 — *Е.И.Кычанов*. К изучению структуры тангутской письменности. — Краткие сообщения Института народов Азии, сер. Языкознание. М., 1964, № 68.
Кычанов, 1965 — *Е.И.Кычанов*. Звучат лишь письмена. М., 1965.
Кычанов, 1968 - *Е.И.Кычанов*. Очерки истории тангутского государства. М., 1968.
Лекок, 1908 — *Albert von Le Coq*. Fragment einer manichaischen Miniatur. B., 1908.
Лекок, 1913 — *Albert von le Coq*. Chotscho. B., 1913.
Лекок, 1922-1928 — *Albert von le Coq*. Die buddistische Spätantice in Mittelasie. Vol. VI. B., 1922—1928.
Лекок, 1925 — *Albert von Le Coq*. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel Asien. B., 1925.
Лекок, 1926 — *Albert von le Coq*. Aus Hellas spuren in Ostturkistan. Lpz., 1926.
Лекок, 1928 — *Albert von le Coq*. Von Land und Leuten in Ost-Turkistan Berichte und Abenteuer der 4 Deutschen Turfanexpedition. Lpz., 1928.
Лубо-Лесниченко — *Е.И.Лубо-Лесниченко и Т.К.Шафрановская*. Мертвый город Хара-хото. М., 1968.
Луппов — *С.П.Луппов*. История книги как комплексная научная дисциплина. Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1970.
ЛШИ — 厲鶚,遼史拾遺, 上海 (*Ли Энхо*, Ляоши шии. Шанхай, 1936).
Марко Поло — Книга Марко Поло. М., 1955.
МП — Море письмен. М., 1969.
Невский — *Н.А.Невский*. Тангутская филология. Т. I, II. М., 1960.
Ольденбург — *С.Ф.Ольденбург*. Материалы по буддийской иконографии Хара-хото. СПб., 1914.
Очерки — Очерки истории Китая. Ред. Шан Юэ. М., 1959.
Палудан — *Ann Paludan*. Some Foreigners in the Spirit Roads of the Northern Song Imperial Tombs — Oriental Art, New Ser., 1983/84, vol. XXIX, № 4, с. 377.
Пеллио — Mission Pelliot en Asie Central. Des grottes de Touen-Houang. Vol. 5, 6. P., 1921.
ПИ — Вновь собранные драгоценные парные изречения. Пер. и изд. Е.И.Кычанова, М., 1974.
Пигулевская — *Н.В.Пигулевская*. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-хото и Турфана. — Советское востоковедение, т. I. М.—Л., 1940.
ПК — *Джиованни дель Плано Карпини*. История монголов (в той же книге Рубрук). М., 1957.
Потанин — *Г.Н.Потанин*. Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950.
Пржевальский — *Н.М.Пржевальский*. Монголия и страна тангутов. М., 1946.

РАД — *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Пер. с перс. языка. Л.А.Хетагурова. Т. I, кн. 1, М.—Л., 1941.
Рубрук — *Гильом Рубрук*. Путешествие в восточные страны (в той же книге Плано Карпини). М., 1957.
Рудова — *М.Л.Рудова*. Две гравюры из Хара-хото. — Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 28. Л., 1967.
ССЦ — 戴錫章西夏記 北京 (*Дай Сичжан*, Си ся цзи. Пекин, 1924).
ССЦШ — 西夏紀事本末 (Си ся цзи шу бэнь лю, б.м., б.г., 1875—1908).
ССШШ — 吴廣成, 西夏書史, 北京 (*У Гуанчэн*, Си Ся шу ши, 1936).
Стейн — *A.Stein*. Serindia. Oxf., 1901, T. I.
СШ — 宋史四部備要, 上海 (Сун ши, Шанхай, 1936).
СЧЛ — 謝稚柳, 敦煌藝術敘錄, 上海 (*Се Чжило*, Дуньхуан ишу сюилу. Шанхай, 1957).
Сычевы — *Л.П.* и *В.Л.Сычевы*. Китайский костюм (символика, история, трактовка в литературе и искусстве). М., 1975.
СЮ — 西域考古圖譜 (Си юй каогу ту пу, б.м., б.г.).
Тамура — *Tamura Yitsuzo and Kobayashi Tukio*. Tombs and Mural Paintings in Ch'ing-Ring Liao Imperial Mausaleys, Tokyo. Vol. II, 1952—1953.
Терентьев, 1975 — *A.P.Terentiev-Katansky*. The Appearance, Clothes and Utensils of the Tanguts. The Countries and Peoples of the East. Selected articles. M., 1974.
Терентьев, 1976 — *А.П.Терентьев-Катанский*. Легенда о Белой Земле. Страны и народы Востока. М., 1976, вып. 18.
Тильке — *Max Tilke*. Studien zu der Entwicklungsgeschichte des orientalischen Kostüms. B., 1923.
Троецарствие — *Ло Гуаньчжун*. Троецарствие. Т. II. М., 1954.
УДЦ — Zeichnungen nach Wu Tao-tse. München, 1913.
Уоддель — *А.Уоддель*. Лхасса и ее тайны. СПб., 1906.
Фогель — *T.Ph.Vogel*. Buddist Art in India, Ceylon und Java. Oxf., 1938.
ХХШ — 後漢書, 四部備要, 上海 (Хоу Хань шу. Шанхай, 1936).
Цыбиков — *Г.Ц.Цыбиков*. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918.
Чэнь Бинъин — 陳炳應, 西夏文物研究, 寧夏 (Си Ся вэньу яньцзю, 1985).ьцзю, 1985).
Шаванн — *Ed.Chavannes*, *A.I.Ivanov*. Stranitsa iz istoriy Si-sia-Toung Pao. Leiden. Vol. LXII, 1911.
Шервуд — *М.Шервуд*. Былые пути в Китай. М., 1931.
Шефер — *Э.Шефер*. Золотые персики Самарканда. М., 1981.
Ши Цзиньбо — 史金波, 西夏文化, 吉林 (Си Ся вэньхуа, Гирин, 1986).

SUMMARY

A.P.Terentyev-Katansky. The Material Culture of Xi Xia

The book contains an attempt to reconstruct the material culture of ancient Tangut state. This problem is complicated by insufficient archaeological investigation of Xi Xia territory. The principal materials are iconography data and some texts of Tangut vocabularies.

The fundamental idea of the book is widely propagandized in the works by some famous Russian orientalists (acad. D.S.Olderogge, prof. I.M.Steblin-Kamensky): the vocabulary is an important aspect of ethnographical reconstructions. If the term exists in the dictionary it means that the object exists in real life. From the contents of dictionaries one can imagine the clothes, the utensils, the weapon, the architecture of this vanished nation.

Therefore the author based his description of Xi Xia culture on the lexicographic data. The book is supplied with the vocabulary which is composed on the basis of ancient Tangut dictionaries and encyclopaedias. The text of the book contains the structure analysis of Tangut hieroglyphs.

The material of vocabulary is corroborated by the images of objects which are preserved in the Tangut drawings, by the information of the Chinese dynastic chronicles and by archaeological finds.

The Tanguts didn't live in isolation. Throughout the three centuries of its history Xi Xia was under the influence of Tibetans, Turcs, Kitans and other nations of Central Asia. Rich material illustrating these relations is given in the book.

One of the most important components of material culture is the clothes. The author gives the names of fabrics and reconstructs the clothes of various classes of Tangut society: nomades, peasants, city-dwellers, officials, priests and the Emperor.

Tanguts, like the other nations, valued jewelry and cosmetic. The corresponding part of the book describes this.

The history of Xi Xia is a history of permanent wars against neighbours. Wars supposed high development of military skills. Heavy cavalry named "iron vultures" put to flight enemy troops. Strong armours, excellent Tangut swords, arbalets, war chariots covered with iron plates—

all these things turned the Tangut army into a terrible enemy. The book gives a detailed description of Tangut weapons.

Xi Xia had half-nomadic, half-agricultural economic structure. Different breeds of cattle, cereals, vegetables and agricultural implements are described in the book.

Production of clothes, weapons, utensils is impossible without high development of manufactories. In dictionaries, one may find the names of various manufactories and their instruments. The Tangut pictures represent the forging of blacksmith's and carpenter's tools.

The Tangut encyclopaedias and dictionaries contain many names of buildings and architecture details. In their last researches the archaeologists discovered the ruins of ancient Tangut cities.

The most difficult subject for ethnographical science is food. The old Tangut texts retain many names of vegetable, milk and meat dishes. But this aspect is limited only to lexical information.

The book gives material to the ethnoguaphers and historians of Central Asia. The main aim of the author is the reconstruction of the perished Tangut culture from its separate elements.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Терентьев-Катанский Анатолий Павлович
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СИ СЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

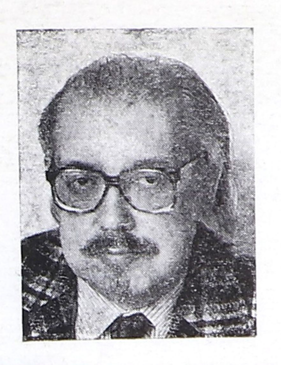
Заведующий редакцией *С.С.Цельникер*
Редактор *Т.М.Швецова*
Младший редактор *И.М.Гриднева*
Художник *Н.П.Парский*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *М.П.Горшенкова*
Корректор *В.И.Мартынюк*

ИБ № 16822

Сдано в набор 09.07.92. Подписано к печати 08.07.93
Формат 60×84 $^1/_{16}$. Бум. офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.п.л.13,72. Усл. кр.-отт. 13,95. Уч.-изд.л. 14,53
Тираж 800 экз. Изд. № 7421. Зак. № 280. "С" — 1

ВО "Наука"
Издательская фирма "Восточная литература"
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Анатолий Павлович Терентьев-Катанский родился в 1934 г. В 1958 г. окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета.

Многие годы А. П. Терентьев-Катанский занимался исследованием тангутских рукописей и ксилографов, хранящихся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения РАН. В 1973 г. он защитил кандидатскую диссертацию по истории тангутской книги. А. П. Терентьев-Катанский — автор многих статей, а также монографий — «Книжное дело в государстве тангутов» (1981) и «С Востока на Запад: Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII—XIII веков» (1990). В работах А. П. Терентьева-Катанского восточная книга рассматривается как источник сведений не только о духовной, но и материальной культуре народов.